

В.А. Булкин

Гнёздовский могильник
и курганные древности
Смоленского Поднепровья

ОЛЬШАНСКАЯ ГРУППА 1943 Г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА 1943 г.

Институт истории материальной культуры РАН
Кафедра археологии Санкт-Петербургского университета

Institute of history of material culture RAS
Chair of Archaeology, Sainkt Petersburg University

В.А. Булкин

**ГНЁЗДОВСКИЙ МОГИЛЬНИК И КУРГАННЫЕ
ДРЕВНОСТИ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ**

V.A. Bulkin

**GNEZDOVO CEMETERY AND BARROWS
OF UPPER DNIEPER BASIN (SMOLENSK AREA)**

Санкт-Петербург — Смоленск
Sainkt Petersburg — Smolensk
2025

УДК 902/903 ББК 63.4(2)
Б 90

Рецензенты:
д-р ист. наук А.Е. Леонтьев (Институт археологии РАН)
д-р ист. наук В.А. Лапшин (ИИМК РАН)

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Булкин В.А.

Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского
Б 90 Поднепровья /Отв. ред. Н.А. Кренке, В.Н. Седых. — Смоленск: Сви-
ток, 2025. — 232 с.: ил.
ISBN 978-5-907920-24-8

Книга является публикацией кандидатской диссертации Василия Александровича Булкина (1945–2017), защищенной в 1973 г. в Ленинградском университете. Это фундаментальное исследование, в котором описан Гнёздовский могильник IX–X вв. Памятник рассмотрен в исторической динамике и в окружающем археологическом контексте. Предложена авторская историческая реконструкция феномена Гнёздова — поселения викингов на верхнем Днепре в окружении местных кривичей и славян, пришедших с юга. Текст и иллюстрации подготовлены для печати Н.А. Кренке и В.Н. Седых. Для историков и археологов.

ББК 63.4(2)

На первой странице обложки — фото И.С. Абрамова 1905 г. — курган 24 Олышанской группы во время раскопок. (Научный архив ИИМК РАН).

На четвертой странице обложки — карта Гнёздовского комплекса, снятая в 1901 г. штабс-капитаном В. Заленским (по: В.И. Сизов, 1902).

Форзац — фото Олышанской и Центральной группы 1943 г.

Нахзац — план Центральной группы, снятый в 1950 г. М.Н. Кисловым.

.....
Научное издание

Булкин Василий Александрович

ГНЁЗДОВСКИЙ МОГИЛЬНИК И КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Выпускающий редактор *И. Флиманкова*; технический редактор *М. Алейник*;
корректор *М. Красильникова*

Издательство «Свиток». Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216. Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано к печати 14.02.2025 г. Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «MinionPro». Печ. л. 7,5. Тираж 300 экз. Заказ №298

ISBN 978-5-907920-24-8
DOI 10.54016/SVITOK.2025.73.55.001

© Оформление. «Свиток», 2025
© Дизайн обложки. Н.А. Кренке, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

О работе В.А. Булкина. Взгляд на Гнёздово 50 лет спустя (Н.А. Кренке)	4
Введение.	12
Глава I. Структура Гнёздовского археологического комплекса. Постановка проблемы. Метод.	14
Глава II. Смоленское Поднепровье VIII–XIII вв. по материалам курганных древностей.	35
Глава III. Гнёздовский могильник.	58
Глава IV. Гнёздово как исторический источник	106
Приложение 1. Курганные могильники Смоленского Поднепровья.	121
Приложение 2. Данные о раскопках Гнёздовского могильника в XIX–XX вв.	131
Список литературы и сокращения	160
Список архивных дел	174
Список работ В.А. Булкина (сост. В.Н. Седых)	175
Иллюстрации (таблицы №№ 1–57).	183

О РАБОТЕ В.А. БУЛКИНА. ВЗГЛЯД НА ГНЁЗДОВО 50 ЛЕТ СПУСТЯ

Необходимость дальнейшей источниковедческой обработки и максимально полной публикации материалов Гнёздовского могильника назрела давно. От этого зависит, станет ли этот памятник полноценным источником для решения ключевых проблем восточно-славянской истории IX–X вв. или останется объектом, способным подтвердить любые домыслы.

В.А. Булкин, 1976

Археологический комплекс «Гнёздово», важнейший памятник русско-го раннего Средневековья, по-прежнему, остается далеко не разгаданным, большая часть его материалов не опубликована, то есть не предъявлена для широкого обсуждения в научном сообществе. Серьезные шаги в попытке исправить эту ситуацию были предприняты в связи с 40-летним юбилеем Смоленской экспедиции МГУ (Смоленск и Гнёздово, 1991), 125-летним юбилеем изучения памятника, когда вышел том архивных документов и сборник статей (Гнёздовский могильник..., 1999; Археологический сборник, 2001). Важным итогом работ экспедиции Исторического музея стала публикация трех томов комплексных исследований, в том числе в пойменной части (Гнёздово, 2007; Гнёздовский археологический комплекс, 2018, 2021), а также результатов радиоуглеродного датирования (Мурашева и др., 2020). Тем не менее, острота проблемы сохраняется.

Нельзя сказать, что результаты аналитической работы В.А. Булкина с гнёздовским материалом были проигнорированы сообществом. Наоборот, именно серия его статей (Булкин, 1973; 1975а; 1975б; 1977; 1982; Булкин и др., 1971; 1978; Вешнякова, Булкин, 2001), а также коллективная монография (Булкин и др., 1978), дискуссия вокруг них (Куза и др., 1982) легли в основу формирования современной парадигмы интерпретации Гнёздова. Достаточно указать, что в монографии В.В. Седова (Седов, 1982) характеристика Гнёздовского могильника начинается следующими словами: «Краткая, но обстоятельная характеристика Гнёздовских курганов выполнена В.А. Булкиным» (Седов, 1982, с. 248). При этом В.В. Седов дает ссылку на коллективную монографию 1978 г. В.А. Булкина, И.В. Дубова и Г.С. Лебедева. Такой выбор приоритетов для ссылки отнюдь не случаен. Особенно важно подчеркнуть, что В.В. Седов указал на работу В.А. Булкина как на лучший синтез данных о Гнёздове, несмотря на то, что между ними были существенные разногласия и споры. Публикации В.А. Булкина остаются в фокусе внимания

исследователей и в настоящее время (см. Androshchuk, 2013; Duczko, 2004; Пушкина и др., 2012).

И всё же статьи не заменяют фундаментального монографического исследования В.А. Булкина, которое было защищено в качестве кандидатской диссертации на кафедре археологии ЛГУ в 1973 г. Научный руководитель, профессор М.И. Артамонов скончался за год до защиты, оппонентами выступали М.А. Тиханова и И.П. Шаскольский.

Работа В.А. Булкина является третьей монографией о Гнёздове, после работ В.И. Сизова (Сизов, 1902) и Н.В. Андреева (Андреев, 1951; популярная книжка, но содержащая уникальную информацию¹).

Название диссертации В.А. Булкина «Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья» — «зеркально» по отношению к названию книги В.И. Сизова «Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска». Но в отличие от работы В.И. Сизова, носившей публикационный характер, В.А. Булкин смог проанализировать гнёздовские материалы в широком археологическом контексте, соблюдая алгоритм «правильного» научного исследования, прошел по «ступеням» от описания и классификации древностей к выявлению их внутренних связей и затем — исторической интерпретации.

Работа отражает эпоху. Автор употребляет лексику «советской исторической науки» (хотя никакой «советской исторической науки» не может быть; может быть либо историческая наука, либо никакая наука вовсе) — «производственные силы», «социальная дифференциация», «феодалная иерархия», «родоплеменная структура» и т.п., но не цитирует «классиков» марксизма. Исследование отличается широкий кругозор, осведомленность в иностранной научной литературе. Автору было всего 26–28 лет в момент написания, и в тексте чувствуется эта молодая энергия и свобода мышления.

Диссертационное исследование основано, в первую очередь, на скрупулезном анализе архивных данных. Главным источником стал архив ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Не были известны В.А. Булкину данные аэрофотосъемок, выполненных немецкой авиацией в годы войны, и советской — в послевоенные годы. Беда советской археологии, вынужденной работать почти без топографических карт, не обошла Гнёздова. В.А. Булкин (как и другие коллеги до недавнего времени) оперировал весьма приблизительной съемкой 1901 г. капитана В. Заленского. Тем не менее, работа ценна, в первую очередь, своим текстом, иллюстрации играют вспомогательную роль.

¹ Нужно отметить, что была ещё одна диссертационная работа, посвященная Гнёздовскому могильнику. Н.В. Андреев 13 июня 1940 г. защитил в Московском педагогическом институте кандидатскую диссертацию под названием «Великий Гнёздовский могильник». Оппонентами выступали археологи А.П. Смирнов и Н.П. Милонов. Однако эту работу не удалось пока разыскать в архивах и библиотеках. Вероятно, частично она представлена в монографии Н.В. Андреева 1951 г.

Бесспорными плюсами исследования являются детальные описания методики работ предшественников; системный подход (например, сравнение взаимосвязанных процессов в Верхнем Поднепровье и на о-ве Готланд). Но главный плюс — методическая выверенность последовательности аналитической процедуры. Здесь нельзя не вспомнить, что работа писалась одновременно с публикацией книг «новой археологии». Поиски «теории среднего уровня» американскими учеными и «закономерностей» — советскими происходили одновременно и отражали желание нового поколения сделать археологию наукой.

Феномен Гнёздова В.А. Булкин рассматривает на фоне предшествующих и синхронных ему древностей местной культуры длинных курганов. Автор детально рассматривает три основные версии этнической интерпретации этой культуры и склоняется в итоге к мнениям Е.А. Шмидта и И.И. Ляпушкина (с некоторыми коррективами) о неславянской принадлежности этой культуры. Само Гнёздово рассмотрено в хронологической динамике, что очень важно. По мнению В.А. Булкина, первоначально возникло небольшое поселение воинов-скандинавов, могилы которых выявлены в Лесной группе. Затем это поселение инфильтрировало в себя пришлое славянское (с юга) и местное кривичское население. Сформировалась местная династия из потомков переселенцев-скандинавов.

Расшифровка «логики» планиграфии могильника — одно из самых сильных «интерпретационных» мест работы (глава 3, раздел VIII). Согласно версии В.А. Булкина, большой гнёздовский курган Ц-2 (нижнее погребение) является могилой почитавшегося вождя-предка, за которым на запад выстроилась цепочка больших курганов его потомков по мужской и женской линиям. Затем произошел «раскол» внутри династии, из неё выделились новые линии, занявшие новые участки для поселения и кладбища — таких линий пять (две локализируются вдоль Днепра — Днепровская группа курганов; три в районе Ольши — Ольшанские курганы). Эти линии — кладбища дружинников. Параллельно существовало и старое центральное кладбище, где хоронили рядовых городских жителей Гнёздова. В начале XI века поселение Гнёздово приходит в упадок, этому в немалой степени способствовало то, что вектор развития края в этом веке определялся христианизацией, для которой место Гнёздова, «пропитанное» язычеством, подходило мало. Культура Гнёздова — синкретичная. Тут шел интенсивный процесс аккультурации и метисации. Представителей второго-третьего поколений потомков первых насельников Гнёздова уже нельзя назвать скандинавами.

Спорные моменты в интерпретациях, предложенных В.А. Булкиным, конечно, есть, и их много, но останавливаться на них здесь нет смысла, важнее предъявить оригинальный текст, который пролежал «под спудом» 50 лет.

Кому-то может показаться, что прошло 50 лет с момента написания работы В.А. Булкина, и её публикация не столь актуальна. Нет уже в живых почти никого из участников дискуссии. Однако это не так. Во-первых, анализ материалов старых раскопок Гнёздова, проведенный В.А. Булкиным, совсем не устарел. Во-вторых, без предъявления текста диссертации невозможно понять, как развивалась история с осмыслением материалов Гнёздова в последней четверти XX в. Работа В.А. Булкина сыграла важную роль в дискуссии, и, может быть, поэтому иногда создается впечатление, что оппоненты старались обходить её умолчанием.

Публикуя работу В.А. Булкина, нельзя не сказать несколько слов о «споре о варягах», а также о том, как сегодня видится «феномен Гнёздова». В 1965 г., когда происходил знаменитый диспут между Л.С. Клейном и И.П. Шаскольским, В.А. Булкину было всего 20 лет, и он был слушателем. Затем В.А. Булкин активно включился в работу славяно-варяжского семинара ЛГУ, в течение ряда лет был его ведущим (Клейн, 2009). Тем не менее, в диссертации В.А. Булкина очень мало следов норманнско/антинорманнской баталии. И это не потому, что автор для безопасности стремился уйти от острой проблемы, а потому, что видел её надуманность. В.А. Булкиным была проработана этнографическая литература, и он понимал, что археология очень мало и неоднозначно может сказать об этничности. Его замечания о методической ущербности любых подсчетов процента «славянских» и «скандинавских» погребений в Гнёздовском могильнике очень ценны. Действительно, трактовки вещевых находок, черт погребальных обрядов могут быть различными, и необходимо учитывать, что вещи не отражают прямо этническую самоидентификацию людей. И всё же, опираясь на комбинацию «этнических» черт материальной культуры, можно делать предположения, обладающие большей или меньшей вероятностью. Соблюдая эту осторожность, В.А. Булкин предположил, как отмечено выше, что начало гнёздовскому поселку было дано пришельцами-скандинавами. А дальше... археология точно сказать не может, но логично предполагать, что шел процесс аккультурации, смешения людей разного этнического происхождения, проживавших совместно на поселении с чертами раннего города. Важно также, что В.А. Булкиным было доказано, что памятник не может быть интерпретирован как «дружинное кладбище». Этому противоречит «нормальная» половозрастная структура основного могильника, где женщины составляют половину, причем очень многие из них похоронены в скандинавском костюме. Ещё важно отметить, что В.А. Булкин оставался в рамках теории о том, что главная суть Гнёздова заключалась в обслуживании торгового пути из «варяг в греки».

В диссертации в развернутом виде сформулирована та концепция восприятия Гнёздова, которая хоть и существовала ранее, но после работы В.А. Булкина стала преобладающей в науке в конце XX — начале XXI в. А

именно то, что Гнёздово следует воспринимать как первоначальный Смоленск русских летописей IX в., и оно же фигурировало как крепость Мелениска, упомянутая в трактате X в. императора Византии Константина Багрянородного.

Эта версия теперь не выглядит убедительной в результате получения новых материалов в Смоленске (Кренке, Ершов, 2020; Кренке и др., 2020; 2023).

Раскопки в Смоленске в 2014–2023 гг. подтвердили наблюдения 1920-х гг. и 1939 г., дали новые материалы, свидетельствующие о том, что на Соборной горе между ручьями Смолигов и Смольянка в VIII–IX вв. существовало обширное поселение, укрепленное валом. В X в. это поселение пришло в упадок, на месте бывших построек отмечены борозды распашки. На берегу Днепра, чуть ниже Соборной горы возле Пятницкого ручья найдены остатки могильника с сожжениями второй половины I тыс. н.э. На месте могильника во второй половине X в. существовало небольшое поселение. Найдены ямы с круговой керамикой, сходной с гнёздовской.

То есть положение о том, что Гнёздово надо отождествлять со Смоленском, видимо, перестает быть актуальным. Оба поселения существовали параллельно, но в X в. Гнёздово существенно опережает Смоленск по скорости роста, и, вероятно, стагнация и сокращение площади Смоленска на Соборной горе было обусловлено ростом Гнёздова. В XI в., наоборот, Смоленск быстро растет, а Гнёздово приходит в упадок. Второе наблюдение, которое вытекает из всех работ, проведенных в Смоленске и Гнёздове, заключается в том, что почти нет никаких следов дальнейшего развития скандинавской культуры в материалах XI в. Разительное отличие наблюдается, если сравнивать Смоленщину с такими регионами, как Карелия или Латвия, где контакт местных племен со скандинавами породил многочисленные дериваты-гибриды вещей. Что же тогда такое представляло собой Гнёздово? Получается, что гипотеза, первоначально высказанная Т. Арне, а затем поддержанная Ингмаром Янсоном (Jansson, 1997), который, кстати, разбирал архив Т. Арне, выглядит весьма правдоподобно. Гипотеза заключалась в том, что Гнёздово представляло собой колонию шведов-скандинавов, наподобие колоний в Исландии, заселение которой происходило синхронно с появлением Гнёздова (вторая половина IX в.). Действительно, Гнёздово выглядит не как транзитный пункт на пути из «варяг в греки», а как конечный пункт колонизации, где остановилась группа пришлого населения, включавшая как мужчин, так и женщин, которые заняли и стали осваивать участок земли по берегам Днепра, вытеснив с него местное население, а частично включив его в свою группу. Исландские документы (Гуревич, 1963) показывают, что каждая семья знатных скандинавов-переселенцев имела рабов во множестве, как соплеменников, так и захваченных иноземцев. Да, какие-то представители этой группы участвовали в дальних походах, но главный след остался от

тех, кто жил и умер на гнёздовской земле. Поступательно росшее в течение полутора столетий главное поселение на устье р. Свинец и несколько поселений-сателлитов, обрамленных огромным центральным кладбищем и несколькими более мелкими могильниками, трудно воспринять иначе, нежели как город-колонию с некрополем и сельской округой. Население, в первую очередь элита этой колонии, сохраняло исходную культурную идентичность, лишь в некоторых сферах, таких как керамическое производство, шло на заимствования из культуры местного населения. Полное отсутствие следов скандинавской материальной культуры¹ в материалах Смоленска и Гнёздова XI–XII вв.² указывает на то, что произошли какие-то экстренные события — гибель поселения, переселение его жителей. Можно сказать, что Смоленск победил Гнёздово³. Главная линия дальнейшего развития края связана с возродившимся в XI в. Смоленском.

В подготовке рукописи и иллюстраций (оригиналы хранятся на кафедре археологии Института истории Санкт-Петербургского университета) к печати участвовали, помимо Н.А. Кренке и В.Н. Седых, Е.В. Каменецкая (выверка текста), Н.А. Тюкавкина (библиография), В.В. Бегунова, И.М. Струтинский, В.А. Волков. Библиография работ В.А. Булкина составлена В.Н. Седых при участии Л.М. Всевинова. Ссылки на архив ЛОИА заменены на ИИМК.

Литература

Андреев Н.В. О чем рассказывают курганы. — Смоленск, 1951. 126 с.

Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. — М., 2001, 220 с.

Булкин В.А. О так называемых пустых курганах Гнёздовского могильника //КСИА, вып. 135. — М., 1973. С. 120–122.

Булкин В.А. Большие курганы Гнёздовского могильника //Скандинавский сборник. — Таллин, 1975, XX. С. 134–145.

Булкин В.А. Курган 7 из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове //КСИА, вып. 144. — М., 1975. С. 81–84.

¹ В данном случае не идет речь об общих заимствованиях скандинавских элементов в древнерусской культуре (см. Лесман, 2014), а лишь утверждается, что отсутствуют следы непосредственного присутствия скандинавов в Гнёздове и Смоленске в XI–XII вв. (см. также Кренке, Каинов, 2023).

² В Смоленске найдены единичные скандинавские вещи — фибула в стиле терслев (Пронин, 2020, рис. 239, 9), луковое сверло сходное с гнёздовскими (Кренке, 2025), но, видимо, это находки X в.

³ Может быть, продуктивным будет сравнение Гнёздовской колонии с другой шведской колонией на нижнем Днепре — Gammalsvenskby (Старошведское), существовавшей в конце XVIII — первой половине XX в. История последней обнаруживает много сходных черт с историей Гнёздова. Что касается начала Гнёздова, то нельзя исключить возможность, что это произошло в 882 г. Текст ПВЛ сообщает, что Олег «приде к Смоленску с кривичи, приял град и посади муж свои». Возможно, что начало шведской колонии возле Смоленска было зафиксировано в летописи именно таким образом. Подробнее см. Кренке, 2025.

Булкин В.А. Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами из Гнёздовского могильника // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. — Ленинград — Москва, 1976. С. 151-153.

Булкин В.А. Курган 18 из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. — Л., ЛГУ, 1977. С. 33-37.

Булкин В.А. «Курган 97» из раскопок С.И. Сергеева // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья. — Л., Изд. ЛГУ, 1982. С. 138-142.

Булкин В.А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. — Л., Изд. ЛГУ, 1978. 150 с.

Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка // Культура Средневековой Руси. — Л., Наука. 1974. С. 11-17.

Булкин В.А., Назаренко В.А. О нижней дате Гнёздовского могильника. // КСИА, вып. 125. — М., 1971. С. 13-16.

Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Труды ГИМ, 124. — М., 2001. С. 40-53.

Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. Отв. ред. В.В. Мурашева. «Альфарет». — М., 2007. 329 с.

Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып.1. Труды ГИМ. Вып. 210. — М., 2018. 549 с.

Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып.2. Труды ГИМ, вып. 215. — М., 2021. 472 с.

Гнёздовский могильник. Исследования и публикации. Часть 1. Археологические раскопки 1874 — 1901 гг. (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. — М., 1999. 160 с.

Гуревич А.Я. Колонизация Исландии // Калининский пед. инст. Ученые записки. Т. 35. — Калинин, 1963. С. 212-245.

Гусева В.П., Клещенко Е. А. Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Певзнер М. М. Могильник с кремациями VII—VIII вв. в Смоленске // КСИА, вып. 272. — М., 2023. С. 237-248.

Клейн Л.С. Спор о варягах. — СПб., Евразия, 2009. 395 с.

Кренке Н.А. К вопросу об исторической интерпретации Гнёздовского археологического комплекса // Край Смоленский. 2025. № 1. С. 42-47.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В. А. Смоленск и Гнёздово // Археологические вести. Вып. 28. — СПб, 2020, С. 296-303.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В.А., Войцик А.А., Лавриков М.В. Керамика VIII—XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII—XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. — Москва — Смоленск, Свиток, 2020. С. 30-48.

Кренке Н.А., Ганичев К.А., Ершов И.Н., Кованцев А.В., Крылович О.А., Лопатина О.А., Моисеенков Г.О., Раева В.А., Савинецкий А.Б. Дискуссия о Смоленске — граде кривичей //КСИА, вып. 271. — М., 2023. С. 281-302.

Кренке Н.А., Каинов С.Ю. О смоленской берестяной грамоте №11 с «руническим письмом» //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3, 2023. С. 99-105.

Куза А.В., Леонтьев А.Е., Пушкина Т.А. Рецензия на кн. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. — Л., 1978 //СА, 1982, № 2. С. 277-288.

Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры //Stratum plus, № 5, 2014. С. 43-87.

Мурашева В.В., Панин А.В., Шевцов А.О., Малышева Н.Н., Зазовская Э.П., Зарецкая Н.Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования. //Российская археология. 2020. № 4. С. 70-86.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс //Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. — М., 2012. С. 242-273.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.: Наука, 1982. 327 с.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. МАР № 28. Вып. 1. — СПб., 1902. 136 с.

Смоленск и Гнёздово (из истории древнерусского города). Под ред. Д.А. Авдусина. — М.: Изд. МГУ, 1991. 264 с.

Androshchuk F. Viking in the East. Uppsala, Uppsala Universitet, 2013. 272 p.

Duczko W. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Brill. Leiden, Boston, 2004. 290 p.

Jansson Ingmar. Warfare, Trade or Colonization. Some general remarks on the Eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period //The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro, 1997. P. 9-64.

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники Верхнего Поднепровья эпохи, предшествующей образованию древнерусского государства и первых веков его существования, являются объектом пристального внимания советских археологов-славистов. Широка и многообразна проблематика, связанная с изучением этих памятников, а их значение для понимания процесса формирования древнерусской народности и государства трудно переоценить. Основы этого раздела славяно-русской археологии были заложены ещё дореволюционными археологами, среди которых выдающееся место принадлежит А.А. Спицыну, предпринявшему первую попытку классификации этих древностей и их интерпретации. В дальнейшем значительный вклад в изучение памятников Верхнего Поднепровья внёс А.Н. Лявданский, а в настоящее время — Е.А. Шмидт, П.Н. Третьяков и В.В. Седов. Осмысление с позиции исторического материализма большого фактического материала, накопленного со второй половины XIX в., позволило советским археологам вплотную подойти к решению таких важных исторических проблем, как разложение родоплеменных отношений и становление новых классовых отношений у племён, обитавших в области Верхнего Поднепровья.

Среди могильных древностей Верхнего Поднепровья и, пожалуй, в целом Восточно-Европейской равнины особое место обычно отводят Гнёздовскому могильнику как по его масштабам, так и по комплексу проблем, связанных с ним. В нём, как в фокусе, сходятся интересы археологов и историков, языковедов и нумизматов. Материалы могильника привлекаются для анализа таких крупных проблем, как формирование социальной структуры древнерусского государства, становление экономических и культурных взаимоотношений его со странами арабского Востока и Запада, этногенез кривичей, происхождение города Смоленска и многих других. Судьба Гнёздова теснейшим образом связана с той конкретно-исторической обстановкой, которая складывается в области Верхнего Поднепровья в IX—X вв. Письменные данные содержат очень скудные сведения о характере этой обстановки, поэтому важнейшим источником для её реконструкции и является археологический материал. Только путём реконструкции этой обстановки, а также выявлением общих и частных закономерностей формирования Гнёздова, можно вплотную подойти к решению вопросов социально-исторического содержания, имеющих непосредственное отношение к древнейшему прошлому нашего государства. Этой теме, главным образом, и посвящено данное исследование.

В работе в той или иной мере учтены и использованы материалы публикаций, архивов и фондов Института археологии АН СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Смоленского об-

ластного краеведческого музея. Решению некоторых вопросов способствовало участие автора в археологических экспедициях: Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса и Смоленского областного краеведческого музея под руководством Е.А. Шмидта в области Днепро-Двинского междуречья и Посожья, Днепровской — под руководством И.И. Ляпушкина в Гнёздове, Смоленской — под руководством Д.А. Авдусина в Смоленске и Гнёздове, Полоцкой — под руководством Г.В. Штыхова в области полоцкого Подвинья, Староладожского отряда ЛОИА АН СССР под руководством Г.Ф. Корзухиной, того же отряда под руководством В.А. Назаренко, а также обследование автором бассейна р. Хмость (Смоленская область, правый приток Днепра).

Бесценную помощь и поддержку в работе оказывали автору, светлая память, И.И. Ляпушкин и Н.А. Артамонов. Свою признательность автор выражает Г.Ф. Корзухиной и Е.А. Шмидту. Большую помощь автору оказали Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко и другие участники Проблемного семинара кафедры археологии ЛГУ.

Работа состоит из четырёх глав, приложений, где даны общие сведения об источниках, используемых в работе, и альбома иллюстраций.

ГЛАВА I. СТРУКТУРА ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. МЕТОД

РАЗДЕЛ 1. ТОПОГРАФИЯ ГНЁЗДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В 1868 г. в десяти верстах к западу от Смоленска у д. Гнёздово был найден клад древних вещей. Затем в районе находки обнаружили многочисленные курганы. На археологической карте России появилась ещё одна точка.

Раскопки могильника были начаты в 1874 г. М.Ф. Кусцинским по поручению тогдашнего председателя Московского Археологического общества графа А.С. Уварова. Первые же раскопки древних курганов подтвердили догадку археологов о необычайности обнаруженного памятника. Через 28 лет, в 1902 г. вышла из печати монография В.И. Сизова, подводящая итоги первых исследований гнёздовских курганов¹.

Предложенное В.И. Сизовым разделение Гнёздовского могильника на несколько групп с некоторыми поправками принимается и в настоящее время². Согласно этому делению в местности, непосредственно прилегающей к д. Гнёздово, следует различать две части могильника: на западном берегу р. Свинки, впадающей в Днепр, собственно гнёздовский могильник, на левом берегу — лесной могильник, названный так, потому что покрыт густым лесом³. Кроме них В.И. Сизов выделяет и другие группы: на левом берегу Днепра, напротив д. Гнёздово и к западу от деревни по Днепру (табл. 1).

Через 20 лет после выхода книги В.И. Сизова новое обследование памятников предпринял А.Н. Лявданский⁴. Со своими коллегами он снял подробный план курганов в районе Гнёздова, опубликованный, к сожалению, лишь схематически в статье 1924 г. (табл. 2). К ранее известным группам прибавились ещё две — к западу от нижнего течения р. Ольши, впадающей в Днепр, а также несколько одиночных насыпей. Помимо этого, А.Н. Лявданский конкретизировал расположение отдельных курганных скоплений и дал им подробное описание.

¹ В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. МАР № 28. — СПб., 1902.

² Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО. Вып. 1. — Смоленск, 1952, с. 311-366. Он же. Гнёздовская экспедиция. КСИИМК. Вып. 44. — М., 1952, с. 93-103.

³ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 4.

⁴ А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. — Смоленск, 1924, с. 127-149.

Послевоенные систематические работы гнёздовской экспедиции под руководством Д.А. Авдусина уже не выявили новых курганов. Опубликованный Д.А. Авдусиным схематический план (подробный план окончен в 1950 г., но не издан), в общем, совпадает с планом А.Н. Лявданского (табл. 3 -6)¹.

Помимо опубликованных общих планов гнёздовских курганов и их описаний в нашем распоряжении имеются планы, схемы, зарисовки и фотографии курганных групп, выполненные в разное время С.И. Сергеевым, И.С. Абрамовым, Е.Н. Клетновой. В работе использованы дневниковые записи В.И. Сизова, лишь отчасти вошедшие в его монографию. Все эти материалы хранятся в архиве ИИМК РАН².

Главной трудностью, с которой приходится сталкиваться при описании отдельных частей «Великого гнёздовского могильника»³, является их воссоздание. При детальном сопоставлении планов А.Н. Лявданского и Д.А. Авдусина, не говоря уже об их сопоставлении с планом В.И. Сизова, легко убедиться, что совпадают они далеко не во всех деталях. Эти несовпадения лишь в редких случаях объясняются неосведомленностью исследователей относительно расположения курганных групп. Каждый очередной общий план гнёздовских курганов отражает картину постепенного исчезновения как отдельных курганов, так и целых частей могильника. Даже в тех случаях, когда курган испорчен колодцем или траншеей кладоискателя и представляет жалкие остатки, все же его можно распознать и нанести на план⁴. Но уже навсегда утрачены сотни курганов, уничтоженных при прокладке Риги-Орловской железной дороги⁵ и разработках двух огромных песчаных карьеров, которые до сих пор продолжают поглощать курганы, стоящие на их краях⁶. Многие курганы были уничтожены известковыми и кирпичными заводами. Расширение территории д. Гнёздово также влекло за собой порчу или полное разрушение курганов. Немало их, видимо, размыто днепровским половодьем. Уже в 20-х годах А.Н. Лявданский пришел к выводу, «что курганов погибло минимум 1/5 всего числа»⁷. Нужно полагать, что к моменту съемки курганов в 1950 г. это число увеличилось. Именно поэтому свидетельства первых исследователей Гнёздова, пусть не всегда исчерпывающие, являются очень

¹ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. — Смоленск, 1957, с. 114, рис. 6; М.Н. Кислов. Приемы топографической съемки гнёздовских курганов. КСИИМК, вып. 47. — М., 1952, с. 117-124.

² Архив ИИМК РАН: 1) ф. 1, 1894, д. 55; 2) ф. 1, 1896, д. 69; 3) ф. 1, 1898, д. 172; 4) ф. 1, 1901, д. 141; 5) ф. 1, 1914, д. 323; 6) ф. 1, 1905, д. 54; 7) ф. 1, 1899, д. 106; 8) ф. 1, 1900, д. 17; 9) ф. 1, 1901, д. 7.

³ Е.Н. Клетнова. Великий гнёздовский могильник. *Niederluf sbornik*, Praha, 1925, S. 309.

⁴ М.Н. Кислов. Указ. соч., с. 118, 119.

⁵ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 4.

⁶ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. 7. — Смоленск, 1970, с. 236.

⁷ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 120.

важным, а подчас и единственным источником для внешней характеристики гнёздовских курганов. Последовательное сопоставление этих и последующих данных в хронологическом порядке и их критический анализ — тот единственный путь, который может дать положительные результаты.

Описание Гнёздовского могильника имеет смысл вести с запада на восток, что обусловлено, как можно будет убедиться ниже, возрастанием сложности отдельных его частей.

Самое западное скопление курганов находится на левом берегу р. Нивленки (правый приток Днепра) при впадении её в Днепр (табл. 2). Здесь на возвышенном лугу зафиксировано 20 курганов, стоящих вплотную друг к другу. Насыпи курганов полусферические, круглые в плане¹. В центре группы — курган высотой до 1,5 м. Остальные меньше, а некоторые чуть заметны на поверхности².

В полукилометре на ЮВ находится другая курганная группа, насчитывающая 100 курганов. Группа расположена на узком всхолмлении, идущем параллельно Днепру (табл. 2). Курганы стоят очень близко друг от друга, почти слитые и имеют общую полусферическую форму. Самый большой из них — в центре, высотой до 1,5 м. Остальные — гораздо меньше.³ Несколько курганов располагалось некогда на правом берегу р. Ольши, в её устье (табл. 10). На плане 1901 г. их здесь насчитывалось 6. А.Н. Лявданский отмечает здесь только 3 кургана. На плане 1953 г. — 4 кургана. На первом плане эти курганы расположены следующим образом: самый южный (одиночный) — в месте впадения р. Ольши, выше по её течению — одна пара курганов, ещё выше — другая, шестой курган — западнее обеих пар на расстоянии 100–120 м. Отмеченные А.Н. Лявданским курганы соответствуют на плане 1901 г. одиночному кургану в устье р. Ольши и первым двум курганам вверх по течению. Остальные три насыпи, находившиеся в то время, судя по всему, в лесу, на плане А.Н. Лявданского отсутствуют. На плане 1953 г. нанесена одиночная насыпь в устье р. Ольши, далее — один из двух курганов севернее и наконец, два кургана, замыкающие эту цепочку с севера. Одиночная насыпь к западу здесь также отсутствует.

На левом берегу р. Ольши имеются как одиночные курганы, так и целые группы. Первая одиночная насыпь обозначена на плане 1901 г. к востоку от мыса Ольшанского городища (табл. 1). Эта же насыпь обозначена на одной из схем Ольшанских курганов в дневнике И.С. Абрамова (табл. 6–3). Упоминает об этой насыпи и А.Н. Лявданский, как о «едва заметном курганчике,

¹ Терминология для описания внешнего вида кургана, употребляемая в данном случае, условна и определяет не столько характеристику конкретного кургана, сколько общепринятый тип насыпи. Многообразие формы насыпи даже в пределах этого типа очевидно.

² Е.Н. Клетнова. Раскопки в Гнёздове. «Смоленская Новь», № 3–4, 1923, с. 54–56; А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 145.

³ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 145.

находящемся в 50 саж. к В от границы, на правом берегу имеющейся здесь канавы; курган никем не исследован и уничтожается половодьем»¹.

Восточнее этой одиночной насыпи на плане 1901 г. имеется другая, расположенная в пойме Днепра. С.И. Сергеев помечает на одном из своих схематических планов эту насыпь номером 57 (по общей нумерации С.И. Сергеева) (табл. 7-5). Описание этого кургана находим у А.Н. Лявданского: «... один большой расплывшийся курган, находящийся на самом берегу Днепра, против впадения с другой стороны в него р. Русановки. Стоит вдали (в 250 саж.) от всех курганов и никем ещё не тронут. Форма его круглая, верхушка сильно приплюснутая; диаметр его 14 саж. при высоте 1,5 саж.»². Отмечен этот курган и на плане 1953 г.

Наконец, ещё одна одиночная насыпь отмечена на плане А.Н. Лявданского на левом берегу р. Ольши к северу от основной Ольшанской группы (табл. 2). На других планах насыпь отсутствует.

К СВ от Ольшанского городища имеется довольно большая курганная группа, расположенная на низком берегу Днепра. Группа нанесена на плане 1901 г. и впервые описана В.И. Сизовым³. Относительное расположение больших курганов и городища при впадении р. Ольши в Днепр довольно точно определено И.С. Абрамовым. Так курган 23 (по общей нумерации И.С. Абрамова) находится к северу от самого большого кургана 24 (табл. 6-2). Расстояние от городища до кургана 23 — полверсты (прибл. 500 м), а до кургана 24 — 450 шагов. Между курганом 24 и городищем место ровное, не занятое курганами. К северу от кургана 23 — ямы⁴. Они же помечены на плане 1901 г. Ямы, по мнению А.Н. Лявданского, относятся к остаткам бывшего здесь кирпичного производства⁵. Описания В.И. Сизова, И.С. Абрамова, А.Н. Лявданского в целом соответствуют плану 1953 г. и характеристике, которую дает Ольшанской группе Д.А. Авдусин⁶. На этом плане выделяется два скопления курганов. Южное скопление оканчивается с западной стороны самым большим в группе курганом. На северной гряде, идущей параллельно первой, находится второе скопление, в центре которого находится курган меньших размеров, нежели предыдущий большой курган. С западной стороны находится третий по величине большой курган. Общее количество курганов в группе, по подсчетам А.Н. Лявданского, составляет 160, по подсчетам 1953 г. — 143.

Между группой курганов на р. Ольше и следующей группой к востоку от неё на плане 1901 г. отмечен одиночный курган. Та же насыпь нанесена на

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 144.

² А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 143.

³ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 5.

⁴ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1905, д. 54.

⁵ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 144.

⁶ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках..., 1957, с. 169, 170.

один из схематических планов С.И. Сергеева под номером 56 и определена им как большая (табл. 7-5). Величина этого кургана превышала, по мнению С.И. Сергеева, другой большой курган — № 18, размерами 5,5 х 25,5 м¹. Никаких данных об этом кургане у последующих исследователей Гнёздова не содержится. На плане 1901 г. насыпь находилась приблизительно посередине между Ольшанской группой и следующей группой к востоку. На одном из планов С.И. Сергеева курган замыкает с западной стороны эту последнюю группу, на другом — расположен в некотором отдалении (табл. 7-15).

Следующее скопление курганов находится на низком берегу старицы Днепра. На плане 1901 г. оно обозначено цепью, в центре которой имеется большой курган. Подробное описание этих курганов находим у С.И. Сергеева: «Группа курганов на правом берегу р. Днепра расположена вдоль старицы речки, в ряд по одну и по два, на открытой местности, мыс сплошной массой тянется за ним, и только приближаясь к городищу на р. Ольше, курганы покрыты лесом, березками и дубками. Ближе к старице следы заплывших, раскопанных курганов, остались лишь небольшие возвышения. За этой группой, за большим очень курганом № 18 (снята фотогр. 1899 г.), тянется такая же группа, начинающаяся с одного кургана, затем по два в ряд, и заканчивающаяся ещё большим, против № 18, курганом, на вершине которого г. Сизов сделал пробную раскопку, но курган остался не исследованным. Далее курганы уже идут очень большой группой и покрыты лесом, за этой группой очень большой вал городища, упирающийся в старицу р. Днепра и в р. Ольшу»². Сходное описание этой группы имеется у А.Н. Лявданского³. На плане 1953 г. эти курганы также отмечены. Общее количество курганов в этой группе по подсчетам А.Н. Лявданского и Д.А. Авдусина одинаково — 148 насыпей. В дальнейшем эту группу мы будем именовать группой Сергеева, по имени её единственного исследователя (табл. 7).

На полпути от группы Сергеева до Центрального городища, на берегу безымянного ручья, имеются курганы, вытянутые цепью вдоль днепровской старицы. Эти курганы, числом 36, отмечены на всех трех планах. А.Н. Лявданский впервые обратил внимание на то, что часть этих курганов имеет четко выраженную четырехугольную форму⁴.

Центральная группа Гнёздовских курганов находится на правом берегу р. Свинки и занимает возвышенность, поднимающуюся от днепровского берега. В северной части курганы доходят до шоссе, в южной — до Днепра. Группа вытянута широкой полосой, ориентированной с СЗ на ЮЗ. В СВ части курганы довольно близко подходят к Свинке и отделяются от неё по мере движения в ЮЗ направлении. Самые южные курганы находятся на луговой

¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, д. 17.

² Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, д. 17.

³ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 142-143.

⁴ Там же, с. 142.

низине и сильно размыты половодьем. Все курганы полусферической формы имеют небольшие размеры. В центральной части группы на самом всхолмлении расположены курганы, громадные по своим размерам и своеобразные по форме. Их здесь насчитывается 5. Эти курганы образуют широкую полосу с З на В. Из них две восточные — высокие «сопковидные» насыпи, некогда, видимо, имели уплощенные вершины. Три западных — широкие насыпи диаметром до 30 и более метров, по форме напоминают шаровой слой с плоским верхом. В той же части имеются и другие курганы, сходные по форме с большими, но значительно меньших размеров. Остальные курганы обычной полусферической формы. В СВ части группы больших курганов таких же размеров нет. Насыпи в основном полусферической формы и лишь изредка в форме шарового слоя. Курганы стоят вплотную друг к другу, за исключением северо-западной окраины, где их размещение довольно свободно.

Большое количество курганов Центральной группы было уничтожено при прокладке железной дороги через южную часть группы, карьерами для добычи песка и извести, постройками д. Гнёздово, днепровским половодьем. По приблизительным подсчетам А.Н. Лявданского, курганы группы некогда занимали площадь около 19,25 га и насчитывали более 1500 единиц¹. Однако к 20-м годам их сохранилось 1101, а к последней съемке — только 769 на площади 17,25 га².

По левую сторону р. Свинки находится Лесная группа курганов. Местность здесь в целом ниже, чем та, которую занимает Центральная группа. Группа разделена руслом ранее протекавшего здесь ручья на северо-западную (меньшую) и юго-восточную (большую) части. Северной границей северо-западной части в настоящее время служит шоссе. Однако ещё ко времени обследования группы А.Н. Лявданским за шоссе находились 4 кургана, а в полутора километрах к СВ — одиночная насыпь. К моменту последней съемки эти курганы оказались уничтоженными постройками д. Глушенки³. Северо-западная часть состоит из обычных полусферических курганов. Самые крупные курганы находятся ближе к ручью. А.Н. Лявданский насчитал их около десятка, среди них один из самых больших доходил до 3 м высоты. Остальные курганы меньших размеров⁴. Часть курганов уничтожена при прокладке шоссе и добыче песка кирпичным заводом, бывшем в северо-западной части группы. А.Н. Лявданский насчитал здесь 356 курганов, включая сюда 4 кургана за шоссе. По данным съемки 1953 г. — 320 насыпей. Юго-восточная часть лесной группы находится приблизительно в 100–150 м от первой и в 250–300 м от р. Свинки. Курганы этой части идут широкой неровной полосой с СЗ на ЮВВ. Западная часть полосы значительно шире восточной. Самые южные

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 130-131.

² М.Н. Кислов. Указ. соч., с. 118.

³ Там же, с. 118.

⁴ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 132.

курганы юго-восточной части расположены на лугу вблизи Днепра. К югу от железной дороги, судя по плану 1901 г., курганы разбросаны маленькими группами в нескольких местах. А.Н. Лявданский отмечает 3 места скопления курганов на более возвышенных частях луга, хотя и оговаривает, что здесь их было больше, но многие до основания смыты половодьем¹. На плане 1953 г. помечены курганы, отрезанные железной дорогой от Лесной группы лишь в ЮВ части. По наблюдениям В.И. Сизова, среди этих курганов лишь два имеют относительно большие размеры (до 2 м высотой). В западной части курганы стоят очень близко друг от друга, тогда как в восточной — значительно реже. Тот же исследователь отмечает, что самые крупные курганы сосредоточены в основном в южной части группы². В восточном конце имеется только три довольно больших кургана высотой до 2,5 м, в то время как в западной им насчитано свыше десятка крупных насыпей. Большая часть курганов имеет полусферическую форму и небольшие размеры. Среди крупных насыпей в основном в западной широкой части группы имеются насыпи круглые в плане с плоским верхом, а также несколько — на четырехугольном основании³. В архивных делах С.И. Сергеева сохранились фотографии курганов, по всей вероятности, юго-западной или западной части группы (табл. 8). На них отчетливо видны насыпи с плоским верхом. Этой общей характеристике Лесной группы соответствует та, которая была дана ей в послевоенное время Д.А. Авдусиным⁴. По подсчетам А.Н. Лявданского, юго-восточная часть лесной группы, включая сюда курганы, отрезанные железной дорогой с юга, насчитывала 1827 насыпей, по подсчетам 1953 г. — только 1339⁵. Причины исчезновения курганов те же, что и в остальных частях могильника.

Несколько скоплений курганов и одна одиночная насыпь находятся на левом берегу Днепра.

Одиночный курган отмечен на схематическом плане С.И. Сергеева напротив стрелки Ольшанского городища (табл. 7-1). Других сведений об этом кургане не имеется. На противоположной от д. Гнёздово стороне Днепра ещё В.И. Сизов обнаружил отдельные курганные скопления. Первое описание этих курганов было сделано Е.Н. Клетновой в 1914 г.⁶. Здесь на возвышенном берегу Днепра, прорезанном старицами, Е.Н. Клетнова насчитала 4 мелкие группы (табл. 9). А.Н. Лявданский отметил 5 таких групп. Первая, самая восточная, состоит из 4-х небольших курганов, вторая — из 55 меньших и средних размеров, третья — из 20, четвертая — из 16 и расположена в низине,

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 134.

² В.И. Сизов. Указ. соч., с. 32-33.

³ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 132, 133, 134.

⁴ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках... 1952, с. 313-314.

⁵ А.Н. Лявданский, Указ. соч., с. 132-134; Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках... 1957, с. 114.

⁶ Е.Н. Клетнова. Раскопки Гнёздова левобережного. «Смоленская старина», вып. 3, часть 2. — Смоленск, 1916, с. 33.

пятая — из 14 курганов, почти полностью смытых половодьем¹. Общее количество этих курганов как по подсчетам А.Н. Лявданского, так и по подсчетам в 1953 г. составляет 109 насыпей.

Итак, в целом Гнёздовский могильник насчитывал к 20-м годам нашего столетия 3962 кургана², а уже через 30 лет — только 2990 (включая сюда 120 курганов к западу от Ольши, не вошедших в публикацию плана 1953 г.). Если же учесть замечание А.Н. Лявданского, что к его времени погибла минимум пятая часть всех курганов, то общее число курганов в Гнёздове составило 5000 единиц (табл. 10).

С первых же шагов осмысления материалов гнёздовского курганного поля исследователи с большим или меньшим успехом пытаются решить вопрос о месте, где проживало население, оставившее столь грандиозное кладбище. Соседство Гнёздовского могильника с одним из древнейших русских городов Смоленском, столь заманчивое для увязки того и другого, казалось, должно было сводить на нет остроту дискуссии. Однако история изучения Гнёздова этого не подтверждает³.

В распоряжении дореволюционных исследователей, сторонников местного обитания населения, оставившего курганы (В.И. Сизов, А.А. Спицын), главным доказательством являлось наличие вблизи могильника укрепленных поселений — городища при впадении р. Свинки в Днепр и другого, при впадении в Днепр р. Ольши⁴. О том же, в какой-то мере, могли свидетельствовать находки многочисленных кладов. Здравый смысл оппонентов подсказывал им, что площадь этих поселений не могла вместить значительное количество населения и, следовательно, не отвечает масштабам могильника. Раскопки, произведенные тогда же на обоих городищах, не дали отчетливого ответа на вопрос, существовали ли они как поселения в период насыпания курганов. Перелом наступил в 1924 г., когда А.Н. Лявданский обнаружил вблизи городищ и по соседству с курганами открытые поселения — селища, по материалам синхронные курганам. Казалось, что вопрос решен. Однако послевоенные работы в Гнёздове перечеркнули открытие А.Н. Лявданского. На основании полевых исследований Д.А. Авдусин заключил, что селища представляют не что иное, как остатки распаханых курганов; городища были также заняты курганами, впоследствии снивелированными⁵. «Ныне нет сомнений в том, что гнёздовские курганы не были кладбищем малень-

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 134, 135.

² Там же, с. 129. (Е.Н. Клетнова ошибочно называет цифру 3856. Е.Н. Клетнова. Великий гнёздовский могильник, с. 310).

³ Ниже приводятся лишь самые общие сведения о раскопках мест поселения в Гнёздове. Развернутая история раскопок курганов дана в приложении II.

⁴ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 4, 5; А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК. № 15. — СПб., 1905, с. 7, 8.

⁵ Д.А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска // Вестник МГУ, № 7, 1953, с. 123-137; Он же. Раскопки гнёздовских городищ в 1953 г. Вестник МГУ, № 11, 1953, с. 111-117.

кого поселения на Центральном или Ольшанском городищах. В этих курганах похоронены граждане Смоленска, находившегося там же, где он стоит и сейчас»¹. Отказавшись от дальнейших поисков поселений в самом Гнёздове и отрицая всякую возможность их существования здесь, Д.А. Авдусин принимается за раскопки Смоленска. Уже через несколько лет, в 1960 г., в результате новых исследований на южной окраине д. Гнёздова, Д.А. Авдусин вынужден был более сдержанно высказываться относительно полного отсутствия поселений: «Раскопки показали, что поселение там возникло около XI в. и существовало 1-2 столетия. Впрочем, характер гнёздовских селищ ещё предстоит выяснить»². Лишь в самое последнее время исследования в Гнёздове И.И. Ляпушкина на территории, примыкающей к могильнику, вблизи Центрального городища полностью подтвердили наблюдения А.Н. Лявданского³. Под давлением фактов и Д.А. Авдусин вынужден сейчас признать наличие в Гнёздове селищ, синхронных могильнику⁴.

Исходной причиной, которая ввела Д.А. Авдусина в заблуждение, могла явиться некоторая сложность в распознавании селища вблизи курганов. Как пишет сам Д.А. Авдусин «...длительное время распахиваемая курганная группа, особенно содержащая трупосожжения, иногда дает такую же картину, как распаханное селище, и это порой сбивает даже опытных археологов»⁵. Тем не менее, прежние взгляды Д.А. Авдусина, нашедшие отражение в статьях 50-х годов, ни в поздних работах самого автора, ни в работах других исследователей не были критически проанализированы, хотя и содержат ошибочные положения относительно гнёздовской топографии.

Начнем с Ольшанской группы. Мысовое городище при впадении р. Ольши в Днепр имеет подтреугольную форму и ориентировано длинной осью с СВ на ЮВ (табл. 11)⁶. С западной стороны городище защищено р. Ольшей, с северной, северо-восточной, восточной и отчасти юго-восточной валом и рвом, в юго-восточной и южной частях — днепровской старицей. Несколько неровная площадка городища имеет размеры — длиной приблизительно 165 м, шириной — СВ части — 111 м, в ЮЗ — 52,5 м. Культурный слой на городище впервые был обнаружен В.И. Сизовым⁷. В 1905 г. небольшие раскоп-

¹ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках..., 1957, с. 183.

² Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Материалы юбилейной научной конференции. — Смоленск, 1967, с. 79.

³ И.И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнёздова, АО 1967 г. — М., 1968, с. 43, 44; Он же. Исследования Гнёздовского поселения. АО 1968 г. М., 1969, с. 66-67; Он же. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, № 152, Л., 1968, с. 115, 116; Он же. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971, с. 33-37.

⁴ Д.А. Авдусин. Материальная культура Древней Руси. ВИ. № 7, 1972, с. 107.

⁵ Д.А. Авдусин. Полевая археология СССР. — М., 1972, с. 89.

⁶ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 145-147, табл. XXXIV.

⁷ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 5.

ки на площадке и валу городища произвел И.С. Абрамов¹. Впоследствии обследование городища было предпринято А.Н. Лявданским². Наконец последние раскопки на городище проходили под руководством Д.А. Авдусина³. 5 мая 1924 г. А.Н. Лявданский открыл селище на обоих берегах р. Ольши чуть выше городища (табл. 2). «На левом берегу следы его заметны сейчас на высоком лугу, с северо-восточной и северной стороны городища, а на правом — к СЗ от городища, также на возвышенном лугу и небольшом участке пахоты, где больше всего и заметно черепков»⁴. Д.А. Авдусин, ссылаясь на А.А. Спицына, категорически утверждает, что «ещё в 1899 г. курганы подступали к самому городищу. Ныне эти курганы распаханы, и их остатки некоторыми археологами были приняты за остатки культурного слоя селища. Некоторые же единичные курганы были возведены на территории самого городища, о чем говорят результаты исследования мыса городища (первый раскоп)»⁵. Если для последнего вывода оснований явно недостаточно, то первое утверждение просто ошибочно. В дневниковых записях С.И. Сергеева, послуживших источником для спицынской публикации и, в частности, в той выдержке, на которую ссылается Д.А. Авдусин, речь идет не столько о собственно Ольшанской группе, сколько о курганах на старице Днепра (группа Сергеева)⁶. Именно эти курганы, а не ольшанские исследовал С.И. Сергеев. Для них был составлен и схематический план. Ольшанская же группа дана в записях лишь обобщенно, без конкретизации: «Далее курганы уже идут очень большой группой и покрыты лесом, за этой группой очень большой вал городища...»⁷. Дело запутано ещё и противоречивым определением большого кургана, лишь затронутого раскопками Сизова (курган 24, 1896 г.). С.И. Сергеев, а вслед за ним и А.А. Спицын, полагали, что им является большой курган между группой Сергеева и Ольшанской, т.е. по нумерации С.И. Сергеева 56. Однако сам В.И. Сизов указывает, что из двух групп к западу от д. Гнёздово им была исследована вторая дальняя, ближайшая к городищу группа, в которой находился курган 24⁸. О том, что С.И. Сергеев всё же отличал собственно ольшанские курганы от тех, которые ему пришлось раскапывать на старице Днепра, следует также из докладной записки в Археологическую комиссию: «За вторым, считая от казармы Павлова, очень большим курганом (№ 56 — В.Б.), курганы уже расположены в лесу не цепью,

¹ А.А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. — СПб., 1906, с. 185-186.

² А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 145-148; Е.Н. Клетнова. Раскопки в Гнёздове, с. 52.

³ Д.А. Авдусин. Раскопки гнёздовских городищ в 1953 г., с. 115-116.

⁴ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 148.

⁵ Д.А. Авдусин. Указ. соч., с. 116.

⁶ Архив ИИМК РАН, ф-1, 1900, д. 17. Дневник раскопок.

⁷ Полностью цитата приведена на с. 10-11.

⁸ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 5.

а группой, за ними городище...». А.А. Спицын не совсем точно цитирует дневниковые записи С.И. Сергеева. Так у С.И. Сергеева отсутствует указание на то, что Ольшанская группа «заканчивается у вала городища»¹. Таким образом, ссылка Д.А. Авдусина на А.А. Спицына является недоразумением и объясняется невнимательным чтением источника. Уже В.И. Сизов отмечал, что городище находится «невдалеке от этой второй (Ольшанской — В.Б.) группы»², т.е. на некотором расстоянии (см. план 1901 г.). В дневнике И.С. Абрамова прямо сказано, что между курганом 24 (большой ольшанский курган) и городищем на расстоянии 450 шагов место ровное и курганов нет³. Между курганами и городищем существовало свободное пространство, где могло находиться и, судя по данным А.Н. Лявданского, действительно находилось открытое поселение. Что касается расположения курганов на площадке городища, то подобная реконструкция, как уже отмечалось, обоснована чрезвычайно слабо. Точное время функционирования поселений (укрепленного и неукрепленного) определить трудно без широких полевых исследований. Однако есть все основания согласиться с А.Н. Лявданским в том, что поселения синхронны гнёздовским курганам⁴.

Центральное гнёздовское городище находится при впадении р. Свинки в Днепр (в настоящее время мыс удален от места впадения прибл. на 150 м) (табл. 12). По своим очертаниям городище напоминает четырехугольник⁵, ориентированный мысовой частью на ЮЗ. С северной и восточной сторон площадка укреплена валом и рвом. Длина площадки городища с В на З — 105 м, ширина в восточной части — 95 м. Раскопки на городище были начаты В.И. Сизовым⁶, затем в 1900 и 1901 гг. продолжены С.И. Сергеевым⁷. В 1911 и 1914 гг. небольшие раскопки на городище были произведены слушателями Московского Археологического Общества⁸. Большую работу по обследованию городища, съемке плана и изучению слоя провел А.Н. Лявданский⁹. Последними в довоенное время были работы Н.В. Андреева и Н.П. Милонова¹⁰. В послевоенные годы раскопками на городище занимался Д.А. Авдусин¹¹.

Весной 1924 г. А.Н. Лявданский обнаружил вблизи городища остатки селища (табл. 2). «Расположено оно близ городища по обоим берегам р. Свин-

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 41-42.

² В.И. Сизов. Указ. соч., с. 5.

³ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1905, д. 54.

⁴ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 135, 136, табл. XXXIV.

⁵ А.Н. Лявданский, Указ. соч., с. 135, 136, табл. XXXIV.

⁶ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 4.

⁷ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 68, 69.

⁸ ИАК, № 42, прибавление. — СПб., 1911 г., с. 65-66; ИАК, № 56, прибавление, СПб., 1914, с. 47-48.

⁹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 135-139.

¹⁰ Н.В. Андреев, Н.П. Милонов. Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. КСИИМК, вып. XI. — М., 1945, с. 26-28.

¹¹ Д.А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. Он же. Раскопки гнёздовских городищ в 1953 г.

ки и, начиная от Днепровской долины (древнего русла Днепра), идет по равнине довольно широкой полосой вверх по реке Свинке.

Судя по распространению черепков битой посуды, селище занимает прилегающую площадь — на левом берегу Свинки (включая сад и усадьбу Васильева на ручье) свыше 8-ми десятин, на правом (включая часть д. Гнёздово) — свыше 7 десятин. Ввиду того, что селище давно распахивается, за исключением небольшой луговой части, поверхность его совершенно сравнялась, а культурный слой в большинстве до основания перемешан»¹.

В 1953 г. экспедиция под руководством Д.А. Авдусина произвела частичные исследования на площадке городища и небольшого участка с внешней стороны рва. Итог раскопок изложен руководителем экспедиции таким образом: «...мыс, занятый городищем, в IX—X вв. был покрыт такими же курганами, как и все курганы в Гнёздове. Это легко доказывается тем, что вал сооружен на курганах, что отмечено ещё Сизовым и Сергеевым. Насыпь вала возведена из насыпей разрушенных курганов, вещи из которых попали в насыпь вала... На внешней стороне рва был исследован небольшой участок селища, давший перемешанное кострище и курганные вещи, т.е. остатки разрушенных курганов. Это можно было заключить и умозрительно. В самом деле, если мыс городища усеян курганами и на небольшом расстоянии от него находится лесная группа курганов, то предполагать разрыв между этими курганными группами не логично. Вероятнее всего, что этот промежуток также был занят курганами. Это предположение вполне доказано раскопками 1953 г. Теперь нам ясно, что никакого селища, окружавшего Центральное городище, не существует. За разрушенный культурный слой селища были приняты остатки распаханых курганов»². В другой работе Д.А. Авдусина тех же лет утверждается, что лесная и центральная группы некогда сливались в одно целое³. Согласно этим представлениям Д.А. Авдусина, гнёздовское курганное поле сплошным массивом занимало пространство от днепровского берега по обоим берегам р. Свинки вверх по её течению. Впоследствии Д.А. Авдусин отходит от такого понимания памятника, хотя и не возвращается к критическому анализу своих прежних представлений. Уже в статье 1967 г. Д.А. Авдусин отмечает, что на правом берегу р. Свинки существовало поселение, возникшее около XI в., т.е. более позднее, чем основная масса курганов⁴. Наконец, в статье 1972 г. автор признал наличие вблизи могильника синхронного ему поселка⁵.

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 139.

² Д.А. Авдусин. Раскопки..., с. 114–115.

³ Д.А. Авдусин. Гнёздовская экспедиция... с. 94.

⁴ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска... с. 79.

⁵ Д.А. Авдусин. Материальная культура... с. 107.

Исследования вблизи Центрального городища И.И. Ляпушкина в 1967 и 1968 гг. подтвердили наблюдения А.Н. Лявданского как в отношении самого факта существования селища, так и его соотношения с могильником.

Характеристика гнёздовских памятников была бы неполной, если не остановиться на находках кладов, сосредоточенных вдоль нижнего течения р. Свинки (табл. 10). К сожалению, исчерпывающей информации о ситуациях находок кладов не имеется. Дело осложняется и тем, что в некоторых случаях довольно трудно различить клад, скопление находок в культурном слое поселения и вещи из разрушенного кургана.

Денежно-вещевые клады¹

1) В 1868 г. в д. Гнёздово в 9 верстах от Смоленска был найден клад. Подробности находки не известны². А.Н. Лявданский считает возможным находку «приурочить, если не к Центральному городищу, то к селищу»³. Клад датирован Г.Ф. Корзухиной в рамках второй половины X в. вплоть до рубежа X и XI вв.

2) В 1870 г. при прокладке железной дороги, невдалеке от д. Гнёздово, на земле помещицы Кордосысоевой рабочими найден клад, заключавшийся в двух котелках. Кроме того, видимо, в тех же местах, «в кургане близ Днепра в имении г-жи Кордосысоевой» найдена группа вещей⁴. Составляли ли эти находки единый комплекс (клада или погребения), сказать трудно. Место находки, вероятно, можно определить в пределах южной части лесной группы, прорезанной железнодорожным полотном, и примыкающего к ней с запада участка селища⁵. Клад датируется тем же временем, что и первый.

3) В 1885 г. при постройке железной дороги найден клад⁶. А.Н. Лявданский считал возможным отнести находку к городищу или селищу. Тот же исследователь, собирая сведения о находках древних вещей у гнёздовских старожилов, отмечает, что с восточной стороны городища «в присутствии инженера Голеницкого, найдена железная четырехугольная шкатулка с серебряными монетами до 5 фунтов весом. Монеты, по определению инженера, взявшего их себе, как сообщает тот же Анощенко, оказались арабскими. Возможно,

¹ Исчерпывающий анализ этих кладов, а также список литературы дан в монографии Г.Ф. Корзухиной (Г.Ф. Корзухина. Русские клады IX–XIII вв. — М.-Л., 1954, с. 87–89). В нашей работе мы ограничимся лишь указанием основной литературы.

² Д.И. Прозоровский. Опись предметов, хранящихся в Музее ИРАО. — СПб., 1869, с. 104–128.

³ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 141.

⁴ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1870, д. 25.

⁵ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 132.

⁶ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1885, д. 13.

что это будет одна и та же находка из 118 диргемов (клад 1885 г. — В.Б.)...»¹ Клад датирован тем же временем, что и предыдущие.

4) Клад 1909 г. найден при установке телеграфных столбов вдоль железной дороги, в 2-х верстах от ст. Гнёздово². А.Н. Лявданский замечает — «возможно, что по ж.д. в сторону д. Гнёздово, а, следовательно, на месте селища?»³. Дата клада всё та же.

Кроме этих известных кладов, следует упомянуть и некоторые другие находки, сведения о которых при всей их отрывочности могут представлять интерес.

Так по сведениям А.Н. Лявданского (со слов старожила Гнёздова М. Анощенкова, работавшего на железной дороге при её прокладке), с западной стороны городища рабочими найден «головной убор и бусы, находку взял подрядчик»⁴. Судьба вещей неизвестна.

По сведениям В.И. Сизова и позднее А.Н. Лявданского, где-то в Гнёздове были найдены серебряные вещи в большом куске воска⁵, что дает некоторое основание рассматривать эту находку как клад⁶. Однако достоверность находки установить не удастся.

Монетные находки (клады?)

1) В октябре 1889 г., в Гнёздове, на территории имения Энгельгардта найдены 8 половинок дирхемов. Ситуация находки и время чеканки монет остаются неизвестной⁷.

2) Во время раскопок 1900 г. вала Центрального городища С.И. Сергееву удалось выяснить, что в 1897 г. при железнодорожных работах в восточной (?) части городища в его валу была найдена кучка диргемов⁸. В 1898 г. монеты были переданы В.И. Сизову. В своей монографии В.И. Сизов упоминает об этой находке как о кладе, состоящем из 36 куфических диргемов X—XI вв.⁹

3) Во время проведения полевых работ в Гнёздове в 1967 г. Днепропетровской экспедицией под руководством И.И. Ляпушкина стало известно, что годом ранее к северу от городища, на левом берегу р. Свинки (территория селища)

¹ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 141. Автор допускает ошибку, считая, что в кладе 1885 г. найдено 118 диргемов. На самом деле — 154 (А. Марков. Топография кладов восточных монет. — СПб., 1910, с. 43).

² Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1909, д. 184.

³ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 142.

⁴ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 141

⁵ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 116; А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 142.

⁶ Г.Ф. Корзухина. Указ. соч., с. 10, 11.

⁷ А. Марков. Указ. соч., с. 43.

⁸ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, д. 17.

⁹ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 120.

колхозниками был найден клад монет. Часть монет (серебряных диргемов) была собрана у колхозников. Самая поздняя монета из тех, которые поступили в распоряжение экспедиции, чеканена в 921/922 гг.¹

Анализ топографии гнёздовских памятников приводит к следующему заключению. В нескольких километрах к западу от Смоленска, в районе д. Гнёздово имеется группа археологических памятников, образующих два сходных по структуре комплекса — Центральный (территория современной д. Гнёздово) и Ольшанский (в нескольких километрах к западу от Центрального) (табл. 10). Центральный комплекс состоит из городища при впадении р. Свинки в Днепр, селища, окружающего со всех сторон (исключая Днепровскую) городище, и курганного могильника, охватывающего полукольцом места поселений и оканчивающегося у берега Днепра. По традиционной терминологии восточная часть этого полукольца называлась Лесной группой, западная — Центральной. Их разделение, лишь формально предложенное В.И. Сизовым и, очевидно, оправданное на первых порах исследования Гнёздова, сейчас выглядит искусственно и бесперспективно. С местами поселений связаны находки многочисленных кладов. Принципиально та же схема расположения памятников наблюдается в устье р. Ольши. При её впадении в Днепр находится укрепленное поселение, с северной стороны которого по обе стороны р. Ольши — открытое поселение. Места поселения окружены курганными группами и одиночными курганами.

По своим размерам Центральный комплекс значительно больше Ольшанского. За пределами этих двух комплексов расположены отдельные курганные группы и одиночные курганы, образующие периферию комплексов. Их увязка с теми или иными местами поселений пока остается проблематичной.

¹ Архив ИИМК РАН, ф. 35, опись 1/1967, ед. хр., 16.

РАЗДЕЛ 2

Открытие гнёздовских памятников и их изучение представило широкие возможности решения многочисленных историко-археологических проблем.

Среди них первое место, несомненно, принадлежит норманнской проблеме как по своей остроте, так и по объему и разнообразию суждений. Исчерпывающая историография проблемы приведена в книге И.П. Шаскольского¹. Дискуссия, главным образом, между советскими и зарубежными исследователями, а в последнее время и среди отечественных исследователей, развернувшаяся на страницах советской и зарубежной печати, касается всех аспектов пребывания норманнов в Гнёздове: времени и характера их появления здесь, социально-политической роли, взаимоотношения с местным населением, их последующие судьбы.

Другой, не менее острый вопрос — соотношение Гнёздова с летописным Смоленском.² Мысль о том, что Смоленск IX—X вв. находился в Гнёздове, впервые высказал А.А. Спицын³. Эта идея впоследствии была поддержана Ю.В. Готье и А.В. Арциховским⁴. В пользу одновременного существования Гнёздова и Смоленска на нынешней его территории высказывались В.И. Сизов, Е.Н. Клетнова, Б.А. Рыбаков⁵. Наконец, Гнёздово, как место исклю-

¹ И.П. Шаскольский. Норманнская теория в современной буржуазной науке. — М.-Л., 1965, с. 107-125. Приведем лишь некоторые работы по Гнёздову: Д.А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX. — М.-Л., 1949, с. 3-16; Он же. Раскопки в Гнёздове. КСИИМК, вып. 38. — М.-Л., 1951, с. 72-81; Он же. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1. — Смоленск, 1952; Он же. Неонорманистские измышления буржуазных историков. «Вопросы истории», 1953, № 12, с. 114-120; Он же. Рец. на книгу Сойера, ВИ, 1963, № 9, с. 163-165; D. Avdusin. Smolensk and the Varangian question // VI International Congress of prehistoric and protohistoric science. Moscow, 1962, p. 3-9; А.В. Арциховский. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. — М., 1966, с. 36-41; Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. — Л., 1970; T.J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensks föregångare // Archeologiska forskningar och fund. Stockholm, 1952, S. 335-344. T.J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914; T.J. Arne. Die Waränerfrage und die Sovjetrussische Forschung // Acta archaeologica, vol. XXIII, København, 1952, S. 138-147; H. Arbman. Svear i österviking. Stockholm, 1955, S. 72-96. H. Arbman. Skandinavisches Handwerk in Russland // Meddelanden från Lunds Universitets historiska museum (1959), Lund, 1960, S. 110-135. H. Arbman. The Vikings. London, 1961, p. 90-105; H. Arbman. Vikingarna. Stockholm, 1962, S. 128-135; J. Brøndsted. Vikingerna. København, 1962, p. 223-230, 257 и др. E. Oxenstierna. Die Wikinger. Stuttgart, 1959, S. 65-88; P.H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, p. 62, 63 и след.; H. Löwmiński. Zagadnienie roli normannów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 77-80.

² И.И. Ляпушкин. Гнёздово и Смоленск, с. 33-37.

³ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 7, 8.

⁴ Ю.В. Готье. Железный век в Восточной Европе. — М., 1930, с. 253-256, 258; А.В. Арциховский. Введение в археологию. — М., 1947, с. 137.

⁵ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 125.

Е.Н. Клетнова. Великий гнёздовский могильник, с. 318.

чительно «успокоения умерших» смолян, рассматривали Г. Бугославский и Д.А. Авдусин¹. Впрочем, в последние годы позиция Авдусина претерпела серьезные изменения².

Вопросами этнического состава Гнёздова занимались В.И. Сизов, А.А. Спицын, А.Н. Лявданский, Д.А. Авдусин, И.И. Ляпушкин, Е.А. Шмидт.

Материалы Гнёздовского могильника привлекались для решения таких сложных проблем, как формирование социально-экономического базиса древнерусского государства, развитие ремесла, становление экономических и культурных связей восточнославянских племен со странами Востока и Запада³. Большое количество работ посвящено отдельным сюжетам, связанным с Гнёздовым⁴.

Независимо от выбора той или иной темы, в большинстве старых и новых работ по Гнёздову имеется нечто общее в подходе к этому памятнику и его оценке. Это общее заключается, на наш взгляд, в постановке главной проблемы. Примечательно, что такую постановку выдвигали или имели ввиду преимущественно археологи с широким кругозором, для которых гнёздовские древности не являлись самоцелью их научных интересов, но лишь «ключом» для понимания процессов, протекавших в Верхнем Поднепровье на рубеже тысячелетий.

Вместе с тем интерес к Гнёздову нельзя назвать случайным, определявшимся лишь своеобразием памятника. Все они, занимавшиеся древностями,

¹ Г. Бугославский. О результатах изысканий гнёздовского могильника. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1. — Смоленск, 1909, с. 10-14. Д.А. Авдусин. Раскопки гнёздовских городищ в 1953 г.; Он же. Отчет о раскопках гнёздовских курганов; Он же. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.

² Д.А. Авдусин. Материальная культура Древней Руси. С. 107.

³ В данной работе нет никакой возможности привести даже часть литературы по этим вопросам. Основная литература по этой теме дана в статье С.С. Ширина (С.С. Ширинский. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М., 1970, с. 1990).

⁴ Д.А. Авдусин, М.Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР. 1950, № 4, с. 74-80; Г.Ф. Карзухина. О гнёздовской амфоре и её надписи // Сборник статей в честь М.И. Артамонова. — Л., 1961, с. 226-230; Ю.М. Золотов. О значении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна» СА 1964, № 1, с. 331-333; Д.А. Авдусин. Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи. — М., 1970, с. 110-113; М.В. Фехнер. О «скрамасаксе» из Гнёздова // Новое в советской археологии. — М., 1965, с. 260-262; С.С. Ширинский. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнёздова // Славяне и Русь. — М., 1968, с. 215-223; Д.А. Авдусин. О датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусчинского // Культура и искусство Древней Руси. — М., 1967; М.А. Тиханова. Золотая византийская монета-подвеска из женского погребения в Гнёздове. КСИИМК, вып. 11, 1945, с. 28-30; В.А. Булкин, В.А. Назаренко. О нижней дате Гнёздовского могильника. КСИИМК, вып. 125, 1971, с. 13-16; В.А. Булкин. Типы погребального обряда в курганах Гнёздовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970, с. 207-210; Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов. // Древности Восточной Европы. — М., 1969, с. 11-16; Н.Л. Подвигина. Перстни из Гнёздова. Археологический сборник. МГУ, 1961; и другие.

так или иначе близкими (по времени или территории) гнёздовским, приходили к одной мысли, а именно: Гнёздово на фоне прочих памятников Верхнего Поднепровья является центром социально-экономических, политических и этнических процессов.

В.И. Сизов, поставив перед собой задачу выяснения типа «восточно-славянского или русского языческого погребения», исследовал на Смоленщине более 500 курганов, в том числе гнёздовские. Первая его монография посвящалась Гнёздову, вторая, так и не вышедшая в свет, другим могильникам Верхнего Поднепровья и «культурной связи» их с Гнёздовом. Для А.А. Спицына ценность и значение Гнёздова заключались не только в его отношении к летописному Смоленску или положению в системе норманнской проблемы, но и в том, что здесь можно проследить эволюцию от языческого погребального обряда VIII–IX вв. к подкурганным захоронениям XI в. вплоть «до исчезновения самого обряда погребения в курганах», путем скрещивания различных традиций погребального обряда. По существу, тот же подход к Гнёздову у А.Н. Лявданского. Обобщая результаты раскопок курганов и разведочных работ, он отводит Гнёздову центральное положение в системе предшествующих и последующих древностей. Глубокое и систематическое изучение древностей I тыс. н.э. Смоленского Поднепровья позволили Е.А. Шмидту конкретизировать вопрос о формировании «гнёздовской группы кривичей» как результат ассимиляции славянами местных балтийских племен и поставить вопрос о соотношении длинных курганов и гнёздовского могильника. На сходство части гнёздовских курганов и славянских погребальных памятников VIII–IX вв. лесостепной и отчасти лесной зоны указывал И.И. Ляпушкин. Именно это обстоятельство повлияло на его выбор Гнёздова как одного из мест раннего проникновения славян в область Верхнего Поднепровья.

Как бы ни были различны частные подходы этих исследователей к гнёздовским древностям, все они, в конечном итоге, способствовали решению важной проблемы: в какой мере формирование гнёздовских памятников является закономерным процессом, развернувшимся на территории Верхнего Поднепровья в период становления здесь раннефеодальных отношений. Такая постановка главной проблемы имеет, по нашему мнению, принципиальное значение для славяно-русской археологии, ибо конечным своим результатом имеет конкретную характеристику одной из ситуаций формирования древнерусской культуры.

Решение в полном объеме этой проблемы предъявляет высокие требования к источнику и, прежде всего, к его структуре, понимая под этим совокупность объектов, функционирование которых связано с удовлетворением потребностей каждого данного человеческого коллектива. Естественно, что воссоздать такую структуру в полном объеме путем только археологических

исследований довольно трудно. В лучшем случае археологам достается ограниченный набор таких объектов — поселения + могильник + клады или поселение + святилище + могильник. Однако для интересующей нас территории (Смоленское Поднепровье) и времени (вторая половина I тыс. н.э. и начало II тыс. н.э.) источник оказывается довольно неполноценным. В подавляющем большинстве нет корреляции между поселениями и их кладбищами, а в количественном отношении число могильников, имея в виду исследованные, значительно превосходит число поселений¹. Вполне закономерно, что существующий «потенциал» источника ограничивает и его возможности в решении поставленной проблемы. Поэтому, избрав в качестве источника исключительно могильники, мы тем самым вынуждены сократить объем главной проблемы и определить её таким образом: каково место гнёздовских курганов среди погребальных памятников Смоленского Поднепровья вт. пол. I и нач. II тыс. н.э. или, другими словами, каковы общие и частные закономерности формирования погребального обряда гнёздовских курганов.

Вместе с тем, мы не склонны преуменьшать значение курганного материала для решения этнокультурных проблем. В иерархии источников могильные древности занимают одно из важных мест и поэтому выводы, построенные на их анализе, могут отражать некоторые главные тенденции социально-исторического содержания.

В соответствии с поставленной проблемой последовательность изложения материала в данной работе будет таковой:

- 1) Общая характеристика курганных древностей Смоленского Поднепровья вт. пол. I тыс. и нач. II тыс. н.э., выявление типов погребального обряда, закономерности их развития, определение происхождения и этнического облика.
- 2) Закономерности формирования погребального обряда Гнёздова, их социально-этническое и историческое содержание.
- 3) Общие и частные тенденции развития погребального обряда Гнёздовского могильника. Социально-этническое и историческое значение этих тенденций.

Одним из условий реализации поставленной задачи является наиболее полный учет всех курганных древностей Смоленского Поднепровья. Главная трудность, возникающая при их анализе, заключается в определении критериев этнической атрибуции и культурной преемственности тех или иных групп древностей. Разбор конкретных методических положений отдельных исследователей будет дан в соответствующих разделах II главы. Здесь же необходимо сформулировать самые общие принципы, которые, на наш взгляд, определяют родство археологических памятников и их этнический облик, и которыми мы будем руководствоваться в работе. Признавая традиционность этих принципов, мы вполне сознаем их ограниченность. Это обстоятельство

¹ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., с. 52.

с неизбежностью отражается на некоторых выводах работы, которые по этой причине в значительной мере носят обобщенный схематический характер.

Родство двух или нескольких памятников обычно определяют путем сопоставления синхронных признаков этих памятников. Такой подход справедлив лишь отчасти, так как учитывает степень сходства в один из моментов существования памятников. Более надежными представляются выводы, построенные не только на таком статистическом сопоставлении, но и сравнении темпов и характере изменения признаков. Однотипность изменения во времени погребального обряда в разных могильниках или территориальных группах могильников может сигнализировать об их родстве.

Эволюцию погребального обряда каждого взятого в отдельности могильника можно включить в колонку относительно непрерывного развития погребального обряда, присущего для данного человеческого коллектива (этноса). В таких колонках, построенных для нескольких смежных районов, можно выделить однотипные горизонтальные пласты. Адекватность колонок при их совмещении — признак единства развития погребального обряда этих районов, то есть культурного родства; частичное совпадение свидетельствует о прерывности развития. То, что стоит за этой прерывностью, недостаток наших знаний или объективные причины, требует особого разъяснения, но её познавательное значение выше, нежели полное тождество колонок.

Если памятник (могильник) можно включить в данную колонку, то тем самым утверждается его культурное родство с другими памятниками, образующими единый пласт. Устойчивость общих признаков пласта, входящего в колонку, значительно выше, чем у его составляющих (отдельных памятников). Именно эта внутренняя устойчивость признаков пласта позволяет выделить его в особую этнокультурную группу.

Едва ли не самой актуальной проблемой для гнёздовского материала в настоящее время является оценка степени достоверности источника. К сожалению, первое требование, выдвигаемое в этом случае, а именно, сводка и полная публикация гнёздовских курганов, до сих пор остается невыполненным, хотя потребность в такой публикации назрела давно¹. Разрозненность материалов по коллекциям разных музеев и нередко отсутствие полевой документации дореволюционных раскопок, ошибки в публикациях, частичная гибель коллекций во время войны, депаспортизация находок — с одной стороны, невозвратимые потери, связанные с постепенным и неуклонным разрушением гнёздовских памятников — с другой, приводят к снижению качества источника. Поэтому важнейшей задачей в настоящее время является учет и систематизация дореволюционных и довоенных материалов. Какова бы ни была ценность новых коллекций, все же они не смогут заменить уже

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 18; J. Kudlaček. Boj sovietskej archeologie proti normaizmu // Časopis pro slovanské jazyky, literature a dějiny SSSR. Praha, 1956, № 3, S. 445.

имеющиеся. В первую очередь это относится к курганам, лучшая часть которых уже к 1920-м годам оказалась распаханной. В связи с этим в нашей работе особое внимание будет уделено критическому анализу тех данных, которые получены до начала исследований в Гнёздове экспедиции под руководством Д.А. Авдусина, то есть до 1949 г. Мы отнюдь не считаем по ряду объективных причин этот анализ окончательным и исчерпывающим. Работа такого рода могла бы вылиться в самостоятельное исследование солидного объема.

При том условии, что курганный материал, бесспорно, может дать глубокую социальную и этническую характеристику, вопрос сводится к выделению критериев такой характеристики. Острые дискуссии по этому поводу не всегда носили позитивный характер, но даже тогда, когда выдвигались конкретные решения, они, подчас, оказывались в достаточной мере произвольными и, таким образом, легко уязвимыми для критики или настолько общими, что в своих рамках нивелировали существенные различия источника. Тесная взаимосвязанность социальных и этнических процессов заставляет с большой осторожностью относиться к конкретно-историческим реконструкциям, построенным на археологическом материале. Механизм такой взаимосвязи трудно, пожалуй, даже невозможно понять, опираясь исключительно на один археологический памятник (даже такой, как Гнёздово), да и, вообще, только на археологический источник. Всё это ставит совершенно определенные требования к общей методике исследования и строгой последовательности его этапов — от описания и систематизации материала к поиску внутренних связей и, наконец, интерпретации, выходящей за рамки собственно археологического источника. В этом плане основным недостатком большинства предшествующих работ по Гнёздову, так и другим памятникам лесной зоны этого времени, является игнорирование второго этапа исследования и непосредственный переход от описания материала к его историческому истолкованию. Отсутствие этого звена полностью снимает принудительность выводов и, тем самым, предоставляет практически неограниченную свободу суждений, вплоть до фантазий.

Неравноценность исходных данных источника и трудности выделения суммы признаков, удовлетворяющих, с одной стороны, всей совокупности учтенных курганных комплексов, а, с другой, — оптимальной характеристики обряда, не позволяет использовать в работе методы статистико-комбинаторной обработки материала. В связи с этим, главный акцент делается на выделение и общий учет признаков погребального обряда, и на этой основе — на реконструкции устройства кургана.

Автор полагает, что этническое и социальное содержание тех или иных признаков погребального обряда не является устойчивым для всего периода существования гнёздовских курганов. К правильной оценке того и другого аспекта можно подойти, опираясь на тип могильника (кладбища) в каждый данный отрезок времени, его эволюцию и сопоставление с могильными древностями сопредельных районов.

ГЛАВА II. СМОЛЕНСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ VIII–XIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

РАЗДЕЛ I

Неуклонный рост археологического материала, целенаправленные и систематические раскопки отдельных групп памятников позволили в последнее время решить целый ряд важных проблем как древней истории славян, так и неславянских народов и закрыть много белых пятен на этнокультурной карте Восточной Европы¹.

В настоящее время вопрос о первом появлении славян в области Верхнего Поднепровья решается по-разному. Определелись три основные концепции: одна из них выдвинута П.Н. Третьяковым, другая — В.В. Седовым, третья — И.И. Ляпушкиным и М.И. Артамоновым.

Согласно концепции П.Н. Третьякова, самые ранние славянские группировки, представленные потомками населения зарубинецкой культуры рубежа н.э., пришли в область Верхнего Поднепровья уже в середине I тыс. н.э. Однако массовая колонизация этого района относится к третьей четверти и концу I тыс. н.э. Причем в этой колонизации могли участвовать далекие потомки населения не только зарубинецкой культуры, но и другой раннеславянской культуры пражского (корчакского) типа².

По мнению В.В. Седова, раннеславянская культура представлена памятниками трех типов: пражского (корчакского) типа, типа Пеньковки, венедского ареала (праলেখитская группа). Последняя послужила исходным пунктом заселения славянами Верхнего Поднепровья во второй половине I тыс. н.э.³

¹ И.И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА № 104. — М.-Л., 1961; Он же. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. — Л., 1961; Он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА 151. — Л., 1968; П.Н.Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. — М.-Л., 1966; Он же. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179. — Л., 1970; В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА № 163. — М., 1970; М.И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. — Л., 1967.

² П.Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне ..., с. 190-300; Он же. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, № 4, с. 78-90; Он же. У истоков ..., с. 27-71.

³ В.В. Седов. Кривичи. СА, 1960. № 1 с. 53-62; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, вып. 163. — М., 1970, с. 63-73, 105-108 (в дальнейшем: В.В. Седов, 1970, с.).

Третья концепция Ляпушкина — Артамонова основывается на том, что самой ранней достоверно славянской является единственная культура — пражского (корчакского) типа VI—VII вв. Её эволюцией, отражавшей постепенное освоение простора Восточной Европы, являются культуры роменско-боршевская VIII—IX вв. — на днепровском левобережье — и близкие ей по времени и характеру памятники типа Луки-Райковецкой и Хотомель — на правобережье. Генетически связанные с ними славянские памятники в области Верхнего Днепра относятся к концу I тыс. н.э. и представлены круглыми курганами с трупосожжением и лепной керамикой¹.

Общими положениями для всех трех концепций является признание, во-первых, дославянского населения на территории Верхнего Поднепровья, принимавшего в той или иной мере участие в формировании древнерусской культуры, во-вторых, формирования древнерусской курганной культуры XI в. на местной основе курганов с трупосожжением.

Последовательный и наиболее полный анализ становления древнерусской курганной культуры XI в. дан в ряде работ В.В. Седова². Признавая курганы этого времени явлением сложным, автор указывает на те элементы погребального обряда и инвентаря, которые явились вкладом как славянских, так и неславянских (финских и балтийских) группировок. Отсюда, по мнению В.В. Седова, славянское население лесной полосы Восточной Европы образовалось не только за счет колонизационных потоков, но и посредством славянизации местных финно- и балтоязычных племен³. Таким образом, древнерусская курганная культура XI—XIII вв., по своему происхождению далеко неоднородна и может восходить в своих истоках к различным культурным традициям. Выявление достоверно славянских памятников ведется автором путем последовательного ретроспективного анализа древностей, генетически связанных друг с другом. Критерием этноопределения является генетическая связь ранних и поздних древностей⁴. Однако ретроспективное изучение древнерусской курганной культуры может дать, в конечном итоге, только её составляющие, которые по своей этнической принадлежности будут различны, но не этноопределениями её компонентов. «Выход» таким

¹ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА № 152, Л., 1969, с. 89-124 (в дальнейшем: И.И. Ляпушкин, 1968, с.); И.М. Артамонов. Указ. соч., с. 67-69.

² В.В. Седов. Кривичи; Он же. Дреговичи, СА, 1963, № 3; Он же, 1970, с. 77-161; Он же. Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА 1961. № 2; Он же. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. — М. 1966, с. 246-251; Новгородские сопки. САИ, вып. Е1-8. — М., 1970.

³ В.В. Седов. Финно-угорские элементы..., с. 250; Он же. Следы восточнобалтийского..., с. 120; Он же. 1970, с. 5.

⁴ В.В. Седов. Новгородские сопки, с. 29.

способом на достоверно славянские памятники возможен, но отнюдь не гарантирован¹.

Основной принцип исследований И.И. Ляпушкина заключается в движении «от известного к неизвестному». Частное выражение этого принципа не осталось неизменным. Так, для лесостепной зоны славянская принадлежность памятников VIII–IX вв. определялась их генетической связью с последующими памятниками. Такой выход для И.И. Ляпушкина был оправдан тем, что, по его мнению, территория, в частности, днепровского левобережья к моменту её славянской колонизации не была заселена оседлым населением, и, следовательно, ретроспективное изучение древнерусской культуры лесостепного левобережья, в конечном итоге, выявляет самые ранние славянские памятники этой территории². По-другому И.И. Ляпушкин выделяет ранние славянские древности лесной зоны. За основу выделения берется не увязка ранних и поздних памятников, а сходство с синхронными достоверно славянскими древностями лесостепной зоны. Именно по этой причине автор обращается к изучению круглых курганов с трупосожжением и лепной керамикой и отсекает из рубрики славянских длинные курганы³. Процесс формирования древнерусской культуры, как считал И.И. Ляпушкин, остается непонятым без специального изучения местных дославянских культур I тыс. н.э.⁴

Как видно, различие методов носит принципиальный характер. На наш взгляд, использование обоих методов находится в зависимости от конкретной постановки вопроса. Так, выявление ранних славянских памятников области Верхнего Днепра эффективно путем сопоставления отдельных групп древностей этой территории с синхронными достоверно славянскими памятниками сопредельных районов — предположительных исходных очагов колонизации. Ретроспективный метод не гарантирует решение этого вопроса. Но он незаменим при изучении формирования древнерусской культуры XI века, в частности, курганной культуры, когда на первый план выдвигается проблема выделения основных компонентов культуры и механизма их сочетания.

Конкретная реализация обоих методов у В.В. Седова и И.И. Ляпушкина довольно близка. За исходную единицу исследования берется тип кургана. Совокупность однотипных курганов, взятых из различных могильников Верхнего Поднепровья, образует культурно-хронологическую группу. Эво-

¹ В.А. Булкин. Проблема метода изучения славянских древностей Северо-Запада // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Изд. ЛГУ, 1972, с. 35-36.

² И.И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье..., с. 355; Он же, 1968, с. 19, 26.

³ И.И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII–IX вв.) // Культура Древней Руси. — М., 1966, с. 131; Он же. 1968, с. 89-97.

⁴ И.И. Ляпушкин. 1968, с. 175.

люция такой группы прослеживается по изменению признаков типа курганного погребения (форма кургана, вид захоронения, тип керамики). Исходный тип кургана, по В.В. Седову, характеризуется формой насыпи, заключающей несколько захоронений по обряду сожжения, сопровождаемых лепной керамикой. Группа датируется VII—IX вв. В IX в. длинные насыпи сменяются круглыми, содержащими индивидуальные захоронения с теми же признаками. В X в. в этих курганах появляется гончарная керамика, а в начале XI в. сожжение заменяется трупоположением. Культурная преемственность определяется по наличию в одних и тех же могильниках курганов разных типов, а также тому, что вещи одних и тех же типов найдены в курганах, относящихся к хронологически стыкующимся периодам. По И.И. Ляпушкину, генетическая цепочка начинается только с круглых курганов с сожжением и лепной керамикой, которые автор датирует VIII—IX вв., а скорее — IX в.¹ Судя по сводкам курганов с сожжением и лепной керамикой у В.В. Седова и И.И. Ляпушкина, оба исследователя опирались на одни и те же данные. Конечные результаты работ, и в первую очередь по части этнических выводов, оказались различными. В связи с этим приходится отказаться от некоторых общих для того и другого исследователя методических приемов, в частности, сведения в одну группу однотипных курганов из разных могильников. Более надежным критерием выделения культурно-хронологических групп является объединение однотипных могильников². Однотипность могильников определяется, с одной стороны, сходством «статических» признаков (погребального обряда и категорий инвентаря), с другой — однофазностью изменения этих признаков.

Курганная культура XI в. и последующих веков в области Смоленского Поднепровья изучена довольно полно. В связи с тем, что наиболее дискуссионными являются памятники предшествующего времени, важной задачей является проверка «стыков» между группами погребальных памятников VII/VIII—XI вв. Наличие прямой связи свидетельствовало бы о местном сложении культуры XI в., разрывы в преемственности ставят вопросы о месте, времени и характере формирования тех культурных традиций, этапы которых представлены в данном районе.

Конкретный путь решения поставленной задачи таков: анализ погребального обряда в могильниках XI—XIII вв., далее — VIII—X вв., поиск переходных звеньев между теми и другими.

¹ И.И. Ляпушкин, 1968, с. 172.

² Интересная попытка классификации могильников Смоленского Поднепровья была предпринята В.В. Седовым (В.В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. КСИА, вып. 81. — М., 1960).

РАЗДЕЛ 2

Интерес к курганным древностям лесной зоны Восточной Европы в русской археологии появился довольно поздно. Первые научные исследования курганов в области Смоленского Поднепровья относятся лишь к 70-м гг. XIX в. Подробная историография раскопок курганов Смоленщины во второй половине XIX в. приведена А.А. Спицыным в его «Погубернских обозрениях»¹. Краткие результаты раскопок длинных курганов изложены В.И. Сизовым в трудах XI Археологического съезда². Следующий этап в изучении курганов Смоленщины относится к 20–30-м годам XX в. и связан, главным образом, с именем А.Н. Лявданского³. В послевоенное время большие систематические исследования на Смоленщине проводили и проводят Е.А. Шмидт, П.Н. Третьяков, В.В. Седов, Д.А. Авдусин⁴.

В работе учтены материалы более 100 могильников в области Смоленского Поднепровья как опубликованные, так и хранящиеся в архиве ИИМК РАН (см. приложение I) (табл. 13).

Могильники XI–XIII вв. составляют большинство ныне известных древних кладбищ Смоленского Поднепровья. В настоящее время возможно не только реконструировать отдельные детали погребального обряда этих курганов, но и определить основные этапы его эволюции⁵. Первый этап, датируемый в целом XI в., характеризуется новым, по сравнению с предыдущим временем, погребальным обрядом – подкурганым трупоположением. Покойника укладывают на площадку, предварительно обожженную или посыпанную пеплом и углем. В конце XI в. и, главным образом, в XII в., особая обработка погребальной площадки исчезает, и труп укладывают на чистый материк. Во второй половине XII в. появляется подкурганный яма, куда по-

¹ А.А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2. – СПб., 1897 (см. также ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, СПб, 1899). Исчерпывающая историография раскопок смоленских курганов приведена в монографии В.В. Седова (Седов, 1970, с. 94, 95, 109, 110).

² В.И. Сизов. Длинные курганы в Смоленской губернии. Труды XI АС, т. II. – М., 1902

³ Результаты работ А.Н. Лявданского и его коллег опубликованы в: 1) Праці катедри археології, т. I Менск, 1928; 2) Праці археологічної комісії, т. II Менск, 1930; 3) Праці секції археології, т. III Менск, 1932; 4) Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924.

⁴ Е.А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской обл. в 1949–1955 гг. Сборник научных работ. Вып. 1. Смоленск, 1957, с. 274–297; П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. – М.-Л., 1963; В.В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). МИА, № 92. – М., 1960; О работах Д.А. Авдусина см. соответствующие разделы главы по Гнёздову; многочисленные статьи тех же авторов опубликованы в сборнике «Материалы по изучению Смоленской области» вып. I, II, V, VII за 1952, 1957, 1963, 1970 гг.

⁵ Е.А. Шмидт. Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. МИСО, вып. 2, Смоленск, 1957, с. 190–195; В.В. Седов, 1970, с. 115–119.

мешают покойника. Такая форма погребения сохраняется вплоть до исчезновения курганный насыпи как таковой.

Могильники, состоящие из курганов всех трех этапов, хорошо известны в области Смоленского Поднепровья. Среди них, однако, не так уж много таких, в которых полнота раскопок сочеталась с исчерпывающей документацией. Наиболее представительными в этом отношении являются могильники дорогобужско-ельнинской округи и Рославльского района (бывш. Рославльский уезд).

Значительные раскопки в первом районе были предприняты Н.И. Савиным (11 могильников)¹. Впоследствии один из могильников — у дер. Харлапова — полностью исследован Е.А. Шмидтом². Во втором районе раскопки более полутора десятков могильников произведены С.М. Соколовским³. Характеристика погребального обряда дается в рамках трех хронологических этапов (т. 14–17). Размеры насыпи для каждого этапа определяются по средней величине, рассчитанной по совокупности размеров всех курганов данного этапа. Погребальный инвентарь сведен в таблицы и сгруппирован по хронологическому признаку (вертикаль) и частоте встречаемости (горизонталь). Диагональ таблиц отражает эволюцию набора предметов (детали костюма и сопровождающие вещи) в погребениях. Учету подлежат и некоторые другие признаки, не поддающиеся, однако, формализации. Общими чертами этих могильников будут следующие: 1) расположение преимущественно на высоких местах, по берегам рек и озер; 2) состоят, как правило, из большого числа курганов вплоть до 150–200 насыпей; 3) наличие курганов, относящихся к хронологически разным, но последовательным этапам от XI до XIII вв. По материалам С.М. Соколовского: 1 мог. — I этап, 3 мог. — II этап, 1 мог. — III этап, 5 мог. — I и II этапы, 2 мог. — II и III этапы, 2 мог. — I, II и III этапы, 4) уменьшение размеров курганный насыпи от XI к XIII вв. в пределах каждого отдельно взятого могильника; 5) уменьшение количества предметов при костях от XI к XIII вв. Харлапова: в мужских погребениях I этапа топоры найдены приблизительно в 80% всех мужских захоронений этого этапа, копья — 75%, меч — один раз. На II этапе погребения с топорами составляют приблизительно 20%, с копьями — 25%. На III этапе эти предметы исчезают. То же относится и к другим вещам, сопровождающим как мужские, так и женские захоронения (табл. 15, 16). На все могильники, исследованные С.М. Соколовским, приходится 8 погребений в подкурганных ямах. Из них

¹ Н.І. Савін. Раскопки курганов у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. Працы, т. II. — Менск, 1930, с. 219–252.

² Е.А. Шмидт. Курганы XI–XII вв..., с. 186–188.

³ А.Н. Ляўданскі. Археалягічныя досьледы ў Смаленшчыне (археалагічныя досьледы С.М. Сакалоўскага ў былым Рослаўскім павеце. Дробныя весткі аб курганных знаходках і гарадзішчах был. Смаленскай губ.). Працы, т. III. — Менск, 1932, с. 5–67.

только в двух найдены предметы женского убора, остальные — безинвентарны; 6) керамика погребений, начиная с XI в., гончарная, часто с клеймом.

К характерным чертам погребального обряда тех же могильников следует, видимо, отнести наличие под отдельными насыпями нескольких захоронений. В Харлаповском могильнике 51% курганов содержал одиночные захоронения, 41% — по два, 6% — по три, 2% — без захоронения¹.

Курганов более позднего времени — 2-й пол. — конца XIII в. в области Смоленского Поднепровья не известно: к этому времени курганный холмик уменьшается настолько, что выявить его на местности чрезвычайно сложно.

Основное разногласие во взглядах современных исследователей, обращавшихся к курганам с сожжением Смоленского Поднепровья (и других районов, где известны аналогичные древности), заключается в оценке соотношения круглых и длинных курганов. Крайние позиции занимают концепции В.В. Седова и И.И. Ляпушкина. Первый связывает их в генетической цепочке, второй — разрывает эту связь. Этническое содержание обеих концепций очевидно и не нуждается в дополнительной характеристике. Иную позицию в этом вопросе занимает Е.А. Шмидт. Планомерные разведки и раскопки курганов с сожжением, высокий методический уровень этих исследований и тщательная обработка полученного материала позволили создать Е.А. Шмидту не только новую источниковедческую базу, но и оригинальную концепцию. По его мнению: «смоленские длинные, удлинённые и округлые курганы с трупосожжением, составляют единые группы, являются памятниками одной археологической культуры и механическое их разделение на хронологические группы в соответствии только с формой насыпи неправомерно... С нашей точки зрения, под термином «смоленские длинные курганы» следует понимать погребальные памятники VIII–X вв., содержащие одно или несколько захоронений остатков трупосожжения со строго определёнными чертами погребального обряда и имеющие своеобразный погребальный инвентар, включающий украшения балтских типов. При этом форма насыпи может варьировать от округлой до весьма длинной»². Культуру смоленских длинных курганов Е.А. Шмидт датирует от рубежа VII–VIII вв. и до X — начала XI в. Таким образом, Е.А. Шмидт, отделяя длинные курганы Смоленщины от таких же насыпей на других территориях, одновременно объединяет их со смоленскими круглыми курганами с сожжением в рамках одной культуры. Принципиальное значение такой характеристики «длинных» курганов заключается в том, что она начисто снимает и делает совершенно бессмысленными все попытки хронологических классификаций по форме (длине) насыпи, имевшие место со времени А.А. Спицына и до наших дней. По наблюдению Е.А. Шмидта, если в курган прекращали помещать новые

¹ Е.А. Шмидт. Указ. соч., с. 194.

² Е.А. Шмидт. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. — М., 1968, с. 226.

захоронения, то он оставался сферическим или слегка удлинённым. И такой курган может быть древнее, чем иной длинный¹. Е.А. Шмидт не видит оснований ни в традиционной хронологической схеме этих курганов (В.В. Седов), ни в этнической пестроте каждого отдельно взятого могильника этой культуры (И.И. Ляпушкин).

Устройство курганов, входящих в КСДК², достаточно подробно описано Е.А. Шмидтом³. Для нас важно выявить типичные черты этих могильников и выразить их в форме, удобной для дальнейших сопоставлений.

Среди могильников такого рода на Смоленщине наиболее полно раскопан и опубликован могильник у дер. Слобода-Глушица⁴. Другие — у дер. Цурковка, Шугайлово, Акатово, Заозерье, Арефино, Василевщина и др. — либо в меньшей степени исследованы, либо опубликованы только частично. Каких-либо существенных различий, связанных с территориальным расположением памятников КСДК, в распоряжении исследователей нет. Могильники этой культуры известны, главным образом, в западной половине Смоленской области до линии Дорогобуж — Ельня, в бассейне Днепра, Сожа и Зап. Двины⁵.

Расположены могильники КСДК в большинстве случаев на пологих склонах берега. Но иногда длинные курганы располагаются в пойме и на весьма низких и сырых местах (Цурковка, Сож, Катынь, Шугайлово и др.)⁶. Количество насыпей в могильниках не превышает 30–40, но, как правило, меньше (табл. 22).

Курганная группа у д. Слобода-Глушица состоит из 38 насыпей. Из них 16 имеют в плане вытянутые очертания — длина превышает ширину на два и более метров. Разница между длиной и шириной 14 насыпей составляет 1–2 м и 6 насыпей — до 1 м. Один курган имел в плане правильные круглые очертания. Высота курганов колеблется в пределах от 0,3 до 1,5 м. В могильнике раскопано 16 насыпей. Из них в 10 курганах найдены одиночные захоронения, а в остальных шести — разновременные погребения под одной насыпью — в двух по 2 захоронения, в двух — по 3, в двух — по 4. Следует учитывать, что часть насыпей к моменту раскопок была повреждена и, следовательно, количество захоронений, найденных в них, может быть меньшим, нежели они содержали. Показательным является сопоставление количества погребений под

¹ Е.А. Шмидт. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. — М., 1968, с. 225.

² Культура смоленских длинных курганов.

³ Наиболее подробно устройство курганов изложено в статье: Е.А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области. МИСО, вып. V. — Смоленск, 1963, с. 93–104 (в дальнейшем: Е.А. Шмидт, 1963, с.).

⁴ П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, с. 177–192.

⁵ Е.А. Шмидт, 1963, с. 93.

⁶ Е.А. Шмидт. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Материалы юбилейной научной конференции. — Смоленск, 1967, с. 58 (в дальнейшем Е.А. Шмидт, 1967, с.).

одной насыпью с её размерами (отношение длины к ширине). Одиночные погребения находились под насыпями, как круглыми в плане (соотношение 0,8–0,9), так и под насыпями, где длина превышала ширину приблизительно в два раза (0,55) /разрушение?/. Разновременные захоронения обнаружены как под насыпями округлых очертаний (0,88), так и под удлиненными (0,57; 0,58). Та же картина наблюдается и в других могильниках КСДК, в частности, у д. Шугайлово, где под насыпями круглых очертаний находились одиночные, так и разновременные захоронения (курган 9 – два захоронения)¹. Отсюда вытекает одно из своеобразий круглых курганов КСДК – они могут содержать несколько разновременных погребений.

При описании формы насыпи длинного кургана, как правило, ограничиваются её внешними размерами. Такой принцип описания вполне правомочен для разведочных полевых работ, но явно недостаточен для характеристики раскопанного кургана. Основу каждого длинного кургана составляет индивидуальное захоронение, присыпанное сверху землей. Форма и размеры этой «ячейки» требуют особого анализа. При раскопках длинных курганов, содержащих несколько захоронений, характер насыпи индивидуального погребения, определяемый только стратиграфически, возможно уловить лишь тогда, когда курган насыпан из темного или неоднородного грунта (культурный слой, суглинок и т.д.), но не из чистого песка². В курганах у д. Слобода-Глушица в большинстве случаев можно определить поперечник и высоту насыпи индивидуального погребения. Важно и то, что погребения в длинных курганах располагаются по длинной оси насыпи. Это позволяет с большей степенью вероятности установить поперечник индивидуальной насыпи в пределах короткой оси кургана. Сопоставление этой оси с истинным поперечником показывает, что их величины вполне соответствуют друг другу. Из графиков (табл. 18) вытекает следующее: высота насыпи индивидуального погребения в длинном кургане не превышает 1 м, а в среднем равна 0,4–0,7 м; размеры поперечника в среднем – 6–8 м. Точно такие же или близкие им размеры дают курганы других могильников КСДК. Все три длинных кургана у д. Еловцы имеют короткую ось – 6 м³, почти все цурковские – от 5 до 8 м⁴, арефинские курганы – 7–8 м⁵, акатовский сруб, возведенный, бесспорно, в одно время – 6х6 м⁶, одиночные захоронения в шугайловских курганах (№

¹ Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области. АО 1971 г., М., 1972, с. 39.

² Е.А. Шмидт, 1963, с. 100.

³ Е.А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области (реки: Сож, Остер, Хмара, Соженка). МИСО, вып. 1, 1952, с. 385–386.

⁴ Е.А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, с. 162.

⁵ А.Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы, т. II, Менск, 1930, с. 279–280.

⁶ Е.А. Шмидт, 1963, с. 94.

17,21) — 6х6 м¹. Мы не склонны абсолютизировать эти цифры и возводить их в ранг строгого анализа. Важно, что насыпь над таким погребением была очень невелика и напоминает скорее присыпку, нежели курганный холм в обычном представлении. Сожжение трупа обычно происходило в стороне от кургана и в очень редких случаях на подкурганной площадке. Площадку предварительно посыпали песком или глиной и иногда обжигали. В качестве урн использовали глиняные сосуды или берестяные сосуды. В подавляющем большинстве глиняные сосуды изготовлены без помощи гончарного круга. Соотношение вариантов в постройке урны на погребальной площадке дано в табл. 19. Сходная картина наблюдается и в других могильниках КСДК (Цурковка, Шугайлово, Акатово, Заозерье, Арефино). Это позволяет говорить о единообразии могильников КСДК по сочетанию указанных вариантов.

При сожжении «на стороне» в могильнике Слобода-Глушица из 28 захоронений 57% оказались безинвентарными (исключая урны). Наоборот, трупосожжения на подкурганной площадке (Цурковка) содержали целые наборы вещей².

Важной этнографической характеристикой КСДК является тип женского костюма. Его описанию и реконструкции посвящена отдельная статья Е.А. Шмидта³. Особое значение для нас имеет следующее: во-первых, однотипность женского костюма на всей территории КСДК, во-вторых, появление его в сложившемся виде и существование в этом виде вплоть до исчезновения КСДК (табл. 20).

Таким образом, КСДК характеризуется рядом устойчивых общих признаков, определяющих её внутреннее единство и специфику.

Согласно гипотезе сторонников балтской принадлежности длинных курганов, ранние достоверно славянские памятники в области Смоленского Поднепровья в период IX—X вв. должны сосуществовать с балтскими. Трудность их разграничения, как считает И.И. Ляпушкин, заключается в сходстве многих элементов культур⁴. При всем этом, однако, разница должна иметь место, и надежнее всего уловить её в рамках традиций погребального обряда. Постановке вопроса о выделении другой культуры VIII—X (IX—X) вв. не удовлетворяет исходное определение типа погребального сооружения искомой культуры — круглые курганы с трупосожжением и лепной керамикой, так как оно в значительной мере приложимо к погребениям КСДК и, следовательно, не может являться специфической чертой искомой культуры на данной

¹ Е.А. Шмидт. Изучение памятников I тыс. н.э. в Смоленском Подвинье. АО 1969 г., М., 1970, с. 68; Он же. Раскопки памятников I тысячелетия н.э. в Смоленской области. АО 1970 г., М., 1971, с. 75.

² Е.А. Шмидт. Длинные курганы ..., с. 166.

³ Е.А. Шмидт. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. МИСО, вып. VII. — Смоленск, 1970, с. 219-235.

⁴ И.И. Ляпушкин, 1968, с. 89.

территории. Хотя других признаков погребального обряда исследователи не выдвигали, очевидно, что они должны отличаться от однопорядковых признаков КСДК и быть сходными с теми, которые характеризуют достоверно славянские погребения соседних областей. Для этих последних, начиная с VI–VII вв. и до конца эпохи сожжения, характерны могильники, состоящие из единомоментно сооруженных круглых курганов. В этом случае такой тип могильника на Смоленщине может быть опорой в поиске здесь другой (славянской) культуры. Обратимся к фактам и проверим эту гипотезу.

Количество могильников из круглых курганов, содержащих сожжение, невелико — около двух десятков. Однако среди них лишь единичные могильники исследованы полностью или большей частью.

Пожалуй, полнее других раскопан могильник у д. Ковали (басс. р. Рутавечь)¹. Могильник расположен в небольшой котловине и состоит из двух десятков, по определению В.Н. Глазова, низких расплывчатых, но правильной формы, курганов. Их размеры невелики: высота — от 0,7 до 1,5 м, диаметр — 5–6 м. Почти для всех курганов, раскопанных В.Н. Глазовым, можно восстановить величину насыпи над уровнем сожжения. При диаметре до 6 м высота насыпи составляет 0,3–0,4 м и лишь в одном — 0,7 м. В основании или чуть выше его (на подсыпке?) зафиксирован легкий зольный слой с угольками. Труп сжигали в стороне от могилы, а остатки сожжения приносили на погребальную площадку. 28% всех погребений безурновые, в остальных — урна перевернута вверх дном и прикрывает пережженные кости. Вся керамика лепная. Все вещи из погребений находят прямые аналогии в КСДК.

У д. Арефино имеются два могильника. Оба находятся в низине недалеко от болота. Первый, хорошо известный по раскопкам М.Ф. Кусцинского и Е.А. Шмидта, состоит из насыпей длинных, овальных, четырехугольных и круглых очертаний². Второй, недалеко от первого, на берегу небольшого озера и состоит из небольших расплывшихся круглых курганов. Судя по скудным опубликованным данным, устройство курганов можно представить следующим образом. Погребальная площадка располагается на небольшой подсыпке (?). Сожжение, как это утверждается в публикации 1893 г., происходило на площадке. Однако из описаний курганов в публикации 1881 г. этого не следует. В 7 курганах при остатках сожжения урны не было, в остальных трех пережженные кости обнаружены частично в урнах, а частично вне их.

¹ А.А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В.Н. Глазовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VII, вып. 2. — СПб., 1907, с. 238–240; Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области. АО 1968 г. М., 1969, с. 65.

² Отчет М.Ф. Кусцинского о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г., Древности. Труды ИАО, т. IX, вып. 1. — М., 1881, с. 6; Указатель памятников Российского исторического музея. Изд. 2. — М., 1893, с. 113–115; А.Н. Лявданский. Працы, т. II, с. 279–280; Е.А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949–1955 г., с. 289–299.

Площадка прикрывалась насыпью высотой (там, где её можно определить) от 0,3 до 1 м, диаметром 5–8 м. А.Н. Лявданский считает, что в курганах были лепные сосуды. Все найденные здесь предметы и, особенно отметим, предметы женского убора, находят точные аналогии в КСДК.

Могильник у д. Шиловка (бывш. Поречский уезд) состоял из 6 курганов¹. Размеры курганов — 1–2 х 8–10 м. В основании всех исследованных курганов отмечены следы кострищ. Характер сожжения («на месте» или «на стороне») установить затруднительно. В курганах 32 и 34, судя по всему, пережженных костей не найдено. На кострище кургана 33 обнаружены две ямки с пеплом и рядом — урна с остатками сожжения и вещами. В кургане 35 погребение безурновое. Уровень погребения перекрыт насыпью высотой 0,2–1,4 м (курган 32 распахан и поэтому величина присыпки — 0,2 м не отражает истинных её размеров). В женском погребении кургана 33 найдены вещи, типичные для КСДК.

Могильник у совхоза Вязовеньки состоял из 6 круглых курганов. 4 кургана находятся на лугу у берега р. Вязовеньки и 2 — на взгорке². Основа обряда — трупосожжение на месте. Здесь же были разбиты сосуды — их куски найдены в разных частях огнища. Пережженные кости скоплений не образовывали. Размеры насыпи — 1,7х10 м (курган 1), больше 2х9 м (курган 3), курган 2 порчен впускным погребением по обряду ингумации. Керамика в погребениях лепная. Количество найденных вещей невелико, и все они порчены огнем. В женском погребении кургана 1 найдено несколько синих стеклянных бус.

Могильник на берегу Купринского озера состоял из 33 круглых и одной удлиненной (несколько в стороне?) насыпей. 3 кургана в центральной части раскопал А.Н. Лявданский³. Погребальный обряд курганов схож с вязовеньковским: сожжение на месте, битые посуды, установка урны в нормальном положении. Размеры насыпи — кургана 1 — 1,2х11 м; 3 — 1х5 м. В кургане 2 часть костей помещена в ямку на кострище, а с ним и лепные горшки, часть — оставлена на кострище. Последнее образует овал с длинной осью по линии 3 — В. Насыпь размером 0,7 х 7 м. А.Н. Лявданский датировал погребение с лепной керамикой VIII—IX вв., с гончарной (курганы 1 и 3) — X — нач. XI вв. Кроме керамики других вещей не найдено.

Ближний погребальный обряд наблюдается в двух курганах у д. Пилички, расположенных на обрыве восточного берега озера Каспля⁴. В обоих курганах в основании следы огнища. Над ним находилось другое, на котором сожгли труп. В кургане 1 часть пережженных костей помещена в ямку, в кур-

¹ А.А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб, 1906, с. 194.

² А.Н. Лявданский. Працы, т. II, с. 297–300.

³ Там же, с. 315–317.

⁴ Там же, с. 329–330.

гане 2 — оставлены на огнище. В обоих курганах найдены лепные сосуды, а в кургане 1 — нож и бронзовый наконечник пояса. Размер насыпей — курган 1 — 3х17 м, 2 — 1,5х9 м.

Число таких могильников можно было бы ещё немного расширить, однако приведенных выше уже достаточно, чтобы сделать несколько предварительных заключений:

1) могильники из круглых курганов типа Ковалей, Арефина, Шиловки по ряду признаков — топографии, размерам насыпи, виду захоронения, деталям женского костюма и характеру керамики — не отличаются от могильников КСДК. Пока нет решительно никаких оснований относить эти могильники к более позднему времени, чем собственно КСДК или выделять их в особую культурную группу;

2) могильники типа Куприно, Вязовенька, Пилички при некотором сходстве с предыдущими имеют ряд отличий, на которые следует обратить внимание: а) трупосожжение на подкурганной площадке; б) отсутствие предметов типичных для КСДК (как уже отмечалось, при сожжении «на месте» в курганах КСДК остается довольно много вещей); в) насыпь над погребальной площадкой имеет размеры, значительно превосходящие те, которые известны в КСДК.

Наличие гончарной керамики в могильниках последнего типа позволяет датировать их X в. и, может быть, в какой-то мере IX в. (лепная керамика). Вопрос о культурном родстве этих могильников и КСДК по имеющимся материалам решить трудно. Однако, тот факт, что в КСДК найдены погребения, датируемые X в. (м.б. 2-я пол. X в.) и обладающие типичными для этой культуры признаками погребального обряда¹, дает возможность могильники типа Вязовеньки, Куприно и Пилички поставить в особое положение по отношению к КСДК.

Прежде чем сопоставлять признаки погребального обряда курганов с кремацией и ингумацией обратимся к сравнению более общих характеристик могильников — количественному соотношению могильников, включающих разные способы погребения; состоящих из курганов различных форм, содержащих лепную и гончарную керамику. Графики, отражающие количественные соотношения, имеет смысл строить с учетом последовательных хронологических изменений всех указанных признаков, т.е. на первом месте должны находиться могильники с относительно ранними признаками, на втором — могильники «переходного типа», на третьем — могильники с относительно поздними признаками.

Как вытекает из графика 1 (табл. 21), количественное соотношение могильников с ТПС, ТПС и ТПЛ, ТПЛ далеко от последовательного роста².

¹ Е.А. Шмидт. О смоленских длинных курганах, с. 228. Он же. Раскопки в днепровско-двинском междуречье на Смоленщине. АО 1966 г. М., 1967, с. 37–38.

² Здесь и в дальнейшем приняты сокращения ТПС — трупосожжение, ТПЛ — трупоположение.

Менее всего тех могильников, которые должны отражать переход от ТПС к ТПЛ и включают курганы с тем и другим обрядом. То же дают и другие два графика. Здесь переходные признаки — наличие в могильнике лепной и гончарной керамики, а также «переходной» четырехугольной формы кургана — содержатся в минимальном количестве для каждого графика.

Корреляция графиков между собой дает следующее (табл. 21):

1) Могильники с ТПС могут состоять из курганов самых разнообразных форм, с ТПЛ — только круглой формы. Исключительный интерес представляет проверка сочетания ТПЛ и длинной (удлиненной) формы насыпи в пределах одного могильника. В этом отношении, анализ могильников, имеющих в нашем распоряжении, а также полевые наблюдения позволяют сделать заключение вполне созвучное тому, к которому пришел Е.А. Шмидт, а именно: на территории Смоленщины почти полностью отсутствуют могильники, состоящие из длинных курганов и курганов XI—XIII вв. И те и другие образуют отдельные группы¹. Таким образом, то количество могильников, которое составляет промежуточную группу, включает наряду с курганами по обряду ТПЛ исключительно круглые курганы по обряду сожжения. 2) Лепная керамика встречается исключительно в курганах с ТПС. Для ТПЛ характерна гончарная керамика с клеймами на днищах. Гончарная керамика несколько раз найдена в ТПС, однако, в каждом отдельном могильнике она сопутствует лепной. В смешанных могильниках с ТПС и ТПЛ, в курганах с ТПС встречается, главным образом, лепная керамика и реже — гончарная, в курганах с ТПЛ — только гончарная.

Наконец, можно было бы построить логическую схему хронологической эволюции могильников от VII/VIII вв. до XI — XIII вв., т.е. $(\text{ТПС}+\text{Л}) - / \text{ТПС} + (\text{Л}+\text{Г}) - / (\text{ТПС}+\text{ТПЛ}) + (\text{Л}+\text{Г}) - / (\text{ТПЛ}+\text{ТПС}) + \text{Г} - (\text{ТПЛ}+\text{Г})$ ².

Построив график количественного соотношения могильников по отдельным этапам, получим картину близкую к той, которую мы наблюдаем в предыдущих графиках, т.е. промежуточные переходные этапы представлены наименьшим количеством могильников. Причем эти переходные могильники состоят только из курганов круглых форм³.

Обратимся к содержательной стороне сопоставления. Некоторые различия наблюдаются в топографии могильников с ТПС и ТПЛ. Так, если могильники КСДК часто располагаются в низких, сырых местах, вблизи болот, то могильники с ТПЛ — на высоких сухих местах.

¹ Е.А. Шмидт, 1967, с. 53.

² Л — лепная керамика, Г — гончарная керамика, Гк — гончарная керамика с клеймом.

³ Исключение составляет Шугайловский могильник КСДК, где в одном из длинных курганов был найден гончарный сосуд. Однако сама форма сосуда представляет аномалию среди древнерусской гончарной посуды. Включение этого могильника во второй этап оправдан, таким образом, только с формальной стороны.

Е.А.Шмидт. О Смоленских..., с. 228 (курган 1).

Это, как подчеркивает Е.А. Шмидт, отличает курганные группы VIII/IX вв. от курганных групп XI–XIII вв.¹

Остальные признаки сведены в таблице 22.

Общими признаками погребального обряда XI в. и КСДК, учитывая, что она в некоторых местах существует вплоть до второй пол. X в. и начала XI в., будут — «коллективные» захоронения под одной насыпью и относительное расположение мужских и женских погребений в одном кургане. В число таких же признаков Е.А. Шмидт включает обычай класть в погребение орудие труда и оружие, и форму сосудов-урн (приземистые горшки, максимальный диаметр которых превышает высоту). Это последнее сходство может отражать преемственность традиций гончарного производства².

Всех этих общих признаков явно недостаточно, чтобы увязать в единой генетической цепочке КСДК и культуру древнерусских курганов XI в.

Если обратиться к другой немногочисленной группе могильников с круглыми курганами по обряду сожжения, а также к тем, которые состоят из курганов с ТПС и ТПЛ — среди них, в первую очередь, могильники у д. Саки (бывш. Пореченский уезд), у д. Путятинка (прав. бер. р. Лосни), у ст. Катын (нижнее течение р. Катynки — прав. приток Днепра), у пос. Ярцево (р. Вопь — прав. приток Днепра)³ и др., то станет очевидным, что переход от ТПС к ТПЛ среди этого круга памятников вполне возможен. Об этом свидетельствует: 1) совместное нахождение тех и других в рамках одного могильника. Таких могильников больше, нежели тех, которые состоят только из курганов с ТПС данного типа; 2) сходные размеры насыпей курганов с ТПС и ТПЛ; 3) преимущественно трупосожжение «на месте» в курганах с ТПС, что вполне отвечает обряду XI в.; 4) наличие в курганах с ТПС наряду с лепной гончарной керамики X в.

Итак, анализ соотношения курганов с ТПС и ТПЛ позволяет сделать следующее заключение: на территории Смоленского Поднепровья имеется небольшая группа курганов с ТПС, которая могла послужить основой для формирования погребального обряда древнерусской курганной культуры XI в. Однако, количество таких курганов и могильников невелико, чтобы говорить о массовом формировании нового обряда на всей территории. Очевидно, значительная часть населения появилась в результате колонизации из соседних областей, наибольшая активность которой падает на время после X в. Вклад КСДК нельзя определить однозначно. Большинство признаков погребального обряда этой культуры не связывается с погребальным обрядом XI в. Однако, одного этого факта недостаточно, чтобы отрицать участие населения КСДК в формировании древнерусской курганной культуры. Бо-

¹ Е.А. Шмидт, 1967, с. 58.

² Е.А. Шмидт. О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии. Изд. МГУ, М., 1972, с. 145–151.

³ О раскопках этих могильников см. Приложение I, с. 1–15.

лее того, при анализе признаков обряда мы не учитывали их «веса» и оценки — какие из них более существенны и глубже отражают характер культуры, а какие поверхностны и способны к быстрым изменениям. Бесспорно, что в этом смысле они далеко не равнозначны. Именно поэтому учет признаков и их сопоставление хотя и является необходимой операцией при анализе, все же ещё далеко не достаточно для характеристики этнического процесса.

Неравномерность этого процесса, который отражен, в частности, в погребальном обряде, отчетливо проявляется при сопоставлении развития обряда курганов в целом Смоленского Поднепровья и его центра — района г. Смоленска. Если в первом почти не удастся проследить преемственность между погребальными памятниками КСДК и древнерусскими XI в., то во втором дело обстоит иначе. Но об этом речь пойдет в следующих главах.

РАЗДЕЛ 3

Этнический облик курганов с ТПС наиболее полно раскрывается при выяснении их места в системе предшествующих и последующих древностей. Те курганы IX—X вв., которые генетически связываются с поздними XI в., с большим основанием можно считать славянскими. Установить их происхождение — значит не только подкрепить это положение, но и определить ретроспективно исходную территорию колонизации. Тот факт, что КСДК прекращает свое существование к концу I тыс. н.э., ставит под сомнение её славянскую принадлежность, но ещё не опровергает этого. Проверить сомнение поможет анализ истоков этой культуры.

Историография вопроса о происхождении курганов с ТПС Смоленского Поднепровья показывает, что его решение обычно связывали с происхождением кривичей¹. В последних обобщающих монографиях, посвященных славянам Восточной Европы, вопрос о происхождении кривичей всегда рассматривался как составная часть проблемы славянского расселения.

В.В. Седов, будучи сторонником кривической принадлежности длинных курганов, полагает, что смоленские длинные курганы, как часть кривических длинных курганов вообще, появились довольно поздно — в VII—VIII вв. Более древними являются аналогичные памятники Псковщины. Исходными же для тех и других являются длинные курганы Понеманья. Согласно этому реконструируется путь и этапы кривической колонизации. В.В. Седов считает, что вопрос о происхождении кривичей не может быть сведен к вопросу

¹ А.А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, 1899, с. 310–340; П.Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1948 (Изд. 2, М., 1958), с. 128–131; Он же. У истоков древнерусской народности, с. 64–66; В.В. Седов. Кривичи. с. 53, 54; И.И. Ляпушкин, 1968, с. 21, 22, 118–124.

о происхождении длинных курганов: «истоки культуры носителей длинных курганов пока не обнаружены. Они не могут быть найдены среди археологических памятников венедского ареала и по своему облику не иметь ничего общего с валообразными погребальными насыпями, известными в Псковской, Полоцкой и Смоленской землях»¹. И.И. Ляпушкин не дает развернутой концепции происхождения кривичей. Несмотря на иной, нежели у В.В. Седова, круг древностей, который автор связывает с ними, он также считает возможным, что эта восточнославянская группировка проникла «...с запада — из районов обитания венедов»².

Наибольшие сомнения в археологической части доказательств В.В. Седова вызывают «стыки» этапов «расселения» длинных курганов. Ретроспективно длинные курганы Смоленщины VII/VIII вв. продолжают традиции псковских курганов VI–VII вв. — постулируя это положение, В.В. Седов не дает анализа возможности такого перехода. Общие черты этих памятников — форма насыпи и вид захоронения — ещё недостаточны для объединения тех и других, а различия между ними, проявляющиеся в типах керамики и предметах женского убора, делает это объединение сомнительным³. Хотя о псковских длинных курганах приходится судить, главным образом, по старым материалам, всё же можно заключить, что преобладающим типом посуды в них является сосуд баночной формы, мало напоминающий керамику смоленских длинных курганов. На различия женского убора в смоленских и псковских длинных курганах указывает сам В.В. Седов, объясняя это своеобразием субстратного населения⁴. Второе звено — псковские длинные курганы восходят к понеманским — также далеко не безупречное. Раскопанные понеманские длинные курганы не дают фактических оснований датировать их ранее VII–IX вв.⁵ В основе же идеи В.В. Седова лежит предположение, а скорее догадка, что самые длинные насыпи являются самыми древними⁶. На уровне современного состояния материала такое допущение возможно, но не исключительно. Более того, как показали полевые исследования самого В.В. Седова в области Гродненского Понеманья, за длинные курганы в большинстве случаев принимали валообразные насыпи природного происхождения⁷.

Главный методический недостаток археологической части концепции В.В. Седова заключается в абсолютизации частных наблюдений и недостаточно строгом отношении к проверке общих заключений. Впрочем, эта кон-

¹ В.В. Седов, 1970, с. 108.

² И.И. Ляпушкин, 1968, с. 21.

³ Е.А. Шмидт. К вопросу об этнической принадлежности ..., с. 238.

⁴ В.В. Седов, 1970, с. 103.

⁵ Ф.Д. Гуревич. О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии. КСИИМК, вып. 72, М., 1958, с. 54–65.

⁶ В.В. Седов. Кривичи, с. 56–62.

⁷ В.В. Седов. Исследования в Гродненском Понеманье. АО 1968 г., М., 1968, с. 346, 347.

цепция может оказаться справедливой, если новые исследования подтвердят её, но до тех пор она будет уязвима для критики. Самое главное, в таком виде её нельзя рассматривать как единственную и исключаящую все прочие.

Новые материалы, полученные в самые последние годы, могут послужить основой для построения иной гипотезы происхождения длинных курганов. В настоящее время древности, предшествующие длинным курганам на их территории, исследованы относительно полно. На Смоленщине — это памятники типа верхнего слоя городища Тушемля¹, в Белоруссии — типа городищ Колочин, Банцеровщина, Замковая гора². Характеристика культуры имеется в ряде работ, а данные новых раскопок уточняют и расширяют её. Общая датировка культуры — V—VII вв., хотя в некоторых местах она может быть моложе³. Балтийская принадлежность культуры обоснована в ряде работ П.Н. Третьякова, В.В. Седова, Е.А. Шмидта⁴. Погребальные памятники культуры наилучшим образом исследованы на Смоленщине⁵. Погребения совершались по обряду трупосожжения «на стороне» с помещением остатков сожжения в грунтовую ямку. Обычно вместе с ними в ямку устанавливали урну, часто перевернутую вверх дном. Вещи, находимые в погребениях, немногочисленны и сильно порчены огнем. На поверхности земли могильники ничем не выделяются. Сейчас также могильники известны во многих местах Смоленщины, как правило, там, где имеются длинные курганы (Акатово, Заозерье, Шугайлово). В некоторых из них длинные курганы перекрывают и прорезают грунтовые могильники. Этот факт в совокупности с резким различием керамических форм позволил сделать вывод о культурной разнородности этих памятников⁶. Косвенным подтверждением этому служит насильственная гибель поселений типа верхнего слоя Тушемли и одновременное появление здесь длинных курганов⁷. Наряду с различиями в погребальном обряде обеих культур имеются общие черты, на которые впервые обратил внимание Е.А. Шмидт. К ним относятся: 1) сожжение в стороне от места погребения; 2) помещение остатков сожжения в грунтовую ямку; 3) перевертывание вверх дном сосудов — урн; 4) некоторые предметы, входящие в

¹ П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, с. 42-71.

² Э.А. Сыманович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108, М., 1963, с. 97-137; А.Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, Т. 3, Смоленск, 1926, с. 184; А.Г. Митрофанов. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии. Древности Белоруссии, Минск, 1966, с. 218-233.

³ Е.А. Шмидт, 1967, с. 51.

⁴ П.Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА. 1958, № 4, с. 170-186; В.В. Седов, 1970, с. 48-58.

⁵ Е.А. Шмидт, 1967, с. 51.

⁶ В.В. Седов, 1970, с. 48-58; П.Н. Третьяков. Финно-угры..., с. 281-282.

⁷ П.Н. Третьяков. Финно-угры..., с. 282.

состав женского убора; 5) присыпка погребений¹. Уже наличие этих сходных признаков не позволяет столь категорично размежевывать погребения той и другой культуры. Наконец, в 1968 г. Е.А. Шмидт обнаружил бескурганные погребения с вещами, типичными для длинных курганов. «Это, — как пишет Е.А. Шмидт, — совершенно новый тип погребальных памятников последней четверти I тыс. н.э. Одно такое погребение у дер. Заозерье содержало богатый сопровождающий инвентарь, включающий почти все типы вещей, характерных для женских погребений в длинных курганах. Другие такие погребения, как у дер. Заозерье, так и в других местах, содержали мало сопровождающих вещей, а иногда — только глиняный сосуд-урну»². До полной публикации материала трудно судить о характере керамики этих погребений, но само по себе такое сочетание признаков погребального обряда и женского костюма, видимо, нельзя рассматривать как явление случайное.

В Белоруссии грунтовые могильники неизвестны. Курганы с сожжением северной Белоруссии при всем своеобразии, в целом, близки смоленским курганам. То же можно сказать и о керамике, находимой в них. Исключение представляют сосуды из курганов у дер. Гаравые, Павалишино, Дорохи и урочища Атоки³. Это лепные слабопрофилированные сосуды, сходные с керамикой тушемлинского типа. Сходство с грунтовыми погребениями наблюдается в постановке урны — вверх дном или накрытой другим сосудом. Г.В. Штыхов датирует эти погребения V–VI или VI–VIII вв.⁴

Бескурганный могильник, содержащий погребения по обряду трупосожжения, с вещами VI–VIII вв.⁵, а также синхронное ему селище открыты недавно на берегу озера Узмень Псковской обл.⁶ Остатки сожжения найдены в ямках с урнами и без них. По справедливому заключению автора раскопок — Р.С. Минасяна — могильник входит в круг древностей типа верхнего слоя Тушемли на Смоленщине. Вместе с тем, сосуды узменьского грунтово-

¹ Е.А. Шмидт, 1963, с. 127, 128.

² Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области, с. 64.

³ А.Н. Лявданский. Працы, т. II, с. 173–178; Г.В. Штыхов. Археология Полоцкой земли за 50 лет. Древности Белоруссии. Минск, 1969. с. 118–129. Он же. Исследования в северной Белоруссии. АО 1969 г. М., 1970, с. 310. Он же. Исследования в Витебской и Минской областях. АО 1970 г. М., 1971, с. 313. Он же. Раскопки в северной Белоруссии. АО 1971 г. М., 1972, с. 402; Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Минск. Наука и техника, 1972, с. 16–27.

⁴ Г.В. Штыхов. Археология ..., с. 121. Он же. Исследования в северной Белоруссии, с. 310; Он же. Очерки ..., с. 18–22.

⁵ Могильник, согласно современным данным, датируется более ранним временем — IV–V вв. н.э. (см. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. М., 2007) — прим. Н.А. Кренке.

⁶ Р.С. Минасян. Работы в окрестностях пос. Усвяты. АО 1971 г. М., 1972, с. 18–19; Он же. Селище Узмень. Археологический сборник ГЭ, вып. 14, Л., 1972, с. 115.

го могильника находят аналогии в некоторых круглых и длинных курганах Псковщины (Городня, Шильское, Жабино, Кудово, Совий Бор)¹.

Таким образом, в северо-западных районах Смоленщины, а также на прилегающих к ней с запада территориях Белоруссии и Псковщины имеется пока немногочисленная группа погребальных древностей, в которой отчетливо наблюдаются одновременно элементы культуры VI–VII вв. (V–VIII вв.) и культуры (культур) длинных курганов, т.е., по-видимому, можно говорить о преемственности в развитии обеих культур на этой территории. Не противоречит это и выводу Е.А. Шмидта относительно происхождения женского костюма из длинных курганов Смоленщины: исходные элементы его следует искать не в области собственно Смоленского Поднепровья, а в культуре восточных областей Прибалтики (Литвы и Латвии) середины и второй половины I тыс. н.э. Там же можно найти, как считает Е.А. Шмидт, некоторые сходные формы керамики КСДК².

Этническая принадлежность населения КСДК может быть определена с учетом следующих обстоятельств: 1) возможное формирование погребального обряда в среде балтских культур предшествующего времени западнее и северо-западнее Смоленского Поднепровья; 2) балтийский в своей основе тип женского костюма; 3) отсутствие видимых связей с древнерусскими погребальными памятниками X–XI вв. Если это так, то есть серьезные основания отнести КСДК к кругу общебалтийских культур лесной зоны Восточной Европы.

Прежде чем подойти к вопросу о происхождении и этнической принадлежности другой, немногочисленной группы курганов с ТПС, обратимся к сопоставлению эволюции погребального обряда XI–XII вв. Смоленского Поднепровья и некоторых соседних территорий. Наличие многочисленных современных исследований, посвященных отдельным древнерусским группировкам и анализу присущего им погребального обряда, освобождает нас от повторных описаний и характеристик, тем более, что основные выводы этих исследований в настоящее время являются дискуссионными. Среди верхнеднепровских группировок наибольшее сходство или даже тождество погребального обряда со смоленскими кривичами наблюдается у радимичей³ и дреговичей⁴. Это выражается в следующем: 1) единообразное и едино-

¹ Н.Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА. № 6, М.-Л., 1941, с. 102; В.Н. Глазов. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опочечком и Новоржевском у. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, СПб., 1901, с. 217–216, 219–221; Древности северо-западных областей РСФСР в I тыс. н.э. МИА № 76, М.-Л., 1960, с. 114, 115, 266–269; Г.П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска. Археологический сборник ГЭ, вып. 7, Л., 1965, с. 77–88.

² Е.А. Шмидт. К вопросу об этнической принадлежности..., с. 233–235.

³ Б.А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы, т. III с. 81–151; Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, вып. Д1–12, М., 1962, с. 52–56.

⁴ А.В. Успенская. Курганы южной Белоруссии X–XIII вв. Труды ГИМ, вып. 22, М., 1953, с. 105–109; Е.И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. СА, 1961, № 3, с. 56–75; В.В. Седов, 1970, с. 77–91; Он же. Дреговичи. СА, № 3, 1963, с. 119–123.

временное изменение признаков обряда от подкурганных ТПЛ на выжженном материке к ТПЛ на чистом материке и затем к ТПЛ в яме. На последнем этапе курганный насыпь как таковая исчезает. 2) наличие совместных захоронений под одной насыпью нескольких умерших; 3) последовательное уменьшение количества вещей, сопровождающих покойника; 4) наличие в погребениях исключительно гончарной керамики, преимущественно с клеймами; 5) принципиальное сходство женского костюма погребенных.

Хронологическая классификация вятических курганов, предложенная в свое время А.В. Арциховским¹, в последнее время получила существенные уточнения². В итоге, все вятические древности уложены в XII–XIII вв. Соотношение погребений на горизонте и в ямах отличается от того, которое выступает у смоленских кривичей, радимичей и дреговичей: как те, так и другие сосуществуют в рамках XII–XIII вв.

Эволюция погребального обряда верхнеднепровских славянских группировок заметно отличается от более южных и, в первую очередь, правобережных. При всем сходстве древностей дреговичей и древлян, И.П. Русанова указывает и различия, которые особенно значительны при сопоставлении этапов эволюции погребального обряда³. Так, для основной древлянской территории, как считает автор, характерны погребения на горизонте или в насыпи и наличие угольно-зольных скоплений в насыпи выше погребенного. Наличие ямных подкурганных погребений И.П. Русанова связывает с проникновением сюда в разное время полян, а не с саморазвитием древлянского погребального обряда. Древлянские подкурганные ТПЛ укладываются в рамки X–XII вв.

Ещё большие отличия наблюдаются в погребальном обряде полян⁴. Здесь на протяжении X–XII вв. господствующим является ТПЛ в подкурганной яме.

Мы, однако, не склонны придавать этим различиям большее значение, чем территориальное. Бесспорно, общей закономерностью эволюции погребального обряда восточнославянских группировок, начиная с к. X – н. XI вв., является постепенное изживание языческих черт и, в конечном итоге, его унификация, выразившаяся в повсеместном распространении обычных христианских могил. Все же относительная и абсолютная хронология этих изменений, а также характеристики отдельных этапов, различны. Для нас особое значение имеет тот факт, что на территории летописных дреговичей, кривичей и радимичей одинаковыми являются циклы изменения и характеристика отдельных этапов погребального обряда в рамках XI–XIII вв. Если обратиться к курганам с ТПС, послужившим основой для последующего

¹ А.В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, с. 7–109.

² Т.В. Равдина. О датировке вятических курганов. СА, 1965, № 1, с. 122–129.

³ И.П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, с. 67–69.

⁴ И.П. Русанова. Курганы полян X–XII вв. САИ, вып. Е1–24, М., 1966, с. 11–14.

единообразного развития курганов с ТПЛ, то довольно отчетливо выступает их близость: 1) большинство курганов с сожжением входит в состав могильников, где преобладающим обрядом является ТПЛ. В области радимичей немногочисленные курганы с ТПС разбросаны по одному — по два на могильник. У дреговичей лишь в двух могильниках обнаружены только сожжения. В остальных 25 пунктах эти курганы насчитывают от 1 до 3-х и сопутствуют в пределах могильника ТПЛ. 2) в курганах на территории летописных дреговичей и радимичей всего по одному разу отмечен обряд сожжения вне кургана. В остальных сожжение происходило на подкурганной площадке, т.е. «на месте». 3) керамика погребений с ТПС — лепная и гончарная. 4) могильники располагаются на высоких местах и насчитывают от 20 (30 у дреговичей) до 100 курганов.

Происхождение курганов с ТПС данного типа, как мы убедились, нельзя искать в области Смоленского Поднепровья. Точно так же бесплодны их поиски в земле радимичей. Курганы древнее IX в. здесь неизвестно¹. Единственной областью, где можно ретроспективно проследить генетическую связь курганов IX—X вв. с предшествующими, является правобережная часть Среднего Поднепровья, к югу от Припяти. Древнейшие славянские памятники здесь относятся к VI—VII вв. и представлены поселениями и могильниками с керамикой пражского типа², а более поздние VIII—IX вв. — поселениями типа Хотомель, Лука-Райковецкая³. Логика преемственности ранних и поздних памятников здесь сейчас не вызывает возражений.

Таким образом, единообразие погребального обряда XI—XII вв. и сходство курганов IX—X вв. на территории летописных дреговичей и смоленских кривичей, общая для тех и других исходная территория, позволяющая предположить, что это единство было обусловлено не только общностью происхождения, но, главным образом, одним направлением, характером и условиями расселения части славянских племен. Курганы IX—X вв. Смоленского Поднепровья генетически связываются с наиболее ранними достоверно славянскими памятниками Восточной Европы, а, следовательно, этническая принадлежность их не может вызывать сомнений.

¹ В.В. Седов, 1970, с. 134.

² И.П. Русанова. Карта распространения памятников типа Корчак (VI—VII вв. н.э.) // Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 93–96.

³ Ю.В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, с. 90–97.

Подведем итоги. Вплоть до VII–VIII вв. территория Смоленщины, как и другие районы Верхнего Поднепровья и Подвинья, была заселена восточнобалтийскими группировками. В начале второй половины I тыс. в области среднего течения Западной Двины формируется новая культура, также балтийского типа, население которой хоронит своих покойников в длинных курганах. Причины, приведшие к образованию новой культуры, равным образом как стимулировавшие её «расселение», пока не известны. Часть населения продвигается в область Смоленского Поднепровья, занятую родственными племенами, чем и можно объяснить некоторые черты сходства в погребальном обряде той и другой культуры. Наиболее вероятно, что путь проходил вдоль бассейна р. Каспли (лев. пр. Западной Двины), где известны памятники обеих культур, далее к смоленскому течению Днепра, и затем на его левый берег. Об этом последнем косвенно свидетельствует тот факт, что гибель городищ типа Тушемля в районе г. Смоленска произошла несколько ранее (2-я пол. VII – нач. VIII вв.), чем в Посожье (сер. IX в.)¹. Продвижение нового населения носило характер одноактной и быстрой миграции и, очевидно, было внезапным и отнюдь не мирным². В результате местное население прекращает здесь свое самостоятельное существование. В IX–X вв. в основном из области днепровского правобережья сюда проникают группы славян. В последующее время, и особенно в XI в., колонизационный поток нарастает, а его исходные очаги могли быть более многообразными. В распоряжении исследователей нет данных, говорящих о вытеснении или гибели населения КСДК. К концу X в. оно почти повсеместно утрачивает свои специфические признаки и вливается в состав формирующегося древнерусского населения Смоленщины (табл. 23–25).

¹ Е.А. Шмидт, 1967, с. 51.

² П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, с. 41.

ГЛАВА III.

ГНЁЗДОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

История раскопок гнёздовских курганов насчитывает вот уже около 100 лет. В современной литературе по Гнёздову исчерпывающей историографической сводки нет, а в работах начала XX в. и 30–40-х гг. содержатся лишь суммарные и, подчас, неточные сведения о раскопках курганов. Необходимость приведения такой сводки продиктована, однако, не только этой причиной и самой логикой построения работы: анализ истории исследования Гнёздова представляет отдельный и вполне самостоятельный этап источниковедческой проработки материала. Он предполагает выяснение места работ тех или иных археологов, в основном, дореволюционных, в пределах всего курганного поля и, в соответствии с этим, точный учёт количества раскопанных курганов. Отсутствие такой проработки приводит к серьезным фактологическим ошибкам, имеющим место даже в работах последних лет (см. глава I, с. 15–21). В связи с этим история раскопок курганов Гнёздова представлена нами дважды: сначала в своей хронологической последовательности (приложение II, с. 5), затем с учётом исследований отдельных частей общего могильника (приложение II, с. 31).

Общее число раскопанных в Гнёздове курганов составляет, вероятно, не менее 850–900 единиц. Из них обеспечено документацией лучшего или худшего качества — около 785–800. Количество раскопанных курганов в группе к числу в ней имеющихся¹:

- 1) Группа на берегу р. Нивленки — 5%.
- 2) Группа между рр. Нивленкой и Ольшанкой — 4%.
- 3) Ольшанская группа ~ 12%.
- 4) Группа Сергеева ~ 10%.
- 5) Центральная группа ~ 19%².
- 6) Лесная группа ~ 9%.
- 7) Группа на левом берегу Днепра — 11%.

Если принять 5000 за первоначальное число курганов в могильнике, а именно это число необходимо учитывать при такого рода подсчетах, то документированные комплексы составят около 16%.

Одним из важных условий объективного анализа материала является единообразная систематизация имеющихся погребальных комплексов. Это условие, однако, предполагает наличие более или менее однородной информации о комплексах, составляющих общую сводку. В этом отношении источ-

¹ Число курганов в группе берётся по данным Лявданского (см. Глава I, с. 7–15).

² За общее число курганов в группе принято 1501, т.е. 1101 — насчитанных Лявданским и, по его мнению, не менее 400 уничтоженных.

ник далеко неравноценен. Если послевоенные раскопки документированы и опубликованы относительно полно, то о некоторых дореволюционных полевых исследованиях известно только то, что они вообще имели место (Бируков, Тенишева, в разные года — Соколов и Сизов). Документация остальных исследователей занимает в той или иной мере промежуточное положение. Число комплексов, содержащих характеристики оптимального набора признаков погребального обряда, составит около 450. Это количество и легло в основу нашей работы. Качество данной выборки требует учёта двух обстоятельств: 1) малый объём фактологической базы — всего 9% от исходного числа курганов в Гнёздовт — снимает категоричность выводов, построенных на этой основе; 2) «избирательный» подход некоторых дореволюционных исследователей к раскопкам курганов (предпочтение отдавалось нетипичным по форме и размерам курганам) снижает репрезентативность выборки и не может не сказаться на последующих расчетах. Эти обстоятельства, связанные с качественной и количественной оценкой выборки, не позволяют в должной мере использовать приёмы статистико-комбинаторного анализа.

План изложения материала таков: 1) признаки погребального обряда гнёздовских курганов; 2) реконструкция погребального обряда курганов с трупосожжением; 3) погребальный обряд курганов с трупоположением; 4) пустые курганы; 5) хронология гнёздовских курганов; 6) эволюция погребального обряда; 7) типы гнёздовских кладбищ и их эволюция; 8) проблемы социальной и этнической реконструкции на материалах гнёздовских курганов.

РАЗДЕЛ 1

В выборке представлены: курганы с трупосожжением — 61%, так называемые пустые курганы — 37%, курганы с трупоположением — 2%.

Количественное соотношение высот насыпей по интервалам: до 1 метра — 50,6%, от 1 до 2 метров — 40%, от 2 до 3 метров — 8%, свыше 3 метров — 1,4%. Даже если учесть, что высота кургана, измеренная до его раскопок, очень редко точно совпадает с той, которая определяется промером в ходе раскопок от вершины до уровня подошвы, очевидно, что подавляющее большинство курганов по своей высоте не превышает 2 метров.

Современная форма кургана лишь приблизительно соответствует той, которая была в древности, в момент сооружения кургана¹. Пользуясь общепринятой терминологией, в Гнёздовском могильнике можно выделить такие формы насыпей: 1) округлые в плане, полусферические (куполообразные) —

¹ Н.П. Грязнов. Курган как архитектурный памятник. Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1960 г., М., 1961.

91,5%; 2) округлые в плане, с уплощенным или плоским верхом — 8%. В поперечном разрезе форма насыпи напоминает трапецию. Вершина кургана представляет более или менее четко выраженную площадку. Размер площадки, как это вытекает из графика (табл. 26), находится в прямой зависимости от диаметра основания насыпи. Абсолютные размеры насыпей этих курганов превышают обычные полусферические (табл. 26). Поперечники основания курганов с плоским верхом не всегда равны между собой, что отмечал ещё А.А. Спицын¹, а А.Н. Лявданский называл их «овально-удлинёнными»². 3) Курганы с четырёхугольным основанием и площадкой на вершине — 0,5%.

Насыпи гнёздовских курганов окружены ровиками, прерванными в одном или нескольких местах перемычками. Среди учтённых курганов около 67 имеют исчерпывающие данные о количестве и расположении перемычек. В 52 случаях — по одной перемычке, в 15 — несколько (в 8 — по 2, в 7 — по 3). В первых — она расположена, по преимуществу, в ЮЗ секторе, т.е. с 3 или ЮЗ стороны, во вторых — распределяется довольно равномерно (табл. 27). Эти расчёты совпадают и с наблюдениями А.Н. Лявданского³. Мнение В.И. Сизова о расположении перемычки в соответствии с ориентировкой на гнёздовские городища может быть верным только отчасти⁴.

Точное количество курганов с сожжением на подкурганной площадке и вне её («на стороне») определить невозможно. Наши многократные попытки расчленить гнёздовские курганы по этому признаку, опираясь на различные критерии — наличие жирного угольного слоя, прокалённость почвы, полнота вещевого комплекса и т.д., оканчивались неудачей. Разделению поддаются лишь немногочисленные курганы с ярко выраженными признаками того или другого обряда. Но их число явно недостаточно для общих заключений. Нет согласия по этому вопросу и среди самих исследователей курганов: по подсчётам В.И. Сизова больше курганов с сожжением «на стороне»⁵, по подсчётам Д.А. Авдусина — «на месте»⁶. При всей приблизительности наших расчётов оказалось, что преобладают курганы с сожжением «на месте».

Уровень сожжения (погребения) в подавляющем большинстве совпадает с «подошвой» кургана⁷. Всё же в некоторых случаях наличие подсыпки под кострищем не вызывает сомнений. Это относится, в первую очередь, к боль-

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15. СПб., 1905. С. 8.

² А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 133-134; А.Н. Лявданский. Ук. соч., С. 133-134.

³ Там же. С. 167.

⁴ В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. МАР, №28, СПб., 1902. С. 6-7.

⁵ В.И. Сизов. Ук. соч., С. 32, 33.

⁶ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. В сб.: Материалы юбилейной научной конференции. Смоленск, 1967, С. 76.

⁷ Д.А. Авдусин. Раскопки в Гнёздове. КСИИМК, вып. 38, М.-Л., 1951. С. 73.

шим гнёздовским курганам, а также к некоторым малым — №№ 60, 63 (Авдусин), VII, 52 (Сергеев), 52 (Сизов) в др.

Ориентировка угольного пятна позволяет судить о том, как был положен покойник на погребальной площадке. Количество курганов, где зафиксирована эта ориентировка, ничтожно мало — 36-37. Из них большая часть (ок. 20) даёт меридиональную ориентировку, 5 или 6 — З-В, 8 — СВ-ЮЗ. Наконец, в 2 курганах отмечено крестообразное положение обугленных плах в направлении СВ-ЮЗ — ЮВ-СЗ.

Расположение остатков сожжения в пределах насыпи таково: на уровне погребальной площадки — 82,5%; в насыпи, выше погребальной площадки — 16%; в ямке, ниже уровня погребальной площадки — 1,5%. Во втором случае (погребения этого типа все урновые) урна в насыпи может находиться в её середине или на вершине, сразу же под дёрном. При этом зольно-угольная прослойка в основании кургана перекрыта песчаной «подушкой». Толщина такой «подушки», по имеющимся данным, редко превышала 1 метр. На её вершину устанавливали урну.

85% курганов с кремацией — урновые, 15% — безурновые. 84% всех урновых погребений содержат по 1 урне, 12% — по 2, 4% — по 3.

Урна, установленная в обычном положении, т.е. отверстием вверх, зафиксирована в более чем 90% курганов (93% — Центральная группа, 92% — Лесная группа). В остальных случаях урна найдена перевёрнутой вверх дном: в одних курганах — над пережжёнными костями на кострище, в других — накрывала вторую урну. Верхняя часть нижних сосудов иногда оказывалась отбитой.

Урна в гнёздовских курганах обычно сопровождается пустыми целыми или разбитыми сосудами.

Редким в погребальном обряде учтенных курганов является помещение железной гривны на тулово сосуда-урны. Такое положение гривны зафиксировано в 5 курганах — №№ 97 (Соколов), 15 (Кусцинский), 33, 35 (Авдусин). Пятый — известен по предварительной публикации¹.

Наличие каменных конструкций В.И. Сизов рассматривал как обычное явление для гнёздовских курганов². В нашей сводке таких курганов насчитывается около 20. О приёмах использования камня приходится судить почти исключительно по описаниям, т.к. какая-либо графическая документация фактически отсутствует. Первый приём заключается в прикрытии урны плоским камнем — курганы 49, 65 и 55 (Сизов) (табл. 28-1). В.И. Сизов относил этот приём к «нормальным фактам погребального обряда» гнёздовских курганов³. В кургане 55 камни образовывали нечто вроде свода над урной. Остат-

¹ Д.А. Авдусин. Работы смоленской экспедиции. АО 1970 г., М., 1971, С. 79.

² В.И. Сизов. Ук. соч., С. 17-21.

³ Там же, С. 17.

ки сожжения в кургане 15 (Соколов) были собраны в кучу, прикрыты плитой и обложены камнями. Второй приём — укладка камней вплотную к урне — курганы 38 (Сизов), Ц-40 (Авдусин) (табл. 28-4)¹. Третий приём заключался в укладке рядов камней на кострище несколько в стороне от урны — к СЗ или С от неё (курганы 7 и 36 раскопок Сизова) (табл. 28-5). Случаи того же типа приведены в монографии В.И. Сизова². Четвёртый приём — установка урны в центре каменного кольца и обкладка её камнями (табл. 28-3)³. Другие приёмы — установка урн на каменной вымостке, раскладка камней на кострище в виде креста с большим валуном в центре, укладка камней кучей в центре кострища, сооружение каменного кольца, внутрь которого помещается оружие — встречаются ещё реже (табл. 28). Расположение камней в курганах 16 (Сергеев), Ц-1, Ц-2, Ц-37 (Авдусин) остаётся неясным.

Курганы с костяками жертвенных животных составляют около 10% нашей выборки. Из них значительная доля приходится на курганы с костями лошади (не менее 17-19 случаев). Около половины последних содержат зубы и челюсти лошади, остальные — скелеты. Зубы лошади найдены в 7 курганах — VII, 25 (Сергеев), 12 (Абрамов), 4, 8, 33, 36 (Авдусин), по преимуществу вблизи урны. Лошадиные челюсти — в двух курганах — 41, Ц-2 (Авдусин), череп — в кургане 17 (Кусцинский). Состояние костных останков лошади в кургане 83 (Сизов) уяснить трудно. Известно только, что кости не образовывали скелет, а находились «отдельно в небольшом количестве»⁴. В 8 курганах обнаружены костяки лошади. В кургане 4 (Сизов) на глубине 1,8 м — помост из обугленных досок и брёвен, уложенных в 4 яруса. На помосте лежал скелет лошади. Под помостом открыто кострище, в котором среди пережжённых костей найдены топор, стрелы, круглая пряжка, поясные бляшки и др.⁵. Аналогично устройство кургана 17 (Абрамов)⁶. В основании насыпи обнаружен обугленный бревенчатый помост, в СВ части которого находились кости лошади. В кургане найдены топор, круглая пряжка, ключи и др. Погребение ниже помоста осталось неразобраным (табл. 29). Сходными между собой являются погребения с конём в других двух курганах. В одном из них, раскопанном Сизовым, кости лошади найдены непосредственно на кострище среди «сажи, угля и жжёных костей»⁷. Сожжение покойника, как считает автор, несомненно, происходило на подкурганной площадке. В кургане 21 (Сизов)

¹ Нечто подобное изображено на одном из рисунков В.И. Сизова (В.И. Сизов. Ук. соч., с. 14, рис. 2).

² Там же, с. 20, с. 19, рис. 5-7.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69.

⁶ Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, СПб., 1906, с. 188.

⁷ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 12.

убитая лошадь также была помещена непосредственно на кострище.¹ Близким является устройство кургана 7 (Сизов). Здесь останки лошади найдены выше кострища, а к северу от них обнаружена каменная выкладка². В кургане 16 (Сергеев) кости лошади (целый скелет?) находился рядом с кострищем к западу от него, в кургане 7 (Сергеев) скелет лошади, возможно, находился в южной части кострища, повреждённой траншеей. В обоих случаях (для кургана 16 — предположительно) конская узда укладывалась отдельно на кострище. Скелет лошади вместе с богатым набором вещей был случайно обнаружен во время работ С.И. Сергеева в Гнёздове³. Во всех этих случаях кости лошади оказались непережжёнными, во всяком случае, прямых указаний на обратное мы не имеем. Это значит, что жертву приносили уже после сожжения трупа. Преднамеренное насильственное умерщвление лошади прекрасно иллюстрируется находкой скелета в кургане 4 (Сизов)⁴. Ориентировка конских захоронений, в тех случаях, когда она может быть определена, — головой на север.

В 10 курганах найдены кости птицы, в основном курицы — курганы 7 (Сизов), 24 (Соколов), 23, 24 (Абрамов), 7, 16 (Сергеев), 13, 22, 24, 47 (Авдусин). Эти кости обычно находятся либо на урне, либо рядом с ней, либо в самой урне.

Кости козла или барана обнаружены в 7 курганах. В 5 случаях череп и кости животного найдены в металлическом котле — курганы 7, 16 (Сергеев), 23, 24 (Абрамов) и ещё одном кургане Центральной группы⁵. В двух — целые скелеты баранов — курганы 20 (Сизов), 18 (Сергеев), в первом — туша барана была положена на блюде. То же, возможно, имело место во втором кургане.

В 4 курганах кости собаки: кости черепа найдены в одном из курганов, раскопанных В.И. Сизовым⁶, и кургане 23 (Абрамов), целые скелеты — в одном из курганов В.Д. Соколова⁷ и кургане 18 (Сергеев).

Дважды обнаружены кости коровы: курган 16 (Сергеев) и 12 (Абрамов).

Один раз, в кургане 24 (Абрамов), найдены останки рыбы. Дважды — при трупосожжении — курган 16 (Сергеев) и при трупоположении — курган 95 (Авдусин) найдены кости свиньи.

В 9 курганах найдены кости нескольких видов животных (табл. 30: №12 (Абрамов) — зубы лошади и кость коровы, 7 (Сизов) — кости лошади и птицы, 18 (Сергеев) и 23 (Абрамов) — кости барана и собаки (в последнем — ещё

¹ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 11.

² Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1896, д. 69.

³ Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1899, д. 106.

⁴ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 12.

⁵ Об этом кургане, обозначенном С.И. Сергеевым индексом «а», см. в разделе реконструкции больших курганов.

⁶ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 13.

⁷ Там же, с. 12, 13.

и кости птицы), 24 (Абрамов) — кости барана, птицы и рыбы, 7 (Сергеев) — кости барана, птицы и лошади, 16 (Сергеев) — кости барана, птицы, лошади, коровы, овцы, свиньи, в 2 курганах кости не определены.

Во всех этих случаях животных приносили в жертву уже после сожжения покойника. Пожалуй, единственное исключение составляет курган 16 (Сергеев), где часть жертвенных животных была сожжена на погребальном костре.

Большое значение в погребальной церемонии некоторых гнёздовских захоронений отводилось оружию и воинским доспехам (табл. 31). По способу размещения этих предметов на погребальной площадке можно наметить несколько вариантов: 1) ломка оружия (мечей) и втыкание его частей в землю рядом с урной — курганы 13 и 35 (Авдусин); 2) оружие без повреждений (для копий решить трудно) втыкается в землю рядом с урной — курганы 15 (Кусцинский), 18 (Сергеев); 3) оружие без повреждений укладывается рядом с урной — курганы 28 (Сергеев), 5 (Авдусин). В некоторых других случаях — курганы Ц-2 (Авдусин), 5 (Сергеев) — расположение оружия остаётся неясным. О своеобразном использовании в погребальном обряде щита можно судить по расположению щитовой бляхи — умбона. В 3-х курганах — 54 и 11 (19) (Сизов), 6 (Сергеев) — умбон находится на вершине, под дёрном. В этом случае есть основание считать, что после возведения большей части насыпи на её вершину укладывали целый щит. В обоих курганах В.И. Сизова умбон оказался пробитым. Вполне возможно, что и здесь мы имеем дело с преднамеренной порчей. Дважды щит был уложен передней частью «внутри» кургана, один раз — наоборот. Умбон в кургане 14 (Сергеев) найден втиснутым в урну. Первоначально, возможно, щит был положен чашей умбона внутрь урны. Деревянные части щита сгнили, а под тяжестью насыпи умбон оказался в урне. Уникальными по расположению оружия на погребальной площадке являются курганы 18 (Сергеев) и 20 (Сизов). В обоих случаях оружие и доспехи собирают в одном месте — рядом с урной, вне кострища. В первом — рядом с урной и кольчугой воткнуты меч, скрамасакс, копьё. Концы оружия накрыты шлемом. Во втором — за пределами кострища сложены оружие и доспехи и накрыты двумя щитами¹.

Все действия, связанные с особым расположением оружия, так же, как и жертвоприношения, происходили после того, как догорал погребальный костёр.

Как минимум в 7 курганах обнаружено сожжение в ладье. Из них 5 приходится на большие курганы (подробно они будут описаны ниже), 2 — на малые — курганы 13 и 47 (Авдусин).

¹ Подробнее о курганах 18 и 24 см. раздел реконструкции больших курганов.

РАЗДЕЛ 2

Первая попытка реконструкции погребального обряда гнёздовского кургана принадлежит В.И. Сизову¹: «По всему вероятно сооружение курганной насыпи производилось следующим образом: прежде всего на грунте заготовлялось круглое основание кургана, приблизительно на 1/3 будущей высоты. При больших размерах кургана во многих случаях, как мы уже упоминали, основание укреплялось мелким гравием или булыжником. Затем выровненное основание кургана покрывалось тонким ровным слоем просеянного белого песка. На этом-то слое происходило сожжение трупа, и затем по всему пространству размётывался слой золы с угольями, вещами и пережженными косточками — остатками прогоревшего костра. При этом белый слой песка от горячей золы и угольев принимал алый или розоватый цвет, яркость которого и служила обыкновенно при раскопках путеводной нитью к кострищу, ибо там, где был сильнее огонь, и белый песок принимал более яркую окраску. В тех же случаях, когда сожжение трупа происходило вне кургана, слой белого песка, покрытый остатками перенесённого сюда кострища, не изменял своего цвета, что и заставляет нас предполагать, что место сожжения трупа находилось в значительном отдалении от кургана...». Несколько иначе представлял погребальный обряд Г. Бугославский: «Труп покойника, одетого в праздничное его одеяние с атрибутами его занятия и звания, переносили на место, уготованное для его погребения, и для того расчищенное, т.е. выровненное, обкладывали его горючими материалами и на сильном огне сжигали до полного разрушения трупа, причём для того, чтобы достигнуть полного разрушения, перемешивали пепелище, разбивали кости на мелкие части, чем, быть может, и объясняется отсутствие в пепелищах крупных цельных костей, черепных, берцовых и т.п. Затем, когда костёр потухал, собирали остатки костей, складывали их в горшок вместе с пищей тризны, и присыпали немного пепелище землёй, ставили горшок и затем насыпали курган»². Реконструкция Д.А. Авдусина более пространна³: «Для сооружения погребального костра выбирали ровное место. Обычно же в Гнёздове костер сооружали непосредственно на уровне окружающей земли. После сооружения костра на него клали покойника, иногда в лодке. Вместе с умершим, одетым в лучшие одежды, клали все наиболее дорогие для него вещи и всё, что, по мнению его современников, могло ему пригодиться в загробном мире: оружие, украшения, утварь, пищу. Если покойный был знатен и богат — убивали его любимую рабыню и клали её труп на костёр рядом с трупом господи-

¹ В.И. Сизов. Ук. соч. С. 7-8.

² Г. Бугославский. О результатах изысканий Гнёздовского могильника. Смоленская старина, вып. I, Ч. 1, Смоленск, 1909. С. 13.

³ Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. I, Смоленск, 1952. С. 314-317.

на. После этого часто убивали различных животных — коня, быка, барана, собаку, петуха. После того, как костёр прогорал, кости сожжённого человека обычно собирали в глиняный горшок и ставили в центре кострища, а затем к горшку сгребали остатки костра. Затем над остатками сожжения насыпали курган, причём землю для насыпи брали тут же, около остатков костра, так что вокруг кургана образовывались канавки — ровики, которые можно наблюдать и сейчас». Впоследствии Д.А. Авдусин вводит ещё одну интересную деталь — разведение огня в ровике кургана¹. В самых общих чертах все эти реконструкции, основанные на полевых наблюдениях, верно отражают характер погребального обряда, хотя и расходятся в отдельных деталях. Их главным недостатком является нивелирование в рамках данных характеристик различий, существующих между малыми и большими гнёздовскими курганами и даже внутри малых. Предлагаемая реконструкция типичного гнёздовского кургана основана на учёте наиболее часто повторяющихся признаков устройства насыпи и погребального обряда, отражающих последовательность действий при совершении погребения: 1) выбор ровной площади; 2) выжигание на площадке растительности (ритуальный огонь?)²; 3) помещение на площадку трупа и сооружение костра; 4) сожжение трупа; 5) помещение пережженных костей в урну и установка её в центре кострища; сгруживание части кострища к урне; 6) установка сосудов с заупокойной пищей; битьё сосудов; 7) сооружение погребальной насыпи из земли, взятой вокруг основания погребальной площадки или привезённой со стороны; с одной из сторон насыпи (обычно ЮЗ) оставляется перемычка, соединяющая курган с окружающей местностью. Высота погребальной насыпи не превышает 2-х метров, форма — круглая в плане полусферическая (табл. 32). Данный тип кургана составляет 80-85% выборки.

Большие гнёздовские курганы характеризуются иным устойчивым набором признаков. Имеющаяся в нашем распоряжении документация позволяет не только восстановить их облик в момент исследования, но и дать каждому из них довольно точную реконструкцию. Большие курганы сосредоточены в Центральной группе, группе Сергеева и Ольшанской группе (табл. 33). В Центральной группе курганы расположены в её средней части, разделяя всю группу на СВ и ЮЗ половины. Среди них ближайшим к поселению является курган, исследованный Д.А. Авдусиным в 1950 г. — № Ц-2³. Немногим

¹ Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов. В сб.: Древности Восточной Европы, М., 1969, с. 13.

² Предварительное выжигание площадки зафиксировано во всех гнёздовских курганах, исследованных современной методикой.

³ Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов. 1957, с. 158-164. Этот курган схож с большими гнёздовскими насыпями только по размерам и форме. Серьёзные различия в погребальном обряде ставят его в совершенно особое положение по отношению как к большим, так и малым курганам могильника.

более чем в 100 метрах к СЗ от него находится другой курган, частично раскопанный В.И. Сизовым в 1885 г. — № 20¹. В 200 шагах к западу от первого² — третий курган, исследованный в 1900 г. С.И. Сергеевым — № 16³. К ЮЮЗ от него — четвёртый курган, исследованный тогда же С.И. Сергеевым — № 7⁴. Наконец, пятый большой курган расположен к западу от кургана 16, на окраине группы. В группе Сергеева большой курган находится в центре цепочки малых, примыкающих к нему с СВВ и З. Курган раскопан С.И. Сергеевым в 1901 г. — № 18⁵. На западной окраине группы Сергеева или между нею и Ольшанской некогда находился ещё один большой курган — № 56 (Сергеев). В Ольшанской группе, в южной её части, в ближайшем соседстве с городищем расположен большой курган, раскопанный частично сначала В.И. Сизовым в 1896 г. — № 24, затем И.С. Абрамовым в 1905 г. — № 24, и, наконец, докопанный Д.А. Авдусиным в 1950 г. — № Оль-1⁶. В северной части группы, напротив кургана 24 — Оль-1 — курган, исследованный И.С. Абрамовым в 1905 г. — № 23⁷. На западной окраине северной части находится ещё один большой курган, раскопанный колодцем. Сведения о его раскопках отсутствуют. Устройство курганов и их погребальный обряд реконструируются в два этапа: первый — графическая реконструкция общей стратиграфии кургана и погребальной площадки в момент её исследования, второй — описательная реконструкция последовательности действий в процессе погребальной церемонии. Источником реконструкции первого, наиболее важного, этапа послужили архивные и публикационные данные раскопщиков больших курганов⁸.

Центральная группа, курган 20, В.И. Сизов, 1885 г. (табл. 34).

Высота кургана — около 9 м, диаметр — 35 м. Форма — коническая, с закруглённой, немного плосковатой вершиной. В.И. Сизов отмечает, что «крутизна его боков была настолько велика, что было трудно взобраться на него, и сделать это с наименьшими усилиями можно было только с южной стороны...». Насыпь окружена рвом с перемычкой — всходом с южной стороны. Раскопка кургана произведена двумя сквозными траншеями и колодцем. Дойдя до уровня погребальной площадки, В.И. Сизов не смог, однако, раскрыть кострище на всей его площади. В пределах его траншей оказался сравнительно небольшой участок, на котором обнаружено аккуратно сложенное оружие и воинские доспехи. Кострище с остатками сожжения, по

¹ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 8-11.

² А.Н. Лявданский. Ук. соч., с. 131.

³ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 46-48.

⁴ Там же, с. 44-45.

⁵ Там же, с. 50-51.

⁶ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 33; Отчёт о раскопках ... , С. 191-192; Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов, 1957. С. 169-174.

⁷ Отчёт о раскопках..., с. 190-191.

⁸ Описания больших курганов даются в сокращённом виде.

мнению В.И. Сизова, находилось за пределами этого участка, в ЮЗ части кургана. Уровень сожжения расположен, по наблюдениям автора раскопок, «немногим более двух метров над поверхностью земли». При том, что курган раскопан лишь частично, всё же можно представить последовательность сооружения насыпи и некоторых обрядовых действий. После определения места будущего кургана на площадке была сделана подсыпка. Сожжение бесспорно происходило на самой подсыпке. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что кострище, правда, лишь отчасти вскрытое, состояло из толстого слоя золы, угля, обгоревших брёвен и пережжённых костей и подстилалось слоем покрасневшего от огня песка. Конструкцию костра установить трудно. В раскопанной части найдено 19 железных ладейных заклёпок¹, поэтому не исключено, что сожжение происходило в ладье. Судя по характеру вещей, погребение в кургане парное — мужское и женское². Мужчина был облачён в воинский доспех и «вооружён» мечом и копьём — все эти вещи оказались сильно повреждёнными огнём, а «внутри шлема сохранилась прикипевшая к железу черепная косточка»³. После сожжения оружие и доспехи были извлечены из кострища, вынесены за его пределы и тщательно сложены на площадке, ограниченной кольцом из камей. Укладка вещей, по-видимому, происходила в такой последовательности: сначала брошено блюдо с тушей барана, затем — остатки кольчуги (?), рядом положены меч и копье, а сверху — шлем. Все эти вещи были накрыты щитом, края которого опирались на камни. Сверху затем сделана песчаная присыпка толщиной 0,15-0,2 м и уложен второй щит. После этого над погребальной площадкой возведена высокая насыпь. Её вершина была слегка выровнена.

Центральная группа, курган 16, С.И. Сергеев, 1900 г. (табл. 35).

Высота кургана — 2,9 м, поперечник основания — 38 м, площадки на вершине — 32 м. Форма насыпи — шаровой пояс с плоской вершиной. Курган окружён рвом шириной 7,5 м и глубиной чуть более 2 м. В ЮЗ части он был прерван перемычкой шириной 8,5 м⁴. Курган раскопан широкой траншеей, причём кострище было раскрыто полностью. Остатки сожжения расположены выше подошвы насыпи. Сопоставление нескольких отметок, приведённых в полевой документации С.И. Сергеева, позволяет предположить, что толщина подсыпки не превышала 0,5 м. Кострище имело подтреугольную форму, обращённую основанием к перемычке, т.е. на ЮЗ. Длина кострища с ЮЗ на СВ — 10,5 м, ширина в основании — 10,5 м. В кострище найдено 234 заклёпки — остатки сгоревшей здесь ладьи. На кострище и рядом с ним с З и СЗ стороны обнаружены кости животных. Судя по сохранности костей,

¹ А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 3, САИ ЕИ-36, Л., 1971. С. 35.

² В.И. Сизов. Ук. соч., с. 10.

³ Там же, С. 67.

⁴ А.Н. Лявданский. Ук. соч., С. 131.

часть животных (овца, лошадь, птица) была помещена на погребальную площадку до сожжения, а часть (лошадь, корова, свинья, коза) — после сожжения. Неясным остаётся назначение камней, найденных преимущественно с западной стороны кострища, хотя есть основания считать, что их уложили сюда уже после акта сожжения. Большие трудности вызывает определение количества и пола погребённых в кургане. Среди найденных предметов значительную часть составляют вещи, относящиеся к женскому костюму — бусы и фибулы скандинавского типа, из них 4 овальных. Видимо, к этому же комплексу относятся две трёхлепестковые фибулы, найденные в осыпи кургана уже после работ С.И. Сергеева¹. Все вместе они представляют два комплекта женского костюма, состоящего из двух овальных и одной трёхлепестковой фибул. Мужской комплекс крайне невыразителен для погребения в большом кургане — несколько бляшек поясного набора и наконечник стрелы, найденный там же, где и трёхлепестковые фибулы. Другие вещи с кострища — железная гривна, гребень, гири, ледоходные шипы, глиняная фигурка, нож, ларец (?), ведро и др. — могут сопровождать как мужские, так и женские погребения могильника. А.А. Спицын, обращая внимание на то, что в некоторых определённо женских погребениях найдены вещи, относящиеся к мужскому убору, и даже оружие, поставил под сомнение наличие мужского погребения в этом кургане². Итак, вопрос о том, было ли погребение парным — мужским и женским — или только женским, остаётся открытым, хотя второе решение, на наш взгляд, более вероятно. Расположение трупа в пределах ладьи можно восстановить достаточно точно, учитывая, что скопление пережжённых костей и основные находки, а также остатки ткани находились в СЗ углу кострища. Труп был расположен, скорее всего, головой к концу ладьи, т.е. на СВ. Церемония погребения в целом представляется следующим образом. На выбранной площадке — основании кургана — была сделана полуметровая подсыпка. На неё по перемычке — всходу втащена ладья или часть ладьи (подтреугольная форма кострища!) и установлена в определённом положении, соответствующем направлению всхода на погребальную площадку. По той же перемычке входили участники церемонии для совершения всех необходимых действий. Покойник (один или два?) в богатом уборе был уложен в СВ часть ладьи, головой к её концу. Видимо, тогда же принесены в жертву некоторые животные, туши которых целиком или частями бросили в ладью. Затем развели погребальный костёр. После того, как костёр догорел, пережжённые кости человека и отчасти животных собрали в глиняную урну и установили её в СВ части огнища. На огнище разбили несколько сосудов. К урне сгребли часть остатков сожжения, среди которых оказались фибулы, а также куски гребня, глиняной фигурки и железной гривны, возможно, преднаме-

¹ А.Н. Лявданский. Ук. соч., с. 131.

² А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 11, 48.

ренно сломанных. Невдалеке поставили деревянное ведёрко, наполненное мёдом или вином. Рядом с огнищем вблизи урны установили железный котёл с костями и головой козла, а также низкой бус. Сверху на котёл положили жертвенный нож. Другие жертвенные животные — лошадь, корова, свинья и коза — были помещены с 3 и СЗ стороны огнища. Тогда же принесены камни и уложены как на самом огнище, так и рядом с ним, главным образом, с западной стороны. Нельзя исключать, что уже после сожжения к предметам женского убора были добавлены отдельные вещи, а возможно и целый набор. После всех действий над погребальной площадкой возвели насыпь, вершину которой выровняли в виде горизонтальной площадки.

Центральная группа, курган 7, С.И. Сергеев, 1900 г. (табл. 36).

Высота кургана — 1,8 м, диаметр основания — 27,5 м, диаметр площадки на вершине — 25,5 м. Форма насыпи — шаровой пояс с плоским верхом. Курган окружён рвом, его параметры не известны. К моменту раскопок насыпь оказалась повреждённой траншеей балластного карьера, срезавшей южный край, по одним данным автора раскопок, на два метра, по другим — на четыре. При сопоставлении этих величин с размерами раскопанных траншей более правильной оказалась вторая цифра. Курган вскрыт частично и, как отмечает С.И. Сергеев, «огнище определило размеры раскопки кургана». Западная половина кургана, по мнению С.И. Сергеева, представляла собой естественное возвышение, к которому с востока был присыпан курган. Горизонт сожжения находился выше основания кургана на 0,7–0,8 м. Кострище — «красный слой, перемешанный с пеплом и чёрным слоем» — резко выделялось на фоне песка. Оно имело овальные очертания, длиною с С на Ю — 17 м, шириной — 10,5 м. Кострище с южного края обрезано вышеупомянутой траншеей. На кострище найдено два десятка целых железных заклёпок длиной от 2 до 6,5 см и их обломки. По очертаниям кострища и находкам заклёпок можно заключить, что на погребальной площадке горела ладья. В этом случае ориентировка ладьи будет совпадать с меридиональной ориентировкой кострища. Судя по некоторым из сохранившихся вещей — бусам, овальной фибуле, нагрудной цепи, различным подвескам, шиферным пряслицам и иглам, в ладью была положена женщина. Топор, стремя и конская узда, найденные в траншее южной части, могли бы, в какой-то мере, свидетельствовать о том, что в ладье находился и мужской труп, если бы была уверенность в том, что эти предметы никогда не обнаруживали при женских захоронениях. Однако уверенности в этом нет¹. Показательно также отсутствие поясного набора — важного признака мужских погребений гнёздовских курганов. Другие вещи с кострища — гребень (гребни?), оселки, железная гривна, весы, гирь-

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 11, 48. См. также: M. Müller-Wille. Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Crabsitte, Offa. B. 25/26, Neumünster, 1968/69, S. 75–80, 143.

ки и ларец(?) встречаются как в мужских, так в женских захоронениях. Всё это затрудняет окончательное определение количества погребенных в этом кургане, но очень вероятно, что захоронение было одиночным, и, притом, женским. Расположение тела в ладье головой на север, очевидно, к корме, определяется, во-первых, местом скопления пережжённых костей и вещей преимущественно в северной половине кострища, во-вторых, тем, что части конского снаряжения и топор, обычно укладываемые в ногах или сбоку от покойника, здесь найдены у южного края кострища. Находка части конской упряжи, непорченой огнём, показывает, что вещь была положена в южной части погребальной площадки после сожжения¹. О погребении коня, быть может, в той же части может свидетельствовать находка на кострище конского зуба. Однако серьёзные повреждения насыпи делают подобное заключение сугубо предположительным.

Итак, погребальная церемония могла выглядеть так: на избранной площадке сделана подсыпка толщиной 0,7–0,8 м. На неё установлена ладья в направлении С–Ю. В её северном конце положен труп головой на север. После того, как потух погребальный костёр, на месте сожжения зарезан баран. Голову и конечности животного уложили в котёл, который поместили затем на подстилке из шкуры барана на кострище. Рядом с котлом установили три урны. Между котлом и урнами, в шерсть барана бросили разломанную железную гривну. Кроме барана в жертву была принесена какая-то птица, возможно, курица и конь (?). Упряжь с него снята и положена в южной части кострища. На погребальной площадке были разбиты сосуды (их обломки найдены в разных частях кострища). После этого над погребальной площадкой возвели метровую насыпь. Её вершине придали форму большой горизонтальной площадки.

Центральная группа. Большой курган в западной части (табл. 37).

Сопоставление данных С.И. Сергеева и А.Н. Лявданского позволяет дать характеристику ещё одного большого кургана Центральной группы, обозначенного С.И. Сергеевым на одном из планов индексом «а») и расположенного в стороне известкового завода. Ко времени работ здесь С.И. Сергеева курган оказался кем-то раскопанным ямой в центре. Судя по схематическому плану, он находился в одной линии 3–В с курганом 16, а согласно описанию, превосходил по величине оба больших кургана 1900 г. Через четверть века песчаный карьер значительно расширился к северу, и А.Н. Лявданский застал раскопанную насыпь кургана 16 (Сергеев, 1900) стоящей уже на краю карьера. Тот же исследователь указывает, что чуть дальше к западу находится другой курган, сходный по форме с предыдущим. На площадке кургана — следы старых раскопок. Высота насыпи — более 4 метров, нижний диаметр —

¹ А.Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ, вып. EI-36, с. 25–26.

34 м, диаметр площадки на вершине — 25,6 м, т.е. по своим размерам и, в первую очередь, по высоте эта насыпь больше, чем курганы 7 и 16. Это вполне согласуется с наблюдением С.И. Сергеева. Других больших курганов в этой части Центральной группы не отмечал ни тот, ни другой исследователь. Старожил д. Гнёздово, помнивший раскопку этого кургана и другого большого, начатого В.И. Сизовым в 1885 г. (20), уверял С.И. Сергеева, что в одном из них был найден железный котёл с головой козла. Отметим, во-первых, что в раскопках до 1900 г., судя по полевой документации и публикациям, такой находки в Гнёздове ни разу не встречалось. Можно не сомневаться, что она не прошла бы мимо внимания раскопщиков. Во-вторых, в большом кургане В.И. Сизовым действительно был обнаружен скелет животного — барана. Но это был целый костяк, а не череп ("голова"). Кроме того, здесь отсутствует железный котёл — скелет барана лежал на блюде рядом с оружием и доспехами, что, кстати сказать, полностью выпало из сведений информатора. Эти данные позволяют заключить следующее: 1) курган "а)" был раскопан ямой или колодцем до начала работ С.И. Сергеева, т.е. до 1898 г.; 2) курган "а)" С.И. Сергеева и курган, отмеченный А.Н. Лявданским, есть один и тот же курган; 3) во время чьих-то раскопок в кургане был найден котёл с головой животного (козла или барана). Правдоподобность последнего вывода ещё более усиливается при сравнении этого кургана с курганами 7 и 16 (Сергеев, 1900), сходными с ним по конструкции насыпи.

Группа Сергеева, курган 18. С.И. Сергеев, 1901 г. (табл. 38).

Высота насыпи — около 5,5 м, диаметр — 25,5 м. Вершина кургана представляла площадку поперечником 8,5 м. Вокруг кургана — ров. Перемычка, возможно, находилась с западной стороны. Раскопка кургана была начата с западной части, а затем продолжена в восточном направлении. Для удобства сбрасывания земли склон насыпи был разделен на три уступа, представлявшие в плане горизонтальные площадки. Кострище обнаружено выше основания кургана приблизительно на 1 метр и представляло «слой сильно пережжённой земли ярко-красного и чёрного цвета, переходившего местами в серый цвет, образуя твёрдую корку, на которой находились косточки, черепки и вещи». Кострище имело вытянутые в направлении З — В очертания и размеры 23,5х12,8 м. В разных частях кострища найдено более 50 целых железных заклёпок — остатки сгоревшей здесь ладьи, установленной по линии З — В. Погребение в кургане парное — мужское и женское. Женский убор представлен овальными фибулами и бусами, мужской — оружием и доспехами. Судя по скоплению остатков сожжения и вещей, оба трупа были помещены в западной части ладьи и в этом случае, скорее всего, головой к концу ладьи, т.е. на запад. Мужчина здесь, как и в кургане 20, был облачён в кольчугу и шлем и снабжён оружием — мечом, скрамасаксом и копьём.

Церемония захоронения представляется в следующем порядке: выбор места, сооружение на нём подсыпки высотой около или чуть больше метра, установка лады в направлении З — В, помещение мужского трупа, облачённого в доспехи и сопровождаемого оружием, и женского, в парадной одежде, в западной части лады, головой на запад. Видимо, тогда же разбито поливное блюдо и несколько сосудов. Затем всё это было предано огню. После того, как догорел костер, те предметы, которым придавали особую значимость, были извлечены из пепла и тщательно сгруппированы там, где находились трупы. Пережжённые кости частично собраны в небольшой горшочек. Вплотную к нему уложена свёрнутая кольчуга. Рядом с кольчугой воткнуты глубоко в землю меч, скрамасакс и наконечник копья. Концы оружия, торчащие из земли, накрыты шлемом. Сюда же была сгружена часть кострища с заклёпками и другими вещами. Тогда же зарезаны жертвенные животные — баран и собака — и брошены на кострище. Над остатками сожжения возведена насыпь, а вершина выровнена.

Ольшанская группа, курган 24 (В.И. Сизов, 1896 г.; И.С. Абрамов, 1905 г.). — Оль-1 (Д.А. Авдусин, 1950 г.) (табл.39).

Реконструкция кургана возможна лишь путём сопоставления данных всех трёх раскопщиков кургана, а также А.Н. Лявданского. Высота кургана — 7-8 м, диаметр — 30-35 м. Форма насыпи — полусферическая. Курган окружён ровом шириной до 7 м и глубиной, по последним сведениям, 0,6 м. В западной части рва — перемычка шириной с С на Ю 4 или 6 м. От этого рва радиально расходятся ещё 7 неглубоких выемок, возможно, также ровиков. Кострище расположено выше «подошвы» в среднем на 1,2 м. На этом уровне Д.А. Авдусин зафиксировал зольное пятно, в центре которого находился угольный слой, идущий широкой полосой с СВВ на ЮЗЗ¹. Длина полосы — ок. 16 м, ширина — до 8 м. На кострище найдено в общей сложности не менее 200 железных заклёпок величиной от 2 до 6,5 см, т.е. всё то, что осталось от сгоревшей здесь лады. Мужской комплекс погребения представлен бляшками поясного набора и остатками кольчуги. Женский комплекс менее выразителен, что, быть может, объясняется гибелью многих вещей в сильном огне погребального костра. К нему можно отнести бусы, бубенчики и некоторые другие вещи. Размещение покойников в пределах лады установить не удалось. "Подошва" кургана покрыта лёгким зольным слоем, а глинистая почва под нею оказалась слегка обожжённой. Зольный слой покрывал площадку диаметром ок. 30 м.

Итак, после выбора места для кургана площадка — основание будущей насыпи — была очищена от растительности и выжжена. Затем здесь сооружена

¹ Д.А. Авдусин. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 50, рис. 4. Здесь дано строение кострища в кургане Оль-1. В соответствии с этим контур угольного слоя перенесён на наш схематический план.

подсыпка высотой чуть более 1 метра и на ней установлена ладья в направлении СВВ — ЮЗЗ. В ладью положен мужской труп, облачённый в кольчугу, и, быть может, женский. Затем разведён погребальный костёр. После того, как костёр потух, пережженные кости были собраны в три урны и те установлены на кострище. Рядом с урнами с северной стороны поставлен котёл, в который поместили также часть костей, остатки кольчуги, а сверху — рыбу. В то же время принесены в жертву животные — птица, её кости уложены рядом с котлом с западной стороны, и баран, голову которого поместили там же, где и птицу. Очевидно, шкурой барана был обёрнут котёл. В 35–40 см от котла к северу найден плоский камень. Вполне возможно, что он и служил местом для заклания жертв. Неясным остаётся назначение хвойных веток, найденных ещё В.И. Сизовым и отмеченных Д.А. Авдусиным. Нельзя исключать того, что они употреблялись для окончательного оформления погребальной площадки после догорания костра. Затем площадка, на которой происходило сожжение, была засыпана землёй и над ней воздвигнута громадная погребальная насыпь.

Ольшанская группа, курган 23, И.С. Абрамов, 1905 г. (табл. 40).

Непоследовательные и подчас сбивчивые дневниковые записи исследователя позволяют уяснить устройство насыпи и погребальный обряд кургана лишь в самых общих чертах. Высота кургана — ок. 3-х м, диаметр — ок. 30 м. Форма насыпи — полусферическая. Курган окружён рвом, прерванным с западной стороны перемычкой шириной, по измерениям И.С. Абрамова, чуть более 9 м, по данным А.Н. Лявданского — 2 м. Курган раскопан колодцем. В начале работ И.С. Абрамов принял за кострище, т.е. место сожжения трупа, тёмный слой в основании насыпи. Однако вскоре он убеждается, что настоящее кострище расположено выше основания на 1,8 м. Поскольку нижний слой оказался «пустым», И.С. Абрамов прекращает его исследование и сосредотачивает внимание только на верхнем слое, где и были открыты остатки сожжения. Это обстоятельство позволяет предположить, что нижний слой, как и в кургане Оль-1, являлся остатком первого костра, разведённого на «подошве» насыпи. На верхнем кострище отчётливых признаков сгоревшей здесь ладьи, как это имело место в других больших гнёздовских курганах, не обнаружено. Предположительные размеры кострища: длина В—З — ок. 11 м, ширина С—Ю — ок. 8 м. Мужской комплекс погребения представлен элементами роскошного поясного набора¹. Возможно, к женскому комплексу относятся бусы, найденные в количестве около полутора десятков. По компактному скоплению находок в западной части кострища можно догадаться, что труп (один или два) был помещён в этой половине деревянной конструкции костра. По мнению И.С. Абрамова, труп был уложен головой на запад. Итак, выбранная площадка для будущего кургана была

¹ А.Н. Кирпичников. Снаряжение всадника ..., с. 22.

очищена от растительности и выжжена. На ней сделана подсыпка, вершина которой предназначалась для погребальной площадки. Конструкция костра остаётся неизвестной. После сожжения кальцинированные кости собраны в две урны. С восточной стороны, рядом с ними установлен котёл с остатками сожжения и кусками сосудов. В жертву были принесены курица, баран, бык (?) и собака. Их останки помещены с восточной, северной и южной сторон котла. По-видимому, котёл был обёрнут шкурой барана. После этого над кострищем сооружена погребальная насыпь.

Реконструкция больших гнёздовских курганов будет неполной, если не обратить внимание ещё на три обстоятельства. Первое: насыпи этих курганов ниже уровня сожжения обычно оставались неразобранными (это, разумеется, относится только к дореволюционным раскопкам). Исключение составляет курган 23. Д.А. Авдусин, докапывая курган Оль-1, зафиксировал в основании зольный слой, оставшийся от выжигания здесь растительности. Наличие такого слоя Д.А. Авдусин рассматривал как типичную деталь гнёздовских курганов¹. Можно предполагать, что в основании недоисследованных больших и малых гнёздовских курганов был также этот слой. В больших курганах на нём сооружали подсыпку.

Второе: сопоставление объёмов насыпи, подсыпки и рва. Для их расчёта воспользуемся формулами, рекомендуемыми Д.А. Авдусиным, и Б.А. Рыбаковым²:

$$V = \left(\frac{1}{6} \pi h\right) (3a^2 + 3b^2 + h^2)$$

— для расчёта объёма насыпи с плоским верхом, где h — высота кургана, a — радиус нижнего основания, b — радиус верхнего основания;

$$V = \pi h^2 \left(R - \frac{h}{3}\right)$$

— для расчёта объёма насыпи полусферической формы, где h — высота кургана, R — радиус основания:

$$V = \pi^2 a z^2$$

— для расчёта объёма рва³, где a — расстояние от центра кургана до середины рва, z — глубина рва. Объём насыпи кургана 16 — 2607 м³, рва — 760 м³, подсыпки — ок. 500 м³. Объёмы рва и подсыпки близки между собой и намного отличны от объёма насыпи. Объём насыпи кургана к западу от предыдущего — 3028 м³, объём рва — 680 м³, т.е. примерно в 4,5 раза меньше объёма

¹ Д.А. Авдусин. 1) отчёт о раскопках Гнёздовских курганов. 1957, с. 173-174 и след. 2) Полевая археология СССР, с. 50-52, 158.

² Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов, с. 12; Б.А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, М.-Л., 1949. с. 25.

³ Современный размер рва лишь приблизительно соответствует первоначальному.

всей насыпи. Если предположить, что земля из рва шла, главным образом, на подсыпку, то, сделав соответствующие перерасчеты, получим цифру, близкую той, которая характеризует мощность подсыпки в других аналогичных курганах — 0,9-1 м. В нашем распоряжении нет данных о размерах всех рвов вокруг кургана 24 (Оль-1). Однако их объём вряд ли превышал 1000 м³ (цифра явно завышена). Объём насыпи кургана — 2552 м³, объём подсыпки — 700 м³. В остальных курганах размеры рвов не известны. Если для этих курганов попытаться рассчитать размер рва по величине подсыпки, то получаются такие цифры: для кургана 18 — при объёме насыпи 1590 м³, а подсыпки 292 м³, ширина рва — 6 м, глубина — 1,3 м, для кургана 23 — при объёме насыпи 338 м³, подсыпки — 141 м³, ширина рва составит 5,3 м, а его глубина — 0,9 м, т.е. соотношение размеров рва здесь получается близким кольцевому рву кургана 24 (Оль-1). Практический смысл всех расчетов и сопоставлений заключается в том, что появление рва и подсыпки было одновременным, попросту говоря, землю для подсыпки брали тут же вокруг площадки — основания будущего кургана. Это значит, что к моменту завершения работ по сооружению подсыпки она оказывалась отделённой от окружающего пространства широким рвом. Единственным всходом на погребальную площадку являлась перемычка, очевидно, специально оставляемая для этих целей. По этой перемычке-всходу проходили участники погребальной церемонии для совершения всех необходимых действий.

Третье: ориентировка ладьи на погребальной площадке соответствует направлению востока. Это особенно наглядно в курганах 16 и 24. В кургане 7 перемычка вовсе не отмечена. Но южная часть кургана уничтожена траншеей. Во всех больших курганах Центральной группы перемычка расположена либо в южной части (20 и курган к западу от № 16), либо в Ю-3 части (16). Поэтому вполне вероятно, что перемычка в кургане 7 находилась с южной стороны в соответствии с меридиональной ориентировкой кострища и, следовательно, ладьи, но впоследствии была разрушена. Рассуждая таким же образом, можно предположить, что ладья кургана 20 также была ориентирована по линии С — Ю. Расположение перемычки кургана 18 С.И. Сергеевым не указано. Все ближайшие к нему Большие Ольшанские курганы имеют перемычку-всход с западной стороны и соответствующую этому ориентировку кострища. То же расположение перемычки в кургане 18 — вполне допустимо. Таким образом, положение ладьи на погребальной площадке оставалось тем же, каким она была втащена на площадку по перемычке-всходу.

Итак, устройство типичного «большого гнёздовского кургана» можно представить следующим образом: 1) выбор места; 2) определение поперечника основания будущего кургана, в среднем — 30 м; 3) выжигание площадки; 4) сооружение подсыпки мощностью в среднем ок. 1 м. Земля для неё берётся вокруг, в результате чего погребальная площадка отделяется от окружа-

ющего пространства ровом, прерванным в одном месте перемычкой-всходом; 5) втаскивание ладьи и установка её в том же направлении; 6) размещение в ладье трупов — одного или двух, мужчина — в воинских доспехах, женщина — в парадном наряде; 7) акт сожжения; 8) участники погребальной церемонии вновь всходят на погребальную площадку. Остатки сожжения помещаются в урны, оружие и доспехи извлекаются из кострища и особым образом группируются. Жертвоприношения — обязательно барана или козла, а, кроме него, птицы (курицы), лошади, быка, собаки, реже коровы и свиньи. Туши животных и их части, также по-особому, располагаются вблизи остатков сожжения. Голова барана и козла укладывается в котёл. Битьё посуды; 9) сооружение насыпи над погребальной площадкой.

Вполне естественно, что такая реконструкция, построенная исключительно на данных археологических раскопок, является лишь жалким отражением той пышной и драматической церемонии погребения, которая проходила тысячу лет назад: достаточно вспомнить хорошо известное красочное описание Ибн-Фадлана. Всё же, как нам кажется, основные действия церемонии и их последовательность установить удаётся. Неизбежная при этом схематизация не только не препятствует правильным суждениям об обряде, но даёт широкие возможности для сопоставления с погребальным обрядом других курганов.

Оба типа гнёздовских курганов — малый и большой — отнюдь не исчерпывают всего многообразия трупосожжений могильника. Так, особую группу могут составить курганы с конскими захоронениями или некоторыми каменными конструкциями. Промежуточное положение между двумя ведущими типами занимают курганы с плоским верхом. От больших курганов их отличают размеры и отсутствие устойчивости погребального обряда, от малых — форма и значительная концентрация признаков, присущих большим курганам (табл. 41).

РАЗДЕЛ 3

Курганы с трупоположениями составляют 2% от учтённых нами комплексов. По подсчётам Д.А. Авдусина, пять курганов раскопано в старое время и 12 — в послевоенные годы¹. Однако в подсчётах и перечислении трупоположений, обнаруженных до 1949 г., Авдусин допускает ошибки и неточности. В число этих трупоположений Д. А. Авдусин включает: 1) курган, раскопанный учителем Смоленской гимназии, содержащий «обыкновенное погребение»²;

¹ Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII, Смоленск, 1970, с. 237, 240. Среди последних опубликовано лишь 3 кургана.

² В.И. Сизов. Ук. соч., с. 6.

2) Курган 73 (15) (Сергеев, 1900 г.); 3) Курган 81 (23) (Сергеев, 1900 г.); 4) курган 1 (Абрамов, 1905 г.); 5) курган 9 (Клетнова, 1914 г.). Если первые четыре кургана не вызывают сомнений (табл. 42), то сложнее обстоит дело с курганом 9. Курган находился против д. Гнёздово на левом берегу Днепра. Е.Н. Клетновой указали на этот курган местные жители, уверявшие её, что незадолго до этого в нём был найден меч, железная гривна, топор и человеческий костяк (взят только череп)¹. Насыпь кургана была попорчена грабительской ямой. В 1914 г. Е.Н. Клетнова раскопала его и обнаружила обычное для Гнёздова погребение по обряду сожжения, без каких-либо признаков других захоронений. В сообщении смоленской прессы о находке меча и черепа говорится следующее: «... в одном из левобережных курганов против Гнёздова им (крестьянином — В. Б.) был добыт норманский меч... и погребальная урна с крестовидным клеймом на дне. В п о с л е д с т в и и (разрядка наша — В.Б.) им из того же кургана доставлен череп...»². Таким образом, нет никаких гарантий ни в том, что курган содержал труположение, ни в том, что при нём находились меч и другие вещи. Тем не менее, находка труположений на левом берегу Днепра не будет неожиданностью. Это следует из других источников, о которых Д.А. Авдусин не упоминает. В 1929 г. в одном из местных курганов были найдены 3 серебряных браслета хорошей сохранности. А.Н. Лявданский, получивший эти находки, справедливо полагает, что они могли находиться в кургане с труположением³. Во время работ С.И. Сергеева 1899 г. в Центральной группе ему были доставлены вещи из двух «свежераскопанных» курганов. В одном из них найдены скандинавские фибулы, порченые огнём части гребня в др. предметы, в другом — медная лунница и 8 обгоревших бус⁴. Помощник С.И. Сергеева, мастер Павлов, утверждал, «что видел в одном из них остатки человеческого скелета (кости перемещены были)». При всей отрывочности этих сведений можно только предположить, что костяк находился во втором кургане, типы вещей которого более соответствуют обряду ингумации. О других находках черепов и целых скелетов вскользь упоминает В.И. Сизов⁵. Наконец, труположение в подкурганной яме, не вызывающее никаких сомнений, найдено Н.В. Андреевым и Н.П. Милоновым в 1940 г. (табл. 42-5)⁶.

Если пользоваться общепринятой классификацией курганов с труположениями, то среди гнёздовских можно выделить такие типы: 1) погребения в середине насыпи — курган 15 (Сергеев, 1900 г.), 2) погребения в основании

¹ Е. Клетнова. Раскопки Гнёздова левобережного. «Смоленская старина», вып. III, ч. 2, Смоленск, 1916, с. 39.

² ИАК, вып. 52, прибавление, с. 75-76.

³ А.Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы, т. III, с. 32-33.

⁴ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 38; Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899/106.

⁵ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 78.

⁶ Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 32.

насыпи — курганы №№ 23 (Сергеев, 1900 г.), 1 (Абрамов, 1905 г.); 3) погребения в подкурганной яме — курганы №№ 4 (Андреев, Милонов, 1940 г.), 95, 105, Ц-14 (Авдусин). Характерной деталью этих последних погребений будет выжигание площадки до того, как вырыта могильная яма. Ориентировка костяков различна: головой на восток — №№ 95, 1, 15, на запад — остальные. Инвентарь погребений чрезвычайно бедный и ограничен деталями костюма и украшениями. Исключение составляют курганы 105 и 95, в которых найдены топоры. При костяке в кургане 95 обнаружено копье и стрелы, здесь же — хорошей сохранности поясной набор. Высота насыпей курганов с расположением в среднем около или чуть больше метра.

РАЗДЕЛ 4

Обычно под термином «пустой курган» исследователи Гнёздовского могильника подразумевают насыпь, в которой не обнаружено остатков человеческого захоронения¹. Однако, довольно часто в таких насыпях находят отдельные вещи, фрагменты керамики, а иногда и целые сосуды. Устройство насыпей — их величина, форма, ровики, зольное пятно в основании и даже угольный слой — ничем не отличается от остальных курганов могильника.

Одни исследователи относили их в разряд меморативных, другие считали, что в верхней части этих курганов некогда содержались остатки сожжения, не сохранившиеся по тем или иным причинам к моменту раскопок². Ответить с полной определённой на этот вопрос вряд ли когда-нибудь удастся, имея в виду, разумеется, уже исследованные курганы. Этому во многом препятствуют причины как объективного характера — недостаточность наших знаний о погребальных обычаях древних, а в этом случае здравый смысл исследователя отнюдь не лучший советник, так и субъективного — несовершенство методики раскопок курганов и отсутствие возможности проверки старых данных. Поэтому было бы неоправданным подходить к пустым насыпям с позиции только одной из гипотез. Каждая из них имеет те или иные подтверждения, но, как приходится убеждаться, число таких гипотез далеко не ограничивается приведёнными.

По нашим подсчётам около 1/3 пустых насыпей имели явные признаки повреждений к моменту раскопок. Учитывая, что 16% курганов с кремацией содержали остатки сожжения в насыпи иногда на глубине 10–15 см, небольшие её повреждения могли привести к уничтожению этих остатков и

¹ В.А. Булкин. О так называемых пустых курганах Гнёздовского могильника // КСИА, вып. 135, М., 1975, с. 120–122.

² В.А. Булкин. Типы погребального обряда в курганах Гнёздовского могильника. В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 207–210.

археологам курган доставался «пустым». По наблюдению В.И. Сизова, урны в некоторых курганах можно было легко нащупать и вытащить из насыпи, и таким образом были испорчены многие курганы¹. Д.А. Авдусин отмечает, что иногда при разбивке кургана центральный колышек на вершине точно входил в урну². Объясняя таким образом часть пустых насыпей, мы не склонны, следуя за И.И. Ляпушкиным, реконструировать их только как курганы, некогда содержавшие остатки сожжения в середине или вершине насыпи: около 46% учтённых гнёздовских курганов имеют высоту до 1 м, т.е. мощность насыпи от её вершины до венчика сосуда (урны), стоящей на горизонте, измеряется сантиметрами. При реконструкции пустых насыпей этот факт нельзя не учитывать. Гипотеза, согласно которой такие насыпи могли сооружать в память местных жителей, погибших на чужбине, также имеет право на существование, хотя никаких прямых археологических доказательств не имеет и является порождением общих представлений о Гнёздовском могильнике как дружинном кладбище.

Наконец, есть третье объяснение пустым насыпям, которое до сих пор в литературе по Гнёздову не обсуждалось. Оно, как и предыдущие, не может быть всеобъемлющим и также основывается на косвенных доказательствах. Вместе с тем, возможно, оно окажется более реалистичным. В отличие от первого объяснения, наша гипотеза допускает, что некоторые так называемые пустые насыпи являются просто недокопанными курганами, которые содержали (может быть, содержат до сих пор) захоронения в подкурганной яме. Как отмечалось выше, труположение в яме — не редкость для Гнёздова. При этом подкурганная площадка покрыта лёгким зольным слоем. Дореволюционные раскопщики гнёздовских курганов ограничивались исследованием самой насыпи, а точнее, той её части, которая входила в пределы «колодца» или траншеи. Отсутствие остатков захоронения в этих узких пределах, даже если фиксировался зольный слой, было достаточным поводом к тому, чтобы курган зачислить в рубрику «пустых».

Обратимся к некоторым фактам. В 1871 г. при прокладке временного однокорейного пути где-то из д. Гнёздово была снесена полоса курганов. После кратковременного использования путь был разобран и место, ранее занятое курганами, осталось ровной площадкой. К 1899 г. балластный карьер подошёл вплотную к этому участку и в его обресе стали попадаться вещи. На место находки был вызван железнодорожный мастер Павлов, который затем информировал о находках С.И. Сергеева³. Все вещи находились на глубине 1 аршина (0,71 м) от современной поверхности земли. «Вещи лежали так: в умбоне находились бусы, остатки тканей, монета, чашечки и пр. мелочь,

¹ В.И. Сизов. Ук.соч., с. 30.

² Д.А. Авдусин. ровики ..., с. 13.

³ Архив ИИМК РАН, Д. 1, 1899, д. 106.

одна фибула была покрыта куском кожи, рядом лежали жел. вещи (стрелы, дротик и пр.), затем меч и стремена, но мне (Сергееву — В.Б.) кажется, что при спешке в работе, притом уже на откосе и тогда, когда уже без него (Павлова — В.Б.) похозяйничали рабочие, вещи, вероятно, хотя и были вместе, но не лежали так, как описано выше, за стременами далее лежал скелет лошади. Новую раскопку впоследствии на этом месте не представлялось возможности провести, т.к. это ровное место, задернованное, а что было курганом, то снесено». Опись этой находки состоит из 37 пунктов. Среди них — меч, копье, умбон, стрелы, овальные фибулы, ножницы, железная гривна, гребень, ведро, стремена и т.д. Итак: 1) расположение вещей ниже поверхности земли, предварительно выровненной под железнодорожный путь; 2) отсутствие в описании каких-либо намёков на «чёрную землю», горелый слой, уголь, т.е. на кострище; 3) полное отсутствие следов человеческого погребения по обряду сожжения — пережжённых костей; 4) хорошая сохранность вещей — большие куски тканей, кожи, наконечники стрел без следов пребывания на огне и с остатками древков¹.

Обобщая эти факты, мы вряд ли перешагнём границу между гипотезой и догадкой (а если и перешагнём, то ненамного), если допустим, что здесь было парное — мужское и женское — погребение по обряду трупоположения, сопровождаемое конём и находившееся в грунтовой (подкурганной) яме.

В 1896 г. в Центральной группе В.И. Сизов раскопал курган (№ 44), насыпь которого имела размеры: высота — 3,3 м, диаметр основания — 49 м, диаметр верхней площадки — 20 м². В кургане были заложены несколько траншей, доходивших до «подошвы». Остатков погребения в кургане не найдено. Случаен такой результат или нет, сказать трудно. Как можно убедиться, большим гнёздовским насыпям соответствуют и самые богатые погребения, обнаружить которые, даже при несовершенной методике раскопок, не являлось сложным. Определить этот курган, как некогда содержавший остатки сожжения, впоследствии уничтоженные, неправомерно. Предположение о меморативном назначении насыпи столь же может быть обосновано, как и то, что погребение в нём находилось ниже основания в подкурганной яме и осталось не выявленным. Курган 17 (Сергеев, 1900 г.) — высота 1,77 м, диаметр основания — 12,6 м, верхней площадки — 9,5 м. Ров прерван перемычкой с ЮВ части. Насыпь исследована практически полностью и оказалась пустой. В её основании, в СЗ секторе обнаружена какая-то глубокая яма, оставшаяся неразобранной. Курган 18 (Сергеев, 1900 г.) — того же типа, что и 17. Насыпь оказалась пустой. В дневнике С.И. Сергеева отмечено: «Заметив в основании кургана мешаную землю, я углубился на 2,5 арш. (1,8 м — В.Б.)

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 54.

² Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1896, д. 69. Величина насыпи дана в нескольких измерениях довольно точно.

ниже до твёрдого грунта. На самой середине кургана найдены жел. обручки от ведёрка и ручка с ушками, а также 4 гвоздя, согнутых одинаково. Кроме того, в маленьком кусочке бересты 1/3 ч. диргема»¹. В том же кургане найдены гирька и узкий нож с деревянной рукоятью. Остатков захоронения (признаков сожжения) не обнаружено.

Таким образом, ситуация находки богатого комплекса не является исключительной для Гнёздовского могильника: в основании некоторых других курганов с плоским верхом отмечены ямы, пустые или содержащие отдельные вещи. Раскопка ям не носила целенаправленного характера, и остатки захоронения оставались не выявленными.

РАЗДЕЛ 5

Общая хронология гнёздовского могильника определялась В.И. Сизовым в рамках IX — нач. XI вв.². Впоследствии А.А. Спицын уточняет нижнюю дату могильника, сведя её к концу IX в.³. Эта датировка была принята советскими археологами и лишь в самое последнее время стала предметом дискуссии⁴. После возобновления в 1949 г. систематических раскопок курганов, Д.А. Авдусин подтверждает установившуюся датировку. Однако со временем он пересмотрел нижний хронологический рубеж, омоловив могильник на полстолетия. Согласно новой точке зрения, курганов IX в. в Гнёздове нет вовсе, первая половина X в. представлена единицами курганов, а основная масса погребений совершена во второй пол. X и нач. XI в.⁵. Никаких серьёзных оснований для пересмотра нижней даты Д.А. Авдусин не приводит, а передатировка отдельных комплексов выглядит неубедительно⁶.

Иначе подходил к решению проблемы гнёздовской хронологии И.И. Ляпушкин. Анализируя гнёздовские пустые, бедные и безинвентарные погребения, он полагал, что эти курганы сходны с погребальными памятниками славян лесостепной и отчасти лесной зоны VIII—IX вв. и, следовательно, хронологически не должны от них отличаться⁷. Материалы раскопок одного

¹ Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1900, д. 17.

² В.И. Сизов. Ук. соч., с. 115.

³ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 18.

⁴ Подробности дискуссии изложены в статье — В.А. Булкин, В.А. Назаренко. О нижней дате гнёздовского могильника. КСИА, вып. 125, М., 1971, с. 13-16.

⁵ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии, с. 75.

⁶ В.А. Булкин, В.А. Назаренко. Ук. соч.

⁷ И.И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII-IX вв.). В сб.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 127-134.

из участков селища вблизи гнёздовских курганов дают основание, как считает И.И. Ляпушкин, отнести начальную дату поселения, а соответственно и могильника, к началу IX в.¹

Для построения общей хронологии могильника важное значение имеет относительная хронология курганов, в основе которой лежит эволюция серии признаков. Для гнёздовских курганов такими признаками могут быть типы мечей, фибул скандинавского образца, керамики, способы погребения и монеты. Типологическая эволюция мечей и фибул, разработанная скандинавскими археологами, может быть использована в данной работе, прежде всего, по части последовательности сменяющих друг друга типов². Их абсолютная хронология, возможно, будет уточняться, особенно для территорий, удалённых от «родины» типов. Идея «запаздывания» тех или иных типов на соседних территориях, и, в частности, в Восточной Европе, базируется пока не столько на археологическом материале, сколько на общеисторических умозрительных заключениях³. Относительная хронология кремации и ингумации, а также лепной и кружальной керамики сомнений не вызывает. Находки в погребениях монет позволяют проверить последовательность изменения типов (табл. 48). Учитывая, что монета даёт для погребения *terminus post quem*, хронологическая эволюция типов мечей, фибул и керамики находится в соответствии с датой поздней монеты в погребении.

Мечи

Из 19 находок в Гнёздове 16 приходится на курганы. Один меч найден в кладе, два — на Центральном городище⁴. Из них 13 поддаются определению в соответствии с типологией Я. Петерсена. Количественное соотношение типов таково: тип D — 1 экз., E — 2 экз., H — 3 экз., V — 4 экз., U — 1 экз., X — 2 экз. Датировка мечей по хронологической схеме Я. Петерсона: тип D — IX в., тип E — IX в., тип H — IX — п.п. X в., тип V — п.п. X в., тип U — X-XI вв., тип X — X-XI вв. Таким образом, гнёздовские мечи представляют цепочку типов, начиная с IX в. и кончая X-XI вв. (табл. 44).

Фибулы скандинавских типов

В сводке В.С. Дедюхиной учтено 69 таких фибул, из которых 62 найдены в курганах. При том, что ряд фибул по каким-то причинам не попал в сводку, а другие, порченые погребальным огнём, лишь в виде неопределимых спла-

¹ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, Л., 1968, с. 115, 116.

² J. Petersen. 1) *Vikingetidens Redskaper*. Oslo, 1951; 2) *Vikingetidens smykker i Norge*. Stavanger, 1955; 3) *De norske vikingesverd*. Videnskapselskapets Skrifter, II, Hist.-filos. Klasse, N 1, Kristiania, 1919; P. Paulsen. *Studien sur Wikinger-Kultur*. Neum nster, 1933.

³ В.С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., вып. 43, М., 1967, с. 206.

⁴ А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. EI — 36, Т. I, с. 74-84, 90.

вов остаются в погребениях, данное число следует признать минимальным для исследованных гнёздовских курганов¹.

1) Скорлупообразные фибулы овальной формы. Общее количество (по В.С. Дедюхиной) — 38 экземпляров. Количественное распределение в соответствии с классификацией Я. Петерсона: тип 51 — 7 фибул, тип 51в — 7², тип 51с — 5, тип 52 — 12, тип 55 — 7. Количество комплексов соответственно — 6, 4, 3, 8, 6, т.е. в сумме 27. Хронология фибул данного типа полностью укладывается в X и частично XI в.: тип 51 — X в., тип 51в — втор. четв. X в., тип 51с — втор. четв. — сер. X — кон. X в., тип 52 — втор. пол. X — н. XI в., тип 55 — кон. X — н. XI в. (втор. пол. X в.).

2) Круглые фибулы. Общее количество — 10 экземпляров (9 комплексов). 4 экземпляра — 128 типа, 3 — 117. Тип 3-х фибул неизвестен. Оба определённых типа датируются втор. пол. X в., а тип 117 — с «выходом» в XI в. 4 курганных комплексов содержат фибулы 128 типа, 2 — 117 типа.

3) Трёхлепестковые фибулы. Общее количество — 3 экземпляра в 3-х курганных комплексах. Фибулы типа — 97, 113, 90. Первые два типа датируются X в., последний — кон. X — нач. XI в.

4) Равноплечие фибулы. Общее число — 7 экземпляров в 6-ти курганных комплексах. Одна фибула найдена на Центральном городище. 1 экземпляр 58 типа, 2 — 60, 3 — 70-73, 1 — тип неизвестен. Тип 58 датируется со второй четверти IX в. до конца IX в., тип 60 — втор. пол. IX в., тип 70-73 — со второй четверти X до конца X — нач. XI вв.

5) Кольцевидные фибулы с длинной иглой. Общее число — 10 экземпляров в 10-ти комплексах. 6 экземпляров — 227 типа, 1 — 224, 3 — 237. Датировка: тип 227 — X в., тип 224 — втор. пол. X в., тип 237 — втор. пол. X — нач. XI в.

Итак, фибулы скандинавского типа, найденные в курганах, датируются в рамках IX — нач. XI в. (табл. 45). В тех случаях, когда в одном комплексе встречены фибулы разных типов, их датировки совпадают либо полностью, либо в пределах 25-30 лет.

Керамика гнёздовских курганов

Учёт гнёздовской керамики, прежде всего, происходящей из дореволуционных раскопок, и её анализ может дать интересные и самые неожиданные результаты. Впрочем, большая часть керамической коллекции не сохранилась³. Сейчас невозможно, да и в данной работе нет необходимости делать точный общий подсчёт керамики. Недавно общий подсчёт лепной и кружалной керамики произвёл А.В. Арциховский. К сожалению, в статье не

¹ В.С. Дедюхина. Ук.соч., с. 194-206.

² Из 3 фибул только 5 найдено в курганах (3 комплексы), 2 — в кладе 1868 г.

³ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска ..., с. 75.

сказано, какая фактологическая база положена в основу расчётов и, главное, какова их методика¹. Для нас важно, что: 1) керамика, изготовленная вручную, предшествует кружальной. Если в такой форме это положение не вызывает возражений, то сомнения могут появиться при ином формулировании, а именно, комплексы с лепной керамикой предшествуют комплексам с кружальной. Суть сомнений сводится к тому, что переход от лепной к кружальной керамике для Гнёздова может быть уже пройденным этапом, и наличие лепной керамики в курганах следует рассматривать как явление пережиточное или, иными словами, сопутствующее какое-то время новой технологии. Такое сомнение хотя вполне оправданно и нуждается в проверке, всё же ещё не отрицает правильности исходной постановки вопроса о возможности данного перехода в самом Гнёздове; 2) среди кружальной посуды самыми поздними являются сосуды с клеймом на днище. Развёрнутая аргументация этого положения приведена в исследовании Б.А. Рыбакова. Автор заключает: «Гончарные клейма появляются не тотчас по изготовлении гончарного круга, а лишь после того, как круг прочно вошёл в быт гончаров»².

В определении относительной хронологии комплексов с лепной и кружальной керамикой следует иметь в виду, что, с одной стороны, лепная керамика может какое-то время сосуществовать с кружальной (наличие в кургане той и другой керамики фиксирует этот период, но такая ситуация ещё не исчерпывает его), а, с другой стороны, не вся поздняя кружальная керамика имеет клейма. Всё же, в качестве рабочей гипотезы хронологического соотношения комплексов с лепной и кружальной керамикой мы вправе выдвинуть следующую: комплексы с лепной керамикой в массе своей предшествуют комплексам с кружальной; среди последних самыми поздними являются, прежде всего, те, которые содержат кружальную керамику с клеймами. Исходной базой наших расчётов послужили данные примерно 100 комплексов, керамика которых имеет необходимые определения. За единицу подсчёта взят отдельный сосуд, находимый либо в целом виде, либо в виде компактного скопления черепков. Распределение комплексов таково: 15% — с «чистой» лепной керамикой, 12% — со смешанной керамикой, 73% — с «чистой» кружальной керамикой.

На 12% комплексов со смешанной керамикой приходится только один-единственный случай совместной находки лепного сосуда и кружального сосуда с клеймом.

Появление гончарного круга в области Смоленского Поднепровья обычно определяют рубежом IX и X вв.³

¹ А.В. Арциховский. Археологические данные по варяжскому вопросу. В сб.: Культура Древней Руси. М., 1968, С. 39. Совершенно иное соотношение лепной и гончарной керамики находим у Д.А. Авдусина (Д.А. Авдусин. Раскопки в Гнёздове, с. 81).

² Б.А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 177.

³ В.В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII—XV вв. МИА, № 92. М., 1960. С. 15.

Монеты

В нашем распоряжении имеются 11 комплексов с определёнными монетами (табл. 46).

- 1) Курган 35 (Авдусин). Диргем — подвеска. 786 — 809 гг.
- 2) Курган 47 (Авдусин). Византийская монета с ушком. 829 — 842 гг.
- 3) Курган 38 (Авдусин). Один из двух диргемов оказался стёршимся и его дата определяется не точнее, чем IX в. Другой диргем — 842 — 843 гг.
- 4) Курган 23 (Авдусин). Диргем 904 — 905 гг.
- 5) Курган 20 (Сизов, 1885 г.). Четверть диргема. В монографии Сизова — его дата 903 г. В «Указателе памятников» РИМа — 905 — 906 гг. Эту же дату даёт А. Марков в своей сводке¹.
- 6) Курган 13 (Авдусин). Несколько диргемов. Один из них — с ушком. Из определимых, один — 848 — 849 гг., другой — пол. VIII — нач. IX в., третий — 907 — 908 гг.
- 7) Курган 97 (Сергеев. Разрушенный курган. Нумерация Спицына). Диргем — подвеска, 913 г. Спицын приводит ещё одну монету, якобы, из того же кургана. Судя по архивным данным, монета, возможно, найдена в другом месте.
- 8) Курган 21 (Сизов, 1885 г.). Целый диргем. 913 — 914 гг.
- 9) Курган 61 (Авдусин). Половинка диргема. 932 — 940 гг.
- 10) Курган 41 (Сергеев. 1899). Диргем — подвеска X в.
- 11) Курган Ц-17 (Авдусин). Половинка диргема X в.

Способ погребения

Курганы с трупосожжением предшествуют курганам с трупоположением. Массовый переход от одного обряда к другому в области Смоленского Поднепровья датируется временем не ранее конца X в.

После хронологической группировки типов получим следующий их набор²:

- 1) мечи IX — п.п. X в.; 2) мечи X — нач. XI в.; 3) фибулы IX в.; 4) фибулы X в.; 5) фибулы вт. пол. X — нач. XI в.; 6) монеты IX — нач. X в.; 7) монеты X в., начиная с 20-х гг. ; 8) керамика лепная; 9) керамика гончарная, 10) керамика гончарная с клеймами.

В итоге их корреляции получены три довольно компактных «блока» (табл. 47). Первый «блок» — мечи IX — п.п. X в., фибулы IX в., монеты IX — нач. X в., преимущественно лепная керамика. Второй «блок» — монеты X в., начиная с 20-х гг., мечи X — нач. XI в., фибулы X в., фибулы вт. пол. X — нач. XI в., преимущественно гончарная керамика. Третий «блок» — гончарная керамика с

¹ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 10; Указатель памятников РИМ, с. 96; А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, с. 43-44.

² Способ погребения, как один из признаков, учитывать пока нецелесообразно.

клеймами, монеты X в. (единственная учтённая здесь монета и самая поздняя из учтённых — 940 г.), меч (тип неизвестен). На 30 учтённых нами комплексов с клеймлённой керамикой приходится единственный и уникальный случай находки скандинавской фибулы — курган 17 (Сергеев, 1901 г.). Фибула — равноплечная, типа 58, датируется IX в. Хронологическая несовместимость данной фибулы и сосуда подтверждается типами вещей, найденных в том же комплексе¹. Объяснения такому необычному случаю могут быть различными², но, как исключение, при том, что другие относительно поздние фибулы ни разу не встречены вместе с клеймлённой керамикой, оно лишь подтверждает общую закономерность.

Если первый «блок» характеризуется набором признаков явно более ранних, чем второй, то хронологическое соотношение между вторым и третьим «блоками» может показаться не столь отчётливым. Более поздний характер третьего «блока» выявляется при его сопоставлении с признаками курганов по обряду трупоположения. Во-первых, общим для тех и других будет полное отсутствие фибул скандинавского типа и таких вещей, как железные гривны. Во-вторых, сходным для тех и других является погребальный инвентарь — предметы мужского костюма (подковообразные фибулы, поясные наборы, вещи у пояса: кресала, гребни, ножи, оселки и т.д.) и женского (ожерелья из бус и круглых подвесок, бубенчики, перстни, перстнеобразные височные кольца и т.д.). В-третьих, сходными будут некоторые черты погребального обряда. Так, в кургане 61 (Авдусин), содержащем сожжение, сопровождаемое клеймённой урной, остатки сожжения помещены в прямоугольную яму размером 2,4х1 м и глубиной чуть более 1 м, ориентированную по линии З—В. Такое устройство вполне соответствует курганам по обряду трупоположения в яме и хронологически с ними «стыкуется». Очень близкими, почти неразличимыми, являются размеры и форма насыпи тех и других курганов. Таким образом, третий «блок» может занимать промежуточное положение между вторым блоком и комплексом гнёздовских трупоположений.

Переходя к абсолютной хронологии, надо ещё раз подчеркнуть, что фактическая база для такого построения остаётся весьма небольшой, а, следовательно, установка жёстких рамок недопустима. Признаки первого «блока» охватывают время от начала IX до сер. X в. Сопоставление их внутри отдельных комплексов позволяет уточнить и сузить датировку «блока» в пределах от сер. IX в. до первых десятилетий X в. «Блок» состоит из 6-ти комплексов: №№ 15 (Кусцинский), 13, 35, 38, 47, Ц-2 нижнее погребение (Авдусин). Сюда входят оба исследованных четырёхугольных кургана — 38 и 47, что

¹ А.А. Спицын. Гнёздовские курганы ..., с. 49-50.

² Х. Арбман, будучи гостем ЛГУ в 1967 г., на заседании кафедры археологии высказал предположение, что данная фибула, найденная в погребении кургана 17, являлась реликвией и перешла женщине по наследству от её бабки или прабабки.

вполне соответствует времени бытования такого типа насыпи в двух могильниках Смоленщины¹. Признаки второго блока охватывают весь X в. и выходят в XI в. Но, как уже отмечалось, поздние комплексы третьего «блока» прочно увязываются с трупоположениями и предшествуют им. Гнёздовские трупоположения датируются обычно рубежом X и XI вв. и п.п. XI в.² Отсюда, комплексы третьего «блока» можно отнести к последним десятилетиям X в. Следовательно, это время есть верхний хронологический рубеж второго «блока» (*terminus ante quem*).

Итак, первый «блок» датируется вт. пол. IX — первыми десятилетиями X в., второй «блок» — X в. до последних его десятилетий, третий «блок» — последними десятилетиями X в., комплекс гнёздовских трупоположений (четвёртый «блок») — рубежом X—XI вв. и п.п. XI в. Количественное распределение курганов по всем четырём блокам неравномерно. Из 100 датированных комплексов на первых приходится 6%, на второй — 57%, на третий — 30%, на четвёртый — 7%. Это далеко не означает, что удалось окончательно выяснить начальную и конечную даты могильника. Данная хронология в силу выборочности признаков, естественно, не может претендовать на полное решение этой проблемы. Всё же можно утверждать, что именно в это время активно формируется то обширное кладбище, которое сейчас хорошо известно археологам. При всём том, что данная хронология имеет рабочий характер, ею вполне можно воспользоваться для анализа развития погребального обряда гнёздовских курганов.

РАЗДЕЛ 6

Основной тип гнёздовского кургана (80–85%) претерпевает в эпоху сожжения лишь незначительные изменения. Его этапы фиксируются почти исключительно по наличию того или иного рода керамики — лепная, кружальная, кружальная с клеймами. Взаимосвязь между ними и курганами по обряду трупоположения позволяет построить их в единый ряд, оканчивающийся в п.п. XI в. Его начало — менее определённо. По мнению И.И. Ляпушкина, круглые курганы с сожжением и лепной керамикой, как часть вообще ранних гнёздовских курганов, датируются IX в. и даже его началом. С этим, однако, трудно полностью согласиться. Таких курганов насчитывается среди раскопанных не более десятка. Их немногочисленный инвентарь не даёт

¹ Е.А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории Смоленской области. МИСО, вып. V, Смоленск, 1963, с. 127.

² А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 8; А.Н. Лявданский. Ук. соч., С. 167–168; Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках в Гнёздове в 1957–1960 гг., с. 239–240.

твёрдой даты даже в пределах одного столетия, тем более IX в. Такой даты пока не даёт и лепная керамика, которая может существовать как в IX в., так и в X в. Курганы не образуют в пределах могильника отдельных скоплений, а разбросаны в разных частях, преимущественно, Центральной и Лесной групп. Всё это не позволяет датировать время появления таких курганов в Гнёздове более определённо, чем IX–X вв. (табл. 48).

Обратимся к датировкам больших курганов Гнёздова. Курган 20 (Сизов, 1885 г.) — тип меча и копья, найденных в кургане, точно установить невозможно¹; единственный датирующий погребение признак — монета 905 — 906 г., показывает, что захоронение произведено не ранее н. X в.² Курган 16 (Сергеев, 1900 г.) — по четырём овальным, двум трёхлепестковым и одной круглой фибуле датируется в рамках втор. п. X в. Курган 7 (Сергеев, 1900 г.) — овальная фибула и шиферные пряслица (?) датируют захоронение также в рамках втор. пол. X в. Третий большой курган с плоским верхом может быть датирован тем же временем только на основании общего сходства с двумя предыдущими. Курган 18 (Сергеев, 1901 г.) — меч и овальные фибулы датируют погребение также в рамках втор. п. X в. Курган 24 — Оль-1 (Сизов, Абрамов, Авдусин) — единственный датирующий признак — гончарная керамика с клеймом. В соответствии с нашей относительной хронологией погребение в кургане может быть отнесено к более позднему времени, чем другие большие курганы, т.е. к последним десятилетиям X в. По тем же причинам к тому же времени следует отнести погребение в кургане 23 (Абрамов).

Опираясь на эти хронологические различия, а также на степень сходства погребального обряда, большие гнёздовские курганы можно представить в виде типологического ряда (табл. 48). Первый этап: курганы в виде шарового пояса с плоским верхом (7, 16 и третий к западу от обоих), сожжение в ладье, ориентировка С–Ю или близкая ей, набор женских скандинавских украшений, железные гривны с «молоточками» Тора. Второй этап: курганы конической формы с плоским или уплощённым верхом (20, 18), сожжение в ладье, ориентировка З–В (18), набор женских скандинавских украшений. Третий этап: курганы полусферической формы (24 — Оль-1, 23), сожжение в ладье (24 — Оль-1) или без неё (23), ориентировка З–В. Итак: 1) форма насыпи изменяется от шарового пояса с плоским верхом к усеченно-конической и, затем, к полусферической; 2) обряд сожжения в ладье, столь типичный для больших курганов, на последнем этапе исчезает; 3) ориентировка ладьи на первом этапе меридиональная, на последующих — З–В; 4) для первого этапа характерны совместные находки скандинавских фибул и железных гри-

¹ А.Н. Кирпичников. 1) Древнерусское оружие, т. 1, с. 76, 80; 2) Древнерусское оружие. САИ Е-136, т. II. М.-Л., 1966, с. 96.

² Возможно, при доследовании кургана будут найдены вещи, позволяющие сузить эту датировку.

вен, на втором этапе исчезают гривны, на третьем — фибулы. Таким образом, основной тенденцией изменения погребального обряда больших курганов будет размывание того единообразного и специфического обряда, который наблюдается в курганах 7 и 16, и постепенное исчезновение типичных для него признаков конца X в.

Правильность ряда подтверждается тем, что признаки его первого этапа тесно связаны с признаками ранних гнёздовских погребений, составляющих первый хронологический блок, и восходят к ним: 1) из 6 ранних гнёздовских курганов 5 имеют насыпи с плоским верхом (из них 3 — круглые в плане); 2) сожжение в ладье — достоверно в курганах 13 и 47; 3) ориентировка ладьи — СВ—ЮЗ (47), вероятная ориентировка трупа на костре в кургане 35 — С—Ю; 4) жертвоприношение птиц (13, 47); 5) наличие железных гривен (15, 13, 47) и скандинавских фибул (35, Ц-2, 13?); 6) наличие оружия — в курганах 13 и 35 мечи сломаны и воткнуты в землю, в кургане 15 — меч воткнут в землю несломанным.

Вместе с тем, в больших курганах имеется ряд черт, не свойственных ранним захоронениям. Если не считать размер насыпи, то к ним относятся: подсыпка, разнообразие жертвенных животных, особое расположение оружия.

Сходное изменение признаков погребального обряда наблюдается среди курганов с плоским верхом. Характеристика этих комплексов, входящих в первый «блок», дана выше. На следующем этапе (второй «блок») в них исчезает ладья, но другие признаки сохраняются. В последующее время (третий «блок») единственным специфическим признаком остаётся плоская вершина, размер насыпи несколько сокращается, уменьшается их относительное количество. В конце X — нач. XI в. тип насыпи исчезает вовсе (табл. 49).

Итак, общая схема развития погребального обряда гнёздовских курганов представляется так: на первом этапе — втор. пол. IX — первые десятилетия X в. — обряд погребения немногочисленных курганов довольно пёстрый и неустойчивый. Разнообразны формы насыпей (полусферическая, четырёхугольная, в виде шарового пояса), способы сожжения (в ладье и без неё), способы расположения остатков сожжения и оформления погребальной площадки (урновое, безурновое, в ямке, каменные конструкции и т.д.). На втором этапе — X в. до его последних десятилетий — исчезает четырёхугольная форма насыпи и сожжение в ладье в курганах с плоским верхом. В сер. X в. появляется тип «большого гнёздовского кургана» с устойчивым набором признаков погребального обряда, включающим сожжение в ладье. Преобладавшим на этом этапе становится тип «малого гнёздовского кургана». На третьем этапе — последние десятилетия X в. — при наличии больших и ма-

лых курганов различия внутри больших, а также внутри малых и, в какой-то мере, между теми и другими стираются. Подавляющее большинство погребений представлено типом «малого кургана». На четвёртом этапе — рубеж X—XI вв. и п.п. XI в. — большие курганы исчезают. Единственный тип погребения — трупоположение под небольшой круглой полусферической насыпью. Наконец, в сер. и втор. п. XI в. курганная насыпь, как таковая, заменяется надмогильным холмиком (табл. 48).

РАЗДЕЛ 7

Самые поздние гнёздовские курганы с трупоположением известны только в могильнике Центрального комплекса (Центральная и Лесная группы) и, возможно, на левом берегу Днепра (табл. 50). Уже В.И. Сизов обратил внимание на их окраинное расположение в пределах могильника¹. Обобщая данные старых и новых раскопок курганов с трупоположением, Д.А. Авдусин совершенно справедливо заключает, что «все они располагались на периферии гнёздовского курганного комплекса»². К этому следует добавить, что поздние курганы не образуют отдельных групп, а разбросаны в разных частях комплекса.

Курганы последней четверти X в. расположены шире — в могильниках Центрального и Ольшанского комплексов (табл. 51). Их топография в том и другом случае различается. Определить место этих курганов в могильнике Центрального комплекса удаётся далеко не во всех случаях: курган 58 (Авдусин) находился вблизи шоссе у д. Глушёнки, т.е. на северной окраине Лесной группы; курганы 20 и 21 (Сизов, 1896 г.) — в той же группе, но к югу от железнодорожного полотна, ближе к днепровскому берегу, т.е. также на окраине; курганы 4, 5, 31, 43 (Сергеев, 1899 г.) Центральной группы находились рядом с железнодорожным полотном, т.е. в южной части группы; курган Ц-1 (Авдусин) в СВ части Центральной группы у деревенских огородов; курганы 56, 57, 69 (Сизов, 1896 г.) — в северной части группы «у шоссе-станции». Таким образом, налицо определённое «тяготение» поздних курганов к окраинам могильника. Главное отличие синхронных курганов Ольшанской группы заключается в том, что здесь имеются одновременные большие и малые курганы с особым взаимным расположением. Нетрудно заметить, что северное и южное скопление курганов Ольшанской группы состоит из одинаковых элементов — большого кургана и примыкающей к нему цепи малых насыпей (табл. 5). В «чистом» виде такая структура выступает в южной части: большой курган и цепь малых с восточной стороны большого.

¹ В.И. Сизов. Ук. соч., с. 78.

² Д.А. Авдусин. Отчёт о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг., с. 237-239.

Собственно, то же самое наблюдается в северной части: 2 цепи малых курганов примыкают с восточной стороны к двум большим курганам, т.е. в целом эту часть можно рассматривать как удвоенную южную.

Курганы предшествующего этапа известны в разных частях могильника, но особый интерес представляет их расположение в Центральной группе, точнее, в её средней части, где имеются большие курганы. К сожалению, карьер почти начисто уничтожил малые курганы к югу от больших. Об их расположении можно судить, главным образом, по схематическим планам С.И. Сергеева и некоторым сведениям В.И. Сизова, А.Н. Лявданского и Д.А. Авдусина. Согласно этим данным, в пределах полосы больших курганов и в непосредственной близости от неё сосредоточено довольно большое число курганов с плоским верхом, а также относительно высоких насыпей полусферической (конической) формы. Семь из них раскопаны: №№ 21 (Сизов, 1885), 17, 18, 21 (Сергеев, 1900), 1, 3, 4 (Авдусин). А.Н. Лявданский отмечает, что в ЮЗ части Центральной группы курганы с плоским верхом вовсе отсутствуют, а в СВ — встречаются крайне редко. Таким образом, курганы средней части являются доминирующими в Центральной группе (и, пожалуй, вообще в могильнике Центрального комплекса) как по своему расположению и составу, так и по специфической группировке больших курганов. Всё это позволяет рассматривать среднюю часть как «ядро» Центрального могильника, его особое кладбище (табл. 52).

Группа Сергеева топографически и типологически занимает промежуточное положение между Центральной группой и Ольшанской. Если восстановить большой курган в западной части группы (план 1901 г., схемы и описания Сергеева), то взаимное расположение больших и малых курганов будет тем же, что и в Ольшанской: большой курган с примыкающими к нему с восточной стороны малыми насыпями. Вместе с тем, соседство малых курганов с плоским верхом — 17, 27, 28 (Сергеев, 1901 г.), с большим — 18 (Сергеев, 1901 г.) сближает группу Сергеева с характерным расположением курганов средней части Центральной группы.

Курганы раннего этапа известны по обоим берегам р. Свинки, но, преимущественно, в Лесной группе (4 из 6) (табл. 53). Их относительное расположение определить трудно до тех пор, пока не будет опубликован последний план Гнёздова. На правом берегу известно только место кургана Ц-2 (Авдусин) — на самой высокой точке всхолмления, в центре восточного края могильника. Не исключено, что в тех же местах находился курган 15 (Кусчинский, 1874 г.). На левом берегу р. Свинки все ранние курганы сосредоточены в ЮЗ части Лесной группы, к северу от железнодорожного полотна.

Как можно убедиться, каждому периоду существования гнёздовского курганного поля соответствует «ядро» могильника, образующее особый тип кладбища. В первый период большая часть курганов расположена на левом

берегу р. Свинки. На втором этапе «ядро» кладбища перемещается в правобережную часть р. Свинки на высокое всхолмление, идущее от берега Днепра. «Ядро» состоит из цепи больших курганов и малых, близких им по форме. В нескольких километрах к западу, на берегу старицы Днепра возникает новое кладбище, состоящее из одного большого и группы малых рядом с ним. На третьем этапе исчезают большие курганы в Центральном могильнике, малые — тяготеют к периферии могильника и разбросаны в разных его частях. В этот период «ядро» могильника окончательно перемещается к р. Ольше, где к каждому большому кургану с восточной стороны примыкают малые насыпи. На четвёртом, последнем, этапе Ольшанское кладбище прекращает своё существование и только на окраинах могильника Центрального комплекса продолжают насыпать курганы. Более поздние кладбища в Гнёздове неизвестны.

РАЗДЕЛ 8

Одной из самых острых проблем в истории изучения Гнёздова является проблема его этнического состава. Нет никакой возможности перечислить все точки зрения и все публикации на эту тему. Довольно полно историография проблемы изложена в монографии И.П. Шаскольского и статье Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко, на которые мы и сошлемся¹, точно так же мы, к сожалению, вынуждены не останавливаться на критическом разборе существующих на этот счет концепций как советских, так и зарубежных исследователей. Такой анализ отчасти содержится в названных выше работах. Отметим только, что длительное изучение материалов могильника, с тех пор как они вошли в научный оборот и до последних лет, лишь в незначительной мере оказало влияние на позитивное решение проблемы в целом. Об этом свидетельствует дискуссия 50-х годов между Д.А. Авдусиным и шведскими археологами, итоги которой подведены И.П. Шаскольским, а также в последние годы — отклики на статью Д.А. Авдусина, опубликованную в Норвегии².

И всё же в самое последнее время наметился некоторый сдвиг, обусловленный, с одной стороны, новыми исследованиями в самом Гнёздове и памятников Смоленского Поднепровья, а с другой — разработкой методики эт-

¹ И.П. Шаскольский. *Норманнская теория в современной буржуазной науке*. М.-Л., 1965, с. 107-125; Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. *Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России*. Л., 1970, с. 226-252.

² D. Avdusin. *Smolensk and the Varangians according to the Archaeological Data*. NAR, vol. 2, 1969, p. 52-62.

Отклики на статью опубликованы в последующих номерах журнала.

ноопределений археологического материала. Большой интерес представляет статья Е.А. Шмидта «Об этническом составе населения Гнёздова»¹. Актуальность работы заключается не столько в выделении тех или других этнических групп в Гнёздове, сколько в постановке главного вопроса, ответ на который может и должен дать гнёздовский материал — вопрос о формировании гнёздовской группы кривичей. В этом отношении могильник имеет важное значение, как один из немногих в области Смоленского Поднепровья, где сочетается сожжение и трупоположение, и где отчетливо можно проследить переход от одного обряда к другому. Главным фактором этногенеза, как считает Е.А. Шмидт, являлась этническая ассимиляция большой группой славян, продвинувшихся на север, местного балтийского населения. Именно этот процесс, начавшийся накануне X в. и протекавший в какой-то мере в период расцвета Гнёздова, должен стать основным объектом изучения этнической истории Верхнего Поднепровья в последних веках I тыс. н.э. Таким образом, Е.А. Шмидт совершенно справедливо оценивает основное содержание этнического процесса в Гнёздове, прежде всего, с точки зрения его конечного результата, как процесса формирования местного древнерусского населения. Присутствие выходцев из Скандинавии и других районов Европы придает этнической истории не более чем специфический оттенок, исчезнувший к моменту появления древнерусской курганный культуры XI в. и вряд ли затронувший серьезным образом существо процесса.

Обычно, обращаясь к характеристике этнического облика могильника, исследователи приводят систему цифровых выкладок (процентных соотношений), якобы отражающих состав древнего населения. Такой принцип не может не вызвать возражений, так как предполагает некое статическое состояние групп, разграниченных между собой рамками жестких племенных (этнических) признаков, будь то височные кольца или овальные фибулы, и полностью отвергает динамизм самого процесса. В какой-то мере этот принцип приложим к анализу первых поколений поселенцев в данном месте — выходцев из самых разных этнических или племенных районов. Но ответить на вопрос, каким закономерностям подчинено формирование этнических черт последующих поколений каждой данной этнической группы в условиях совместной жизни, сейчас просто невозможно. Уже второе поколение поселенцев в данном месте по своим некоторым чертам может отличаться от своих сородичей на их родине, не говоря уже о том, что смешанные браки могут дать поколение, в высшей степени, своеобразное по своему облику. К решению этого вопроса исследователи подошли вплотную в результате выделения так называемых вещей-гибридов². Собственно, такая «гибридиза-

¹ Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. СА, 1970, № 3, с. 102-108.

² Н. Arbmán. Skandinavisk Handverk i Russland der Wikingerzeit — Meddelanden från Lunds Universitets historiska museum (1959), Lund, 1960. р. 133-134; Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Указ. соч., 238, 239, табл. IV.

ция» есть не что иное как частное отражение процесса этнической консолидации. Закономерности формирования погребального обряда иные, нежели ремесленного производства. Но также как трудно подчас выяснить, кем изготовлена вещь, подходящая под рубрику «гибрида», трудно определить, кто похоронен в кургане, содержащем признаки разных культурных традиций. В этой связи общепринятое утверждение, что правильная этническая атрибуция погребения возможна лишь с учетом характера погребального обряда и инвентаря, становится «руководством к действию» только тогда, когда предварительно проанализировано этническое и социальное содержание тех и других признаков на каждом данном этапе существования могильника. Без этого определения всякая сформулированная категорически этническая диагностика может оказаться спорной или просто ошибочной.

Общее решение проблемы стоит в прямой зависимости от выяснения следующих вопросов: 1) определение «горизонтальной» этнической стратиграфии Гнёздова, то есть всей совокупности этнических группировок; 2) выявление процесса развития и этнокультурного взаимодействия этих группировок в период существования Гнёздова.

Если решение первого вопроса не вызывает больших затруднений, со времени В.И. Сизова общепризнана этническая неоднородность гнёздовского населения, и все сводится к ее степени, то второй вопрос по существу не затронут вовсе. Принимая решение первого вопроса в качестве послышки, следует признать, что характер этнического процесса в Гнёздове должен быть иным, нежели в других местах, заселенных однородным по составу населением, а, следовательно, и конкретные методы их изучения должны быть различными. Главная трудность, возникающая при этом, заключается в том, что собственно этнический процесс приходится проследивать по археологическим данным. Именно это, по определению П.Н. Третьякова, является «камнем преткновения» для самих археологов¹. Отметим, что и у этнографов решение вопроса вызывает немало дискуссий². Мы не вправе ставить задачу такого рода в настоящей работе — это вполне самостоятельная тема исследования, к тому же выходящая за рамки компетенции археологии, — и исходя из того, что в период расцвета Гнёздова наличие здесь тех или иных этнических группировок находит свое выражение в погребальном обряде как тенденции. Соотношение этих тенденций в разные периоды может оказаться различным, а их историческая оценка возможна с позиции общего итога этнического процесса в Гнёздове.

¹ П.Н. Третьяков. Археологические культуры и этнические общности. Теоретические основы советской археологии (тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР I-IV 1970 г.). Л., 1969, с. 28-33; Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 16-32.

² Ю.В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 158-176.

1. Славянский комплекс Гнёздовского могильника

Общая характеристика славянских древностей могильника дана И.И. Ляпушкиным и может быть принята лишь с небольшими поправками. В целом она вполне соответствует типу «малого гнёздовского кургана», как он определен выше. Эволюция типа отражает развитие погребального обряда у славян в Гнёздове.

Если дальнейшая судьба славянского населения в Гнёздове не вызывает сомнений — она является неотъемлемой частью истории древнерусского населения Смоленского Поднепровья — то его первое появление в Гнёздове далеко не ясно. Даже массовый материал могильников Верхнего Поднепровья не позволяет датировать время появления достоверно славянских курганов точнее, нежели IX—X вв. Можно ли сказать что-то большее, опираясь на единственный, пусть даже самый большой могильник?

В поисках ответа на этот вопрос И.И. Ляпушкин обратился к анализу безинвентарных и бедных погребений, а также пустых насыпей¹. Автор приходит к выводу, что около 40% гнёздовских курганов относится ко времени «широкого распространения керамики роменского и близких ей типов», то есть IX в. Выше мы пытались показать, что курганы с сожжением этого типа нельзя датировать более твердо, чем IX—X вв. Правомерность использования пустых насыпей для этнической диагностики и, тем более, для датирования, также вызывает возражение. Как мы убедились, реконструкция пустых насыпей не может быть однозначной. Но даже признавая, что некоторая часть их, действительно, могла содержать остатки сожжения, уничтоженные впоследствии, у нас нет никаких оснований считать, что сосуды в них были лепными: в большом числе курганов с сожжением в аналогичных ситуациях встречаются гончарные сосуды с клеймами.

Таким образом, нет полной уверенности в том, что первые славянские погребения в Гнёздове появились в IX в. и, более того, в его начале. Но также пока нельзя и полностью отрицать такую возможность.

2. Норманнский комплекс Гнёздовского могильника

Т. Арне в свое время насчитал не менее 25 норманнских погребений². Полемизируя с Т. Арне, Д.А. Авдусин выделяет в 1949 г. только 2 таких погребения³. Но уже в последние годы Д.А. Авдусин довел это число до 40⁴.

По мнению И.П. Шаскольского, таких погребений насчитывается около 30⁵. Как уже отмечалось, эти выкладки имеют довольно низкое познавательное значение и, видимо, с методической стороны не оправданны.

¹ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы...С. 115.

² Arne T.J. Det vikingatida Gnezdovo Smolenska föregångare. In: Arckeologiska forskningar och fung. Stockholm, 1952 S. 339-344.

³ Д.А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX, М.-Л., 1949, с. 11.

⁴ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска..., с. 76.

⁵ И.П. Шаскольский. Указ. соч., с. 111-123.

Наиболее типичными признаками норманнских погребений в Гнёздове обычно называли сожжение в ладье, гривны с «молоточками Тора», фибулы скандинавского типа и другие (каменные выкладки, мечи, некоторые типы бляшек и подвесок). Каждый этот признак характеризует особую сторону культуры (материальной и духовной), но ни один из них не может быть признан твердым этноопределяющим для погребений в весь период существования могильника.

Из 100 курганов Центральной группы на мужские погребения приходится 25%, на женские — 19%, на смешанные — 8,7%, на неопределенные — 47,3%. Среди женских одиночных погребений и сопровождающих мужские более половины составляют погребения со скандинавскими фибулами. Даже, если предположить, что неопределенные погребения распределяются в соответствующих пропорциях между мужскими, женскими и парными, то всё же процент женских погребений с фибулами останется довольно большим. Однако, вывод о большом числе норманнских женских, а, следовательно, и мужских погребений может быть оправдан, если будет доказано, что тип женского костюма в условиях совместной жизни нескольких этнических групп на протяжении ряда поколений остается специфической чертой женщин только той группы, в среде которой появился данный тип костюма. Но этническую изоляцию такого рода в Гнёздове трудно предположить, да она и не вытекает из анализа материала. Поэтому нельзя категорически утверждать, что соприкосновение с иной, новой модой не могло привести, в конечном счете, к её усвоению¹. Исчезновение этой моды в последней четверти X в. связано с серьезными социальными и демографическими изменениями.

«Судьба» железных гривен во многом близка «судьбе» фибул. Традиция класть гривны в погребения восходит к самым ранним и исчезает в самых поздних курганах с сожжением. Сами по себе гривны являются символом бога Тора, а их наличие в погребениях свидетельствует о специфическом характере религиозных представлений человека, похороненного в кургане, и его скандинавское происхождение обычно не вызывает сомнения. Характер веры, таким образом, рассматривается как жесткий этнический показатель наравне с типом одежды и способом сожжения. Но в условиях этнической эволюции (консолидации?) такое прямолинейное соответствие ничем не определено.

К числу твердых этноопределяющих признаков нельзя отнести и сожжение в ладье. Только в самых ранних курганах — 13 и 47 — оно может указать на происхождение погребенного. В середине и второй половине X в. этот обряд становится привилегией исключительно высшего слоя гнёздовского коллектива, а, следовательно, показателем не этническим, а социальным. Другое

¹ Т.А. Пушкина. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. ВМУ, серия История, 1972, № 1, с. 93.

дело, что этот, скандинавский в своих истоках, обряд усваивается привилегированной частью населения Гнёздова и становится его отличительной чертой. Сам по себе такой факт может найти объяснение в специфической социальной обстановке. Но объявлять погребенных по этому способу в больших курганах выходцами из Скандинавии было бы крайне неосторожно. К концу X в. и этот признак, скандинавский по происхождению и социально значимый во второй половине X в., исчезает.

Судьба остальных норманнских признаков, в той или иной мере отразившихся в погребальном обряде, такова же, как и вышеперечисленных, то есть, будучи полно представленными на первых порах, к концу эпохи сожжения они становятся неизвестными.

Наиболее полное выражение норманнский погребальный комплекс находят в типе кургана с плоским верхом. На первом этапе, если опираться на твердые датировки, данный тип является преобладающим. Дальнейшая эволюция норманнского комплекса связана с «размыванием» признаков исходного типа и уменьшением его исходного удельного веса. На последних этапах существования могильника этот комплекс как таковой неизвестен. К этому времени выходцы из Скандинавии и их культура были полностью ассимилированы, то есть о норманнах как особой этнической группе среди гнёздовского населения говорить уже не приходится.

3. Комплекс культуры смоленских длинных курганов в Гнёздовском могильнике

На признаки этой культуры в Гнёздове обратил внимание ещё В.И. Сизов, а их исчерпывающую характеристику дал Е.А. Шмидт¹. При том, что количество фактов можно было бы несколько увеличить, всё же общее число погребений или отдельных элементов, восходящих к местной смоленской культуре, остается незначительным. К таким признакам относятся: 4-угольная форма насыпи, установка урны в перевернутом положении, выкапывание ямки для остатков сожжения, необожженные кости лошади, специфические типы железных пряжек, железные трубочки с ушками (обоймицы для трута?), трапезиевидные привески, медные спиральки, некоторые типы пуговиц и бус, а также своеобразная керамика. Время появления в Гнёздове этого населения определить так же трудно, как и достоверно славянского. Признаки смоленской культуры представлены в некоторых ранних курганах, например, 4-угольная форма насыпи и перевернутая урна (курган 38 и 47, в последнем — сожжение в ладье). В кургане 106 (Лесная группа) над ямкой с пережженными костями найден лепной сосуд. В других курганах в том же положении найдены кружальные сосуды-урны. Наконец, на одном из рисунков В.И. Сизова изображены перевернутые урны, а на дне одной из них

¹ Е.А. Шмидт. Об этническом составе... с. 103 и след.

четко обозначено клеймо¹. Это свидетельствует о том, что население местной смоленской культуры, отчасти войдя в состав Гнёздова, довольно долго сохраняло свои специфические черты погребального обряда.

4. Летто-литовские погребения Гнёздовского могильника

Вопрос о наличии таких погребений в Гнёздове впервые поставил Е.А. Шмидт, указав, правда, на единственное погребение в кургане 54 (Сизов, 1896). Говоря о погребениях с костями лошади, Е.А. Шмидт исключает прямое заимствование этой обрядности от древних литовцев, так как прямой контакт между ними и Гнёздовым маловероятен, и сопоставляет их с местной культурой длинных курганов. Сомнения Е.А. Шмидта мы можем разделить только отчасти, когда речь идет об отдельных костях лошади — кости черепа, зубы. Но погребения, сопровождаемые целыми скелетами лошади, вполне сходны с погребениями восточно-литовского типа². Появление их в Гнёздове не может вызвать удивления, как и наличие здесь норманнов.

5. Погребения других этнических группировок

Среди них, в первую очередь, обычно называют курган, исследованный М.Ф. Кусцинским. По характеру и стилю вещей погребение может принадлежать финской женщине³. Своеобразие керамических форм в некоторых других погребениях позволили В.И. Сизову, а впоследствии Н.Н. Воронину, предположить, что в составе населения Гнёздова были выходцы из западнославянских земель⁴.

Итак, этническая неоднородность является одним из специфических признаков древнего Гнёздова. У нас пока нет уверенности в том, что самые ранние поселенцы (в рамках IX в.) различались по происхождению.

Первые, твердо датированные, погребения принадлежат выходцам из Скандинавии. Судя по некоторым деталям погребального обряда, уже эти поселенцы в какой-то степени испытали на себе влияние местного населения длинных курганов. Приток в Гнёздово большой массы славянского населения, а также частично местного смоленского из соседних областей, создает своеобразный смешанный коллектив, этнические различия внутри которого со временем нивелируются. Бесспорно, главным активным участником процесса этнической консолидации, определявшим его конечный результат, были славяне. Этническая активность норманнов, отнюдь не равнозначная социальной, и других групп населения, к концу X в. становится настолько незначительной, что в погребальном обряде почти не прослеживается.

¹ В.И. Сизов. Указ. соч. с. 17, рис. 4.

² Р.К. Куликаускаене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, с. 211-222; А.З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории Прибалтики. М., 1959, с. 137.

³ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 79-81; Е.И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, с. 24, 25.

⁴ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 109, 110; Н.Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, М., 1954, с. 42.

Ещё В.И. Сизов обратил внимание на большое количество в курганах вещей местного производства и привозных, а также оружия. Гнёздовское поселение он определил как торгово-промышленное или торгово-военное¹.

Д.А. Авдусин существенным образом уточнил характеристику поселения, оставившего гнёздовские курганы, подчеркнув дружинный облик могильника. По его мнению, дружинные захоронения могут быть разделены на три социальные группы: военные предводители, рядовые дружинники и ополченцы («вои»)². Эта характеристика была принята советскими и зарубежными археологами³. В последние годы Д.А. Авдусин пересматривает свои выводы: большинство погребений не имеет военного характера, а принадлежит городскому населению; Гнёздово — городское кладбище языческого Смоленска⁴. Однако, уже в самых последних статьях автор вновь меняет свои взгляды: теперь в гнёздовских курганах похоронены ремесленники, торговцы и воины, обслуживавшие и контролировавшие днепро-двинский волок⁵. Быстрота смен точек зрения заставляет с большой опаской относиться к заключениям автора. При ближайшем рассмотрении все они оказываются достаточно декларативными, аргументация либо отсутствует вовсе, либо ограничена общими поверхностными наблюдениями.

По-другому подходит к решению проблемы Б.А. Рыбаков. Анализ исторической ситуации на территории Восточной Европы в IX—X вв. и археологических памятников этой эпохи приводит автора к мысли, что Гнёздово в IX в. являлось военным лагерем варягов⁶.

Методика социального анализа средневекового могильника в советской археологической литературе разработана далеко недостаточно. В самые последние годы были сформулированы и отчасти реализованы⁷ лишь некоторые принципы такого анализа. Вполне понятно, что решение задачи в полном объеме требует привлечения материалов не только могильника, но и поселений — укрепленных и неукрепленных. Эти последние пока не успели войти в научный оборот и источниковедчески ещё не проработаны. Исполь-

¹ В.И. Сизов, Указ. соч., с. 115-127.

² Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г., с. 323.

³ И.П. Шаскольский. Указ. соч., с. 111-115.

⁴ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска..., с. 75.

⁵ Д.А. Авдусин. Материальная культура Древней Руси. ВИ, № 7, 1972, с. 107; Он же. Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972, с. 165, 166.

⁶ Б.А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, № 4, с. 37. Концепции зарубежных археологов и историков подробно изложены в монографии И.П. Шаскольского (И.П. Шаскольский. Указ. соч., с. 107-125).

⁷ Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Указ. соч., с. 226-252; Г.С. Лебедев. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180-190.

зование материалов исключительно могильника также вызывает серьезные трудности в силу низкой представительности источника — 9-10% от общего количества курганов. Все же попытка социального анализа на имеющихся данных может не только быть оправданной, но и дать интересные результаты. Выше уже шла речь о том, что облик гнёздовского могильника не остался неизменным в течение IX—XI вв. Мы исходим из того, что тип древнего языческого кладбища, детерминированный соответствием религиозных представлений и представлений социального порядка, может отражать в конечном итоге смену общественных отношений, а изменение типа — развитие этих отношений.

Расположение курганов раннего кладбища и некоторые различия погребального обряда не дают оснований, позволяющих установить среди них какую-либо субординацию. При такой неустойчивости обряда, её никак нельзя объяснить резкой социальной неоднородностью населения, а скорее причинами семейного или возрастного характера. Впрочем, об этих курганах приходится судить по очень малой выборке, обусловленной, быть может, не столько объективными факторами, сколько несовершенством современных методических приемов их выделения. Отметим, однако, следующие обстоятельства: во-первых, на ранние погребения (менее 1% от всех раскопанных) падает 23,5% всех находок мечей в гнёздовских курганах; во-вторых, в большинстве их — парные погребения, что свидетельствует об особом положении погребенных здесь мужчин. Почти все черты ранних курганов, ставшие впоследствии отличительными для больших гнёздовских курганов, в это время скорее объединяют, чем разъединяют отдельные погребения кладбища.

Вероятнее всего, такое кладбище могло принадлежать небольшой группе хорошо вооруженных людей. Положение главы группы или предводителя вряд ли существенным образом было противопоставлено остальным членам коллектива. Во всяком случае, оно ещё не давало права на особую церемонию его погребения и особое выделение его могилы среди прочих.

На следующем этапе общее число курганов значительно возрастает, что объясняется притоком населения в Гнёздово. Теперь центр кладбища прочно закрепляется на высоком всхолмлении днепровского берега по правую сторону р. Свинки. Здесь, в местности к СЗ от городища, насыпают самые большие и самые богатые курганы. Это, по мнению В.И. Сизова, придавало местности «аристократический оттенок».

Взаимосвязь между большими курганами не ограничивается их расстановкой только в соответствии с формой насыпи. Их цепочка со стороны поселения начинается одним из самых древних мужских погребений Центральной группы (нижнее погребение кургана Ц-2). В следующем за ним кургане 20 главное погребение — мужское, а в обоих курганах с плоским верхом (7 и 16), к западу от предыдущего, — женские (для такого заключения, как мы

видели, есть серьезные основания). Таким образом, расстановка самых больших курганов, как и форма насыпи, находятся в связи с тем, кому принадлежит погребение — мужчине или женщине. Вся «цепочка» обращена к древнейшему мужскому погребению. В этом нельзя не усмотреть определенной логики. Вместе с тем, её довольно трудно объяснить системой дружинных отношений, как соответствием социальной структуры общества. Очевидно, прав был В.И. Сизов, называя эту часть могильника аристократической, если под этим подразумевать кладбище, принадлежащее наиболее привилегированной части гнёздовского коллектива, связь между членами которой определялась родственными узами. Тогда понятным становятся субординация в расстановке больших курганов, индивидуальные женские погребения в них и особое расположение кургана с погребением, например, почитаемого семейного предка, в ближайшем соседстве с поселением.

В последующее время ситуация вновь меняется. Теперь одновременно существуют две территориальные группы кладбищ. Одна из них — в Центральном комплексе, другая — в Ольшанском. В Центральном — большие курганы исчезают и остаются одни малые, разбросанные по его периферии. Иное дело Ольшанская группа и группа Сергеева. Здесь продолжают насыпать большие курганы. Но, если на предыдущем этапе (в Центральной группе) облик кладбища определялся особым соотношением между большими курганами, то здесь на первый план выступает специфика взаимосвязи больших и малых курганов. Эта специфика, однако, не ограничивается их своеобразной расстановкой, о чем уже шла речь. К ней также следует отнести:

1. Соответствие величины больших курганов и количества малых, прилегающих с востока к большим. Самый большой из них 24 (Оль-1) сопровождается приблизительно 60 малыми насыпями, следующий по размерам курган 23 — 47 насыпями, самый малый из местных больших курганов (к западу от 23) — 29 насыпями. Общее число малых насыпей рядом с курганом 18 (группа Сергеева) — 148. Количество курганов с каждой его стороны вряд ли значительно различается и, следовательно, сходно с числом малых насыпей у кургана 24 (Оль-1). Но ведь и величина кургана 18, а также уничтоженного, вероятно, большого кургана на западной окраине, вполне соответствует этому кургану.

2. Соответствие погребального ритуала в больших курганах расположению малых насыпей. Ладьи в больших курганах ориентированы строго в соответствии с направлением цепочки малых. Покойник в кургане 18 помещен в ладью лицом к малым курганам, то есть на восток. Приблизительно то же расположение покойника в кургане 24 (Оль-1). В кургане 23 покойник был положен на костер в том же направлении. Во всех их перемычка-вход оставлена с западной стороны, то есть со стороны поселения. Взойдя по перемычке на вершину, первый взгляд падает всё на те же малые курганы. Итак,

организаторы и участники погребальной церемонии намеренно пытаются подчеркнуть эту связь не только в момент погребения особым расположением покойника в большом кургане, но и, в расчете на потомков, оставляя единственную возможность всхода на большой курган — лицом к малым насыпям.

3. Среди раскопанных ольшанских курганов, дающих возможность судить о поле погребенного, все оказались мужскими. В группе Сергеева более 89% погребений мужские и парные.

4. Соответствие в распределении оружия в больших и малых курганах. На 15 раскопанных курганов в группе Сергеева (около 2% от исследованных курганов в Гнёздове) приходится около 18% всех находок мечей в могильнике. В целом в этой группе оружие найдено в половине всех исследованных погребений. В Ольшанских курганах, больших и малых, оружие немногочисленно. В основном это стрелы и топоры. Таким образом, там, где большие курганы содержат богатое и разнообразное вооружение, и малые оказываются в значительной мере «вооруженными».

Все эти наблюдения позволяют предположить, что Ольшанская группа и группа Сергеева представляют ряд дружинных кладбищ, каждое из которых состоит из большого кургана с захоронением предводителя и малых курганов, примыкающих к большому со стороны открытого пространства днепровской долины, содержащих захоронения рядовых дружинников. Общее число таких кладбищ здесь — 5. При этом нетрудно заметить, что отдельные дружинные кладбища отличаются друг от друга. Наибольшим богатством выделяются два кладбища, составляющие группу Сергеева. Более позднее кладбище с курганом 24 (Оль-1) значительно беднее первых двух. Кладбище с курганом 23 не только меньше по масштабам и размерам большого кургана, но и сам погребальный обряд последнего утрачивает важнейший признак — сожжение в ладье. Наконец, кладбище, ближайшее к ольшанскому поселению, состоит из наименьшего числа малых курганов и наименьшего из больших курганов. По-видимому, они представляют заключительный этап эволюции ольшанских кладбищ.

В планировке «аристократического» кладбища и дружинных есть одно чрезвычайно интересное сходство: курган с погребением особо важной персоны находится либо рядом с поселением, либо со стороны, ближайшей к нему. Но в первом случае, это, вероятно, почитаемый предок, во-втором, — предводитель дружины. Остальные курганы располагаются за ним, с его «внешней» стороны: в Центральном комплексе идут «семейным» порядком — сначала мужские, потом женские, в Ольшанском — отгораживают погребение предводителя от открытого пространства днепровской долины. Можно думать, что в обеих планировках воплощена одна и та же идея.

Наконец, на финальном этапе кладбище существует только в пределах Центрального комплекса на его окраинах и состоит из малых курганов, то есть в целом продолжает традицию предшествующего времени. Гнёздовские курганы по обряду трупоположения по своим чертам почти ничем не отличаются от аналогичных погребений хорошо известных в области Смоленского Поднепровья. Вряд ли, однако, следует определять гнёздовские погребения этого типа как погребения сельского населения: для этого пока нет достаточных оснований. Все же тенденция к превращению могильника в обычное сельское кладбище бесспорна.

Образование новых кладбищ с некоторым запаздыванием фиксирует важнейшие социальные и этнические изменения. В этом смысле археологическая хронология не совпадает (запаздывает) с исторической.

Можно предполагать, что та обстановка, которая сложилась в районе Гнёздова в период существования культуры длинных курганов, нарушается в середине или первой половине IX в., когда здесь появляется новое население. Немногочисленные военные отряды, в основном скандинавского, варяжского, происхождения оседают на берегу Днепра в устье р. Свинки. Очевидно, прав Б.А. Рыбаков, называя Гнёздово этого времени военным лагерем варягов. Во всяком случае, такое предположение выглядит сейчас убедительнее, чем другие. В конце IX в. и в первой половине X в. обстановка в Гнёздове меняется. Сильный приток славянского населения в это время приводит к серьезным демографическим изменениям. В этих новых условиях в среде гнёздовского населения выделяется группа лиц, связанных родственными узами — семья или несколько ближайших родственников, которая сосредотачивает в своих руках управление и власть. Это положение сохраняется не только при их жизни, но и подчеркивается после смерти путем выделения особого «аристократического» кладбища. Бесспорно, такая группа по своему происхождению восходит к местным варяжским поселенцам. Вместе с тем, нет оснований полагать, что процесс выделения привилегированной верхушки происходил замкнуто в пределах одного коллектива. Славянское население в это время не только создает общий фон, но и является активным участником этого процесса. К середине X в. первоначальное единство господствующей группы нарушается: из неё выделяются отдельные члены, которые становятся во главе обособленных военных отрядов — дружин. Питательной средой для формирования состава дружин служило рядовое население Гнёздова. По-видимому, выделение дружинной организации проходило довольно болезненно, о чем свидетельствует территориальное обособление

от старого места поселения и кладбища, и переселение ближе к р. Ольше. Однако, далеко не все население втягивалось в этот процесс. Часть его остается на своих старых местах и, когда в конце X в. дружинный центр в устье Ольши исчезает, небольшое поселение Центрального комплекса продолжало существовать. Но период острых социальных изменений уже позади, и постепенно поселение превращается в рядовой сельский поселок.

Данная схема социальной истории древнего Гнёздова оказывается намного сложнее тех, которые существовали ранее. Главное отличие заключается в том, что она предполагает динамику социальных отношений, их строгую последовательность и взаимосвязь. Обычное определение могильника, как дружинного от начала и до конца, не только обедняет и упрощает содержание процессов, происходивших в Гнёздово, но и сводит на нет процесс как таковой. Причины, лежавшие в основе социальных изменений, нельзя искать только «внутри» Гнёздова. Бесспорно, они стимулировались и определялись всем ходом социально-экономического и политического развития Восточной Европы в период формирования классовых отношений.

ГЛАВА IV

ГНЁЗДОВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Историческое значение Гнёздова наиболее полно раскрывается в контексте социально-экономических и этнических процессов, проходивших как в области Смоленского Поднепровья, так и шире — Восточной Европы.

В последней обобщающей главе рассмотрим следующие темы: Гнёздово и норманнские древности Смоленского Поднепровья, Гнёздово как административный центр смоленской округи, Гнёздово — военно-торговый центр на восточноевропейских и международных путях, Гнёздово и Смоленск.

РАЗДЕЛ 1

Первые норманнские древности на территории Восточной Европы появляются в VIII—IX вв. и сосредоточены в её лесной полосе¹. В Ладоге этого времени скандинавы входят в состав населения поселка и имеют отдельное кладбище². К тому же и более раннему времени относится появление скандинавов на восточном берегу Балтики, в бассейне нижнего течения Западной Двины³. В восточных частях западнодвинского бассейна находки скандинавских вещей датируются временем не ранее IX в.⁴ Когда появляются эти древности в днепро-двинском междуречье? На этот счет мы располагаем ограниченными сведениями. К ним относятся: 1) случайная находка равноплечной фибулы у д. Клименки на берегу р. Каспли (бывш. Поречский уезд)⁵. Дата фибулы — IX в.⁶; 2) случайная находка меча типа Е из кургана у д. Рокот (бассейн Каспли)⁷. На лезвии меча надпись *Ulfberht*. А.Н. Кирпич-

¹ Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 239-246.

² Г.Ф. Корзухина. К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966, с. 61 — 63. Она же. Курганы в урочище Плакун близ Ладоги. КСИА, вып. 125, 1971, с. 59-64.

³ B. Nerman. Grobin Seaburg. "Ausgrabungen und Funde" Stockholm, 1958, S 181-182, 199-200; Ф.Д. Гуревич. Норманнский могильник у д. Вишневое // Скандинавский сборник. вып. VI. Таллин, 1963. с. 197-209.

⁴ Г.Ф. Корзухина. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник, вып. VIII. Таллин. 1964, с. 297-313.

⁵ Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, с. 209.

⁶ В.С. Дедюхина. Фибулы скандинавского образца. Труды ГИМ, вып. 43, М., 1967, с. 202.

⁷ А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 1, САИ, вып. Е1-36. М.-Л., 1966, с. 31, каталог, с. 80, № 47.

ников пишет: «Все норманнские экземпляры отнесены Я. Петерсеном к первой половине IX в. и только один к X в. Северные археологи признают, что эта форма после 900 г. встречается очень редко. Таким образом, русская группа мечей типа Е по времени бытования и особенностям орнаментации кажется весьма поздней и своеобразной». 3) Скандинавский полубрактеат в составе клада куфических и сасанидских монет, найденных у д. Кислая на р. Жереспея¹. Полубрактеат датируется временем около 825 г. и, вероятно, чеканен в Хедебю². Клад найден на селище третьей четверти I тыс. н.э. с керамикой тушемлинского типа. Как полагает Е.А. Шмидт, клад, видимо, был зарыт на селище в последний период его существования³. 4) Курганный могильник у д. Новоселки, правый берег ручья Полежанка⁴. Могильник состоит из 36 насыпей 4-угольной формы. Сведения имеются о раскопках 9 курганов. Наиболее полно погребальный обряд и инвентарь описан в статье Е.А. Шмидта. И то и другое представляет довольно сложное сочетание различных традиций: местной культуры длинных курганов (4-угольная форма насыпей, некоторые типы женских украшений и предметы мужского костюма), славянской культуры VIII–X вв. (керамика) и скандинавской. К последней относятся: овальные фибулы, булавки с кольцом, щипчики, ланцетовидные стрелы, мечи, гири, шипы⁵. Из 3-х мечей один типа В и датируется IX в., второй — типа Н — 800–950 гг. Комплексы с этими мечами, как, впрочем, и весь могильник в целом, датируются кон. IX — нач. X в. 5) Самые ранние скандинавские комплексы Гнёздова — вторая пол. IX — нач. X в.

Эти немногочисленные данные свидетельствуют о том, что в днепровско-двинском междуречье первые находки скандинавского происхождения и целые комплексы появляются не ранее IX в., что вполне согласуется с первым проникновением норманнов и в другие части лесной зоны Восточной Европы. Судя по концентрации находок в основном в бассейне р. Каспля, именно этим путем норманны вышли к Днепру. Типы ранних скандинавских погребений, новоселкинские и гнёздовские (курганы 47 и м.б. 38 — Д.А. Авдусин) обнаруживают одну чрезвычайно любопытную деталь. Погребения в них совершены под 4-угольной насыпью, т.е. формой кургана бесспорно местного происхождения и относящейся к позднему этапу культуры смоленских

¹ Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской обл. АО 1968 г., М., 1969, с. 63, 64.

² В.М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970, с. 76.

³ Е.А. Шмидт. Указ. соч., с. 63.

⁴ А.Н. Лявданский. Працы, т. 2, с. 303–305. Он же. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924, рис. 1; Е.А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области. МИСО, вып. V. Смоленск, 1963, с. 114–128 (в дальнейшем: Е.А. Шмидт, 1963, с.); С.С. Ширинский. Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки // Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 114–116.

⁵ Е.А. Шмидт, 1963, с. 127.

длинных курганов¹. В такой же ситуации найдены скандинавские вещи в торопецком могильнике². В кургане 5 (Новоселки) вместе с мужчиной была погребена женщина в костюме, типичном для культуры длинных курганов, а в несколько более поздних курганах, исследованных С.С. Ширинским, женщины погребены в скандинавском уборе. Отсюда можно сделать вывод, что выходцы из Скандинавии, очутившись на днепровских берегах (так же, как и в верховьях Западной Двины), в какой-то мере испытали на себе воздействие населения длинных курганов. Это не должно удивлять, так как путь норманнов лежал через земли, занятые в VIII–IX вв. населением местной смоленской культуры (табл. 54).

Реально представить характер контактов норманнов и местного населения довольно трудно. Во всяком случае, некоторые ранние погребения свидетельствуют об отсутствии изоляции скандинавов.

Проявление ли это «хамелеонообразного» характера пришельцев³ или более тесные, например, брачные связи — вопрос, без разрешения которого не понять своеобразия ранних новоселкинских и гнёздовских курганов.

Продвижение норманнских отрядов к восточным берегам Балтики к Западной Двине и в область днепро-двинского междуречья носило военнo-торговый характер. То или иное качество выступало на первый план в зависимости от местных обстоятельств, благоприятствующих добыче богатств: на берегах Балтики открытое военное нападение (уничтожение в сер. IX в. Гробини в земле куршей)⁴, во внутренних районах материка продвижение по большим и труднодоступным малым рекам в условиях заселенности территории иноплеменным населением. Все эти причины могли требовать от норманнов не только воинской доблести, но и купеческой сноровки. В ранних погребениях меч часто сопутствует купеческим атрибутам — весам и гирькам.

Появление скандинавских вещей и целых комплексов в 4-гольных курганах отражает один из ранних периодов контакта местного населения и норманнов. Захоронения в курганах с плоским верхом, относящимся в целом к более позднему времени, чем 4-угольные, уже не отягощены чертами местного погребального обряда. Речь идет о гнёздовских курганах с плоским верхом и, прежде всего, о входящих в первую хронологическую группу. Своеобразная форма этих гнёздовских курганов в сочетании с некоторыми другими деталями обряда находит довольно точные аналогии на территории западного

¹ Е.А. Шмидт Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Материалы юбилейной научной конференции, Смоленск, 1967, с. 56 (в дальнейшем: Е.А.Шмидт, 1967, с.).

² Г.Ф. Корзухина. Новые находки..., с. 300–313.

³ D.M. Wilson East and West: a comparison of Viking settlement // Varangian problem. Scando-Slavica. Supplementum 1, Copenhagen, 1970, S. 112–115.

⁴ B. Norman. Op. cit., S. 198.

побережья Балтийского моря¹. Здесь такие курганы известны с эпохи бронзы, то есть является традиционной местной чертой погребального обряда². На плоской вершине некоторых, в частности Йеллингских курганов, обнаружены следы деревянных сооружений со столбом посередине³. Как полагают исследователи, площадка на вершине кургана могла быть использована как место общих собраний, судов и т.д.⁴ В гнёздовских больших курганах поперечник такой площадки достигал 30 и более метров, что не исключает её использование в тех же целях⁵.

РАЗДЕЛ 2

До IX в. Смоленское Поднепровье в пределах КСДК представляло единую этнокультурную область. Появление Гнёздова и условия его существования привели к обособлению этого района Смоленщины. Конечным итогом обособления явилось образование двух социальных структур – средневекового города и сельской округи. На первых порах различия выражались в неравномерности этнического и социального развития района Гнёздова и смоленской округи.

В чем же конкретно проявлялись различия?

1. Во второй главе мы попытались показать, что преемственность между обрядом погребения VII/VIII–X вв. (КСДК) и XI в. уловить чрезвычайно сложно. Наличие погребений той и другой культуры в пределах одного могильника представляет исключение, а сходство между ними сводится лишь к единичным признакам. Но если всё это присуще для памятников в целом Смоленского Поднепровья, то в его центре – районе Гнёздова и г. Смоленска, дело обстоит иначе.

Древности, предшествующие Гнёздову IX–X вв., пока изучены слабо. Среди коллекции вещей из раскопок 1940 г. на Центральном городище, по-видимому, есть такие – в первую очередь, керамика – которые относятся

¹ H. Anderssen Tomme hôte. Kuml, 1951, S. 91-135; H. Jankuhn. Haithabu. Neumünster, 1963, S. 87-88.

² H. Anderssen. Op. cit., S. 97.

³ H. Anderssen. Op. cit. S. 95 Напомним, что в одном из гнёздовских курганов с плоским верхом - № 13 (Д.А. Авдусин) и в некоторых новоселкинских - №№ 4, 5 (Е.А. Шмидт) также найдены остатки деревянных столбов посередине.

⁴ H. Anderssen. Op. cit. S. 97; H. Jankuhn. Op cit. S. 88.

⁵ Говоря о западных аналогиях гнёздовским курганам этого типа нельзя забывать о том, что близкие по форме (не только по форме!) курганы исследованы в Калининской области (М.В. Фехнер. Шихинская курганная группа //СА 1959 № 4; В.А. Мальм, М.В. Фехнер. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I-го тысячелетия н.э. Экспедиции ГИМ, М., 1969). Нельзя исключать, что курганы подобного рода будут обнаружены и в других частях лесной зоны. Однако, соотношение между этими и однотипными по форме курганами Верхнего Поднепровья и Поволжья пока остается неясным.

ко времени и культуре верхних слоев городища Тушемля¹. Нельзя исключать, что на территории Гнёздова могут быть обнаружены и следы поселка культуры длинных курганов. Как бы там ни было, у нас нет оснований считать, что поселение IX—X вв. возникло на пустом месте.

На смену длинным курганам в этом районе приходит новый тип могильника, состоящий исключительно из 4-угольных насыпей (Новосёлки). Традиции КСДК в новосёлкинском могильнике бесспорны и представлены как в погребальном обряде (форма насыпи, ямки с пережженными костями), так и в материальной культуре (тип женского костюма, отдельные вещи, отсутствие кружальной керамики). Те же традиции, но менее выразительные, существуют и в Гнёздовском могильнике, особенно на его первом этапе: два кургана из шести имеют 4-угольную форму насыпи. Такая форма кургана впоследствии исчезает, но традиция выкапывать ямки для остатков сожжения и переворачивать урны продолжает существовать и позднее (табл. 55).

В Гнёздовском курганном поле длинные насыпи отсутствуют, но имеется (правда в незначительном количестве) индивидуальные погребения под круглой насыпью с чертами обряда, присущими длинным курганам. Уже одного такого захоронения достаточно, чтобы сделать вывод о присутствии в Гнёздове представителей населения местной славянской культуры, хоронивших здесь соплеменников своим традиционным способом. На их родине захоронение входило бы в состав семейной усыпальницы, оформленной в виде длинной насыпи. Здесь, в Гнёздове, неизбежна индивидуализация такого погребения в рамках могильника, обусловленная отрывом от старых родственных связей и, следовательно, семейного кладбища, адаптацией новой общественной структуры и её требованиями к погребальному обряду: формирование гнёздовского могильника подчинено в большей степени социальному, чем семейному принципу. Вместе с тем, и это, пожалуй, главное, развитие курганного обряда в Гнёздове завершается появлением трупоположения. Это представляет одну из исключительных ситуаций сочетания в одном могильнике погребального обряда КСДК и XI в. и, пожалуй, единственный достоверный случай, когда тот и другой обряды оказываются реально взаимосвязанными.

2. Существенно различается и ритм изменения погребального обряда. В Гнёздове уже к середине — второй половине XI в. курганная насыпь как таковая исчезает, заменяясь маленьким холмиком над грунтовой могилой. В то же время в округе «расцветает» курганный обряд погребения. В каждом отдельно взятом могильнике XI—XII вв. курганы XI в. самые большие. Погребальный обряд в этих курганах — трупоположение на выжженном мате-

¹ Архив ИИМКРАН ф. 35, оп. 1, 1940, № 32. Это утверждение спорно, представленная в отчете на фотопланшетах керамика, скорее всего, относится в последней четверти I тыс. н.э. — прим. Н.А. Кренке (см. Гиблова А.А., Кренке Н.А. Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г. // Археологические вести №42. СПб, 2024).

рике — отличается от синхронных им гнёздовских курганов. Трупоположение в подкурганной яме появляется лишь через 1,5 — 2 столетия, а курганная насыпь исчезает ещё позже. Такая асинхронность развития погребального обряда объясняется тем, что социальные изменения, а вместе с ними и изменения в погребальном обряде, в Гнёздове проходили динамичнее и быстрее.

3. Сравним динамику роста населения в Гнёздове и округе в период с IX до XII вв.¹ Гнёздово: вт. пол. IX — нач. X в. — 6%, перв. пол. X — 70-80 гг. X в. — 57%, посл. четв. X в. — 30%, перв. пол. XI в. — 7%. Округа: IX (VIII) в. — 6,5%, X (IX) в. — 12,5%, XI—XII вв. — 81%. Как видно, максимальное количество в Гнёздове приходится на X в., тогда как в округе в тот же период оно увеличивается на немного. Сокращение численности населения в Гнёздове в конце X в., и особенно в начале XI в. сопровождается его бурным ростом в Смоленском Поднепровье.

4. Этнические и демографические различия «центра» и округи усугубляются различиями социально-экономического характера. В ремесленных мастерских, исследованных экспедицией И.И. Ляпушкина, неоднократно находили детали женского убора, характерного для населения окрестных длинных курганов (трапециевидные подвески, спиральки). В самих гнёздовских курганах такой тип костюма отсутствует.² Единственное приемлемое объяснение этому факту — изготовление этих вещей для населения округи.

В то же время Гнёздово являлось притягательным центром для этого населения — здесь можно было не только приобрести необходимые предметы, но и сбыть продукты своего хозяйства (например, пушнину, воск), в которых нуждались приезжие купцы. Иными словами, в существовании здесь торжища в равной мере могли быть заинтересованы как купцы, так и население округи.

Наконец, важнейшее различие социального порядка заключается в том, что Гнёздово является местом формирования высшего слоя феодальной иерархии, в то время как среди населения округи никаких признаков социальной дифференциации не наблюдается³.

Становление экономического и социально неравенства между «центром» и «округой», с одной стороны, и внутри гнёздовского населения — с другой, с неизбежностью должно было привести к созданию административного аппарата, способного не только регулировать взаимоотношения «центра» и «округи», но и активно использовать выгоды своего положения, а, в случае необходимости, быть готовым к его защите.

¹ При подсчетах используются данные работ В.В. Седова в левобережной части Поднепровья восточнее Смоленска (В.В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА № 92 М., 1960, с. 22-24, 127-154). Те же данные использованы в статье Е.А. Шмидта (Е.А. Шмидт, 1967, с. 59, 60).

² Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова //СА № 3, 1970, с. 106.

³ Е.А. Шмидт, 1967, с. 51.

Как регулировать эти взаимоотношения? В чем причины выделения в Гнёздове феодализирующейся верхушки? Каковы материальные источники и стимулы её существования? Ответа на эти вопросы гнёздовский материал почти не дает. Но нет оснований и для вывода о том, что становление феодальной иерархии было здесь итогом эволюции местной родоплеменной структуры. Социальный процесс в Гнёздове переплетается с процессом этнической консолидации разнородных групп населения. Вместе с тем, условия возникновения и функционирования Гнёздова с необходимостью должны были привести к имущественной, а, следовательно, и к социальной дифференциации. Конкретной причиной в этом случае могли быть удачный военный набег, сопровождаемый грабежом, или торговая операция, приведшие, в конечном итоге, к обогащению отдельных лиц или групп. Дальнейшее существование выделившейся верхушки вряд ли обеспечивалось исключительно за счет контроля торгового пути или очередной военной операции — и то, и другое не гарантировало стабильного поступления богатства. Другой источник обогащения — дани и полюдые, зафиксированные для Смоленского Поднепровья сер. X в. в письменных источниках (Константин Багрянородный)¹. Итак, гнёздовская округа могла выступать не только в качестве поставщика товаров на гнёздовский рынок, не только в качестве потребителя продукции гнёздовских ремесленников, но и быть объектом поборов и «прокорма».

Говоря о формировании гнёздовской аристократии, нельзя обойти молчанием вопрос о сходстве некоторых больших гнёздовских и черниговских курганов². К их общим чертам (табл. 56) относятся: большие размеры, форма насыпи — коническая с плоской вершиной, трупосожжение на специальной подсыпке, обилие жертвоприношений, сходных по составу, наличие оружия и воинских доспехов, бывших на покойнике в момент сожжения, а затем сгруппированных отдельно. Поразительное сходство наблюдается и в системе расположения оружия в Гульбище и кургане 20 (Сизов): в том и другом случае на специальную площадку сначала укладывалась туша барана (в Гульбище — в котле, в кургане 20 — на блюде), затем кольчуга, меч и копье, на них шлем и сверху всё это прикрывается щитом. Но если в кургане 20 оружие, хотя и укладывается за пределами кострища, но всё же на одном с ним уровне, то в Гульбище и Черной могиле оружие выносится на специальную подсыпку выше уровня сожжения. В этом случае та эволюция, которую претерпевает определенное расположение оружия в гнёздовских курганах — от втыкания обломков или неповрежденных мечей рядом с урной и выделения особого места на кострище, куда в особом порядке складывается оружие (курган 18 — Сергеева), до вынесения его за пределы кострища — находит

¹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Составитель Г.К. Кочин. Л., 1936, с. 60-63.

² Б.А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА № 11, М.-Л., 1949, с. 24-58.

свое логическое завершение в больших черниговских курганах. Позднему этапу развития больших гнёздовских курганов вполне отвечают и некоторые другие признаки черниговских курганов, правда, негативного порядка: отсутствие лады и вещевого комплекса скандинавского типа. Местное происхождение больших гнёздовских курганов не вызывает сомнения, но «автохтонность» черниговских остается недоказанной¹. Всё это наводит на мысль, что большие гнёздовские и черниговские курганы могут быть связаны более тесно, нежели это кажется на первый взгляд, и представляет единую эволюционную цепь. Во всяком случае, поставить вопрос таким образом вполне правомерно².

РАЗДЕЛ 3

Выделение Гнёздова как административного центра округа было внутренним процессом социального развития Смоленского Поднепровья. Его существование как торгового центра было обусловлено выгодным географическим положением на водных магистралях.

Привозные вещи, попавшие здесь в погребальный комплекс или клад, в какой-то мере показывают направление торговых связей Гнёздова. В рамках юго-восточного (волжского) направления, по которому шел поток восточного серебра в период IX–X вв., конкретные пути могли быть различными,³ но так или иначе они могли выходить к Гнёздову. Расцвет днепровского торгового пути (пути из варяг в греки) приходится на X в. Первые вещи греко-византийского происхождения в Гнёздове найдены и в самых ранних курганах⁴. Вещи южного происхождения встречаются и в более поздних гнёздовских комплексах. Было бы, однако, несправедливым считать, что по этому пути двигались только мирные караваны купцов: «военная тропа» по

¹ При решении этого вопроса в будущем необходимо будет учитывать отдельные курганы Припятского Полесья (Ю.В. Кухаренко. Пинские курганы // Славяне и Русь. М., 1968, с. 87–90, а также некоторые в восточных областях Польши (K. Zurowski, G. Mikolajczyk. Sprawozdanie z badan kurhanu we wsi Husynne w pow. Hrubieszowskim w 1954 r. Sprawozdania archeologiczne, t.1, Wrocław, 1955, S. 251–267).

² Представленное нами гипотетическое соотношение больших гнёздовских и черниговских курганов находится в явном противоречии с датировками Б.А. Рыбаковым черниговских курганов: Гульбище — нач. X в., Безымянный — перв. пол. X в., Черная Могила — 960-е гг. Не имея возможности подробно останавливаться на этих датах, отметим лишь, что они могут быть более широкими, чем те, которые предложил Б.А. Рыбаков.

³ Г.Ф. Корзухина. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л., 1954, с. 34; И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА № 152. Л., 1968, с. 152, 153.

⁴ Золотая византийская монета в кургане № 47 (Авдусин), изделия из керамики в кургане 13 (Авдусин). (А.Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, с. 334).

Днепру хорошо была известна норманнам и первым русским князьям: достаточно вспомнить походы Аскольда и Дира, Олега, Владимира. Северное и северо-западное направление пути в любом случае связано с выходом на Западную Двину, а оттуда — либо на север (Ловать, Ильмень, Волхов, Ладога, Нева), либо на запад (по Западной Двине). Путь от Днепра по р. Каспле с выходом на Западную Двину в отдельных его частях был конкретизирован А.Н. Лявданским¹. Существовал ли другой путь по р. Вопь² (к востоку от Гнёздова), сказать трудно. Особое значение пути Днепр — Каспля — Зап. Двина — Балтика заключается не только в том, что он был известен задолго до IX в., но и потому, что это кратчайшее расстояние от Смоленского Поднепровья до стран Скандинавии и Западной Европы³. Не удивительно, что в XII—XIV вв., как следует из Договорных грамот Смоленска с Ригой и Готландом, это был основной путь торговли Смоленска с Западом⁴. Таким образом, Гнёздово находилось на пересечении торговых и военных путей, соединяющих не только внутренние районы Восточной Европы, но и страны, отдаленные друг от друга тысячекилометровым пространством.

Значение Гнёздова в европейской торговле наиболее полно раскрывается при сопоставлении времени его функционирования и темпов образования кладов на ближайшей к Гнёздову шведской территории — острове Готланд,⁵ а также при сравнении с ним крупнейших европейских торговых центров. Если до начала IX в. на Готланде неизвестны находки куфических монет, а к первой половине IX в. относятся всего лишь три клада, то с 860—870-х гг. начинается увеличение притока монет, и его максимум падает на середину следующего столетия⁶. В первый период обращения куфических монет в Восточной Европе (до 833 г.) число диргемов, найденных на Готланде, составляет менее 1,5% монет, найденных в европейской части СССР; во второй период (833—900 гг.) — 22—25%; в третий (900—938 гг.) — 46—50%; в четвертый (939 — к. X в.) — 44—49%.⁷ Нельзя не заметить, что выход скандинавов к Днепру в район Гнёздова совпадает с усилением притока восточных монет на Готланд. Трудно переоценить значение этого факта для западноевропейских и, в частности, североευропейских стран, не имевших, как и древняя Русь, месторождений серебра и нуждавшихся в нем. Следует особо подчеркнуть, что важным условием притока восточной монеты в страны Северной

¹ А.Н. Лявданский. Материалы ..., с. 128, 183.

² П.В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, с. 10.

³ С.В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки. Вопросы географии. Сб. 20, М.-Л., 1950, с. 239—270.

⁴ Русско-Ливонские Акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868, с. 2, 3, 25—28 и др.; Смоленские грамоты XII—XIV вв. М., 1963.

⁵ M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I, Stockholm, 1958.

⁶ В.Л. Янин. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 130; В.М. Потин. Указ. соч., с. 60.

⁷ В.М. Потин. Указ. соч. с. 69.

и Западной Европы явилось удовлетворение потребности в серебре (цветном металле), прежде всего, славянских и других восточноевропейских народов¹.

Проникновение диргема в Восточную Европу и становление торговых связей со странами Халифата по данным археологии начинается с 70–80-х гг. VII в.² Пути проникновения диргема в Восточную Европу складывались не сразу. К VII–VIII вв. восточными купцами был освоен путь по Волге до Прикамья и Среднего Урала, имевший в это время узколокальное значение³. Изменение направления пути и увеличение вывоза диргемов происходит в IX в., когда доминирующим процессом становится освоение славянами восточноевропейской равнины. И, наконец, подключение к этим торговым связям скандинавов создает условия для частичного оттока восточной монеты в страны Западной и Северной Европы. В этой связи гипотеза Н.П. Бауера об исключительно транзитном характере Восточной Европы в торговле Скандинавии с Востоком не выдерживает никакой критики⁴.

Вместе с тем нельзя и недооценивать значения Гнёздова в международных торговых связях. В VIII–IX вв. на магистральных путях не только Восточной, но и Северной Европы возникают поселения нового типа, служившие для реализации новых общественных функций⁵. Их появление здесь, так же как и в Восточной Европе, представляет период освоения новых торговых путей: в VII–VIII вв. фризские торговые центры Домбург и Дорестад завязывают отношения с североευропейскими странами⁶. В IX в., когда в торговые связи активно включились славянские, балтские и финские племена, «восточная» и «западная» ветви торговых путей сомкнулись. Появление новых торговых центров, таких как Бирка, Хедебю и др., обусловлено своеобразием торговли IX–XI вв., охватившей сравнительно широкие слои населения, её сезонным характером, неразрывной связью с грабительскими походами (походы викингов) и постоянным поступлением в обращение военной добычи. Такие центры возникали на перекрестках торговых путей, на реке или берегу фьорда, но непременно на некотором удалении от моря. К особенностям этих центров относятся: колеблющийся, в зависимости от торгового сезона,

¹ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., с. 150–158.

² В.Л. Янин. Указ. соч., с. 84.

³ В.Л. Янин. Указ. соч., с. 85; В.Ю. Лещенко. Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. Автореферат канд. дисс. Л., 1971, с. 18–21.

⁴ Н.П. Бауер. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.–Л., 1937, с. 226. Развернутая критика этой гипотезы содержится в упомянутых работах В.Л. Янина и В.М. Потина, а также: В.М. Потин. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения. Нумизматика и эпиграфика. Т. 3, М., 1962. Он же. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968; В.Л. Янин. Нумизматика и проблемы товаро-денежного обращения в Древней Руси // ВИ № 8, 1955.

⁵ В.А. Булкин, Г.С. Лебедев. Гнёздово и Бирка // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

⁶ Н. Jankuhn. Haithabu. Neumünster, 1963.

состав населения; временные формы социальной связи «торговых людей»; отсутствие, по крайней мере, на ранних этапах развития, укреплений; при господстве язычества эти поселения окружены большими могильниками с разнообразными вариантами обряда; период функционирования этих центров ограничен IX — нач. XI в.: во второй половине X в. начинается их упадок, а к середине XI в. они исчезают, сменяясь средневековыми городами.

Общая типология этих торговых центров (*Handelsplätze*) раннего средневековья разрабатывались В. Фогелем и Г. Янкуном¹. Выделяя Бирку и Хедебю среди прочих «торговых центров», Г. Янкун скептически относился к возможности обнаружения им параллелей в западноевропейских и западнославянских материалах. Очевидно, такое отношение в ряде случаев оправдано трудностями археологического изучения многих «торговых центров». Всё же сопоставление как Бирки, так и Хедебу с Гнёздовым выявляет ряд важных сходных черт: 1) расположение на перекрестках торговых путей, в сравнительно безопасном месте (Центральный гнёздовский комплекс находится на некотором удалении от волока), 2) наличие открытых поселений больших размеров — в Гнёздове — 15 га, Бирке — 12 га, Хедебю — 24 га с обособленными ремесленными кварталами (табл. 57), 3) поселения окружены большими курганными могильниками с различными вариантами обряда, 4) поселения начинают функционировать в IX в., достигают расцвета в X в. и приходят в упадок к концу X — началу XI в., 5) занятие населения торговлей, военными походами и ремеслом, 6) состав населения отличается, наряду с этнической неоднородностью, резкими социальными различиями, возникающими в течение времени существования поселения. Наряду со сходными чертами существуют и значительные отличия: Гнёздово расположено в глубине восточноевропейской равнины; его топографическая структура сложнее, нежели северных центров, что можно объяснить особыми, не известными в Скандинавии, этапами развития этого центра. Важнейшее отличие Гнёздова заключается в том, что оно явилось одним из центров мощного процесса консолидации восточных славян, ассимиляции остатков балтского населения и формирования большого этнического массива кривичей.

Поэтому нет никаких оснований считать Гнёздово в период его расцвета «норманнской факторией»²; присутствие здесь норманнов объясняется тем, что перед нами, по сути, международная форма организации торговли, притягивающей в первую очередь те элементы, которые были жизненно заин-

¹ W. Vogel. Handelsverkehr, Städtswesen und Statutenbildung in Nordeuropa im frühen Mittelalter. Zeitschrift für die Geschichte der Erdkunde, 1931; H. Jankuhn. Typen und Funktionen vor- und frühwikingerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

² T.J. Arne. Die Varägerfrage und die sowjetrussische Forschung. Acta archaeologica, vol. XXIII, København, 1952, S. 146; H. Arbmán. Vikingarna. Stockholm, 1962, S. 130; E. Oxensterna Die Wikinger. Stuttgart, 1959, S. 71.

тересованы в её развитии — независимо от их этнической принадлежности. Участие «заморских гостей» такое же непреложное условие существования Гнёздова как торгового центра, как и Бирки и Хедебю.

РАЗДЕЛ 4

Коротко подведем итоги: в области Смоленского Поднепровья IX–X вв. Гнёздово является центром формирования новых общественных отношений, завершившихся становлением здесь дружинной организации. Можно предполагать, что Гнёздово было административным центром района, куда поступала военная добыча, купеческие товары, а, возможно, и местом сбора дани. Местные ремесленники обслуживали не только потребности транзитной торговли, но и население целой округи. В X в. Гнёздово становится крупным поселением. Именно в Гнёздово и его район устремляются все новые и новые славянские группировки, что и явилось, в конечном счете, определяющим фактором последующей этнической и социальной истории Смоленского Поднепровья.

При всей специфике многие процессы, развивавшиеся в Гнёздове, носили общерусский характер. Итогом сложной эволюции погребального обряда было появление больших курганов второй половины X в. По времени это совпадает с появлением богатейших погребений Чернигова и Киева¹. Формирование высшего социального слоя гнёздовского поселения в целом определяется общими закономерностями развития древнерусского общества в период складывания государства.

Немалую роль играет Гнёздово в международных связях. В торговле Гнёздова с Западом, пожалуй, наибольшее значение имел кратчайший путь по Западной Двине с выходом к Готланду. Возникновение и существование здесь крупного торгового центра во многом обусловлено теми же причинами, что и Бирки, Хедебю и др. и зависело, в конечном итоге, от интенсивности разработки сырьевой базы в странах юго-востока. «Кризис восточного серебра» совпадает с угасанием этих крупных торговых поселений.

Решение вопроса о соотношении Гнёздова и Смоленска или о первоначальном месте Смоленска в полном объеме выходит за рамки данной работы и должно быть итогом анализа как всей совокупности гнёздовского

¹ М.К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.-Л., 1958. с. 226-227; Л.А. Голубева. Киевский некрополь. МИА № 11. М.-Л., 1949, с. 108-114.

материала, так и того, который уже получен и будет поступать в результате раскопок на территории Смоленска. Сразу же отметим, что при всей своей остроте он, однако, не имеет большого принципиального значения. Образование городского центра в это время является закономерным результатом социально-экономического и этнического развития в области Смоленского Поднепровья, точно так же, как и в других районах Восточной Европы. Другое дело, что своеобразие местных и отчасти внешних обстоятельств могло придать ранней истории Смоленска специфический оттенок.

Что же дает итоговая характеристика Гнёздова для решения этого вопроса?

Как известно, письменные источники о Смоленске IX–X вв. весьма скупы. Первый раз Смоленск как город встречается на страницах недатированной части «Повести временных лет», второй – под 882 г. (поход Олега на Киев)¹. К середине X в. относится упоминание в трактате Константина Багрянородного крепости «Милиниски», отождествленной исследователями со Смоленском². Регулярные сведения о Смоленске в отечественных источниках появляются только с первой половины XI в.³

Если обратиться к имеющимся на сегодняшний день археологическим фактам, то приходится заключить, что в результате более чем двадцатилетних систематических раскопок в г. Смоленске культурного слоя ранее начала XII в. не обнаружено⁴, в то время как расцвет Гнёздова приходится на X в. Можно ли рассматривать Гнёздово как город (по летописцу) или крепость (по Багрянородному)? Согласно современной концепции, становление древнерусского города связано с наличием административно-политического центра большой округи, центра ремесла и торговли (внутренней и внешней), центра концентрации дани и её сборщиков и, наконец, формирования дружинной организации⁵. Как видно, Гнёздово полностью удовлетворяет этим требованиям.

¹ Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. 1, с. 20. В Устюжском летописном своде поход датирован 881 г. (Устюжский летописный свод. М.Л., 1950, с. 21).

² Памятники истории Киевского государства, с. 60.

³ Повесть временных лет.

⁴ Д.А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Материалы юбилейной научной конференции. Смоленск, 1967, с. 84.

В 2014–2022 гг. на Соборной горе Смоленска были обнаружены находки V – IX вв., в том числе наиболее обильные VIII–IX вв., укрепления IX в. (см. Кренке и др., 2023) – прим. Н.А. Кренке.

⁵ Б.А. Рыбаков. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси (тезисы докладов) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 25–27; Ширинский С.С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 201, 202; Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета, 1970, № 20, с. 7–15; В.Л. Янин, М.Х. Алешковский. Происхождение Новгорода // История СССР, № 2, 1971, с. 60, 61; М.Х. Алешковский. Повесть временных лет. М., 1971, с. 128, 129.

В IX–X вв. именно оно играло роль городского или предгородского центра Верхнего Поднепровья. Наличие поблизости (в 10–12 км) другого такого же центра, с теми же функциями и равноценного по значению, по меньшей мере, невероятно. А это дает серьезные основания для отождествления Гнёздова с летописным Смоленском. О его начальных этапах имеются лишь смутные летописные упоминания, блестящий расцвет начисто выпадает из летописного рассказа и только с появлением города на новом месте (современном Смоленске) и общей стабилизации обстановки Смоленск занял положение на страницах летописи. Те потенциальные возможности, которые в Гнёздове могли привести к образованию средневекового города, так и остались нереализованными. Это обстоятельство нельзя рассматривать как случайность или сугубо местную особенность: явления такого рода известны довольно широко¹. Причины, вызвавшие упадок Гнёздова, многообразны и трудно выделить среди них главные и второстепенные: 1) кризис восточного серебра во второй половине X – конце X в. и свертывание торговых связей со старыми североευропейскими центрами (к последней четверти X в. Бирка, как такой центр, прекращает свое существование)²; 2) укрепление централизованной власти в конце X в. с началом княжения в Киеве Владимира. Его внутренняя и внешняя политика требовали крупных военных сил, которые были созданы путем широкого вовлечения в княжескую дружину представителей различных слоев древнерусского общества. Любопытно в этой связи следующее обстоятельство. Во время похода Владимира из Новгорода на Киев в 980 г. был покорен Полоцк. Отсюда самый короткий и быстрый путь к Киеву лежал по Днепру, а до него – по давно проторенному и широко известному касплянскому волоку. Двигаясь этим путем, Владимир не мог пройти мимо Гнёздова, где в это время скапливаются значительные военные силы. Нельзя ли предположить, что нуждаясь в сильной военной поддержке для борьбы с братьями, Владимир мог увлечь за собой часть гнёздовских дружин? В какой-то мере тогда становится понятным сравнительная немногочисленность поздних гнёздовских дружинных кладбищ и полное их исчезновение в первой половине XI в. – с одной стороны, и появление в Чернигове больших курганов, сходных с гнёздовскими – с другой; 3) спад активного торгово-военного функционирования Гнёздова сопровождается оттоком той части населения, которая существовала за счет обслуживания потребностей этого центра в период его расцвета, т.е. прежде всего ремесленников. Сокращение численности населения в Гнёздове совпадает с увеличением населения в области Смоленского Поднепровья. В условиях сельской колонизации, прохо-

¹ В.В. Мавродин. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 51. J. Herrmann. Slawische Stämme zwischen Oder und Elbe. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse. Berlin, 1968, S 315–327.

² Arbmann. Birka, t. 1 Einleitung, Stockholm, 1939–1943, S. I–XV.

дившей, возможно, не под княжеской эгидой¹, а самостоятельно, население уже не стремится в Гнёздово, а осваивает окрестные места, создавая здесь густонаселенный район; 4) нельзя не учитывать и внедрения христианской религии, которое, по некоторым данным, началось в Смоленском Поднепровье в начале XI в.² Опорой новой религии были только те центры, где формируется феодальная иерархия. В этих условиях Гнёздово могло не отвечать таким требованиям. Все же очагом распространения христианства Гнёздово так и не стало. И не только потому, что в это время оно переживает общий упадок. Гнёздово, всеми корнями связанное с языческими традициями, всем своим внешним обликом с грандиозными курганами напоминающее эту эпоху, своим расцветом обязанное языческой поре, от которой остались не только воспоминания, но и ещё живые участники пышных и драматических ритуальных церемоний, — такое место менее всего подходит для организации здесь центра новой религии.

И все же Смоленское Поднепровье было «обречено» на появление здесь средневекового города. Весь ход социальной истории в предшествующее время, серьезные демографические изменения, накопленный опыт ремесленного производства, частичная переориентация и налаживание новых торговых связей — всё это обусловило появление такого города вблизи Гнёздова чуть выше по Днепру на территории современного Смоленска.

Возникновение, расцвет и упадок Гнёздова, бурные, динамичные изменения в среде гнёздовского населения, выделение новых общественных групп и сил — лишь один из ярких и своеобразных эпизодов, раскрывающих некоторые конкретные закономерности и события ранней истории Руси.

¹ М.Х. Алешковский, В.Л. Янин. Указ соч., с. 46.

² М.И. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, с. 355.

Приложение 1

**КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ
(ТАБЛ. 13)**

1. Азобичи. Смол. обл. Раскопки В.И. Сизова, 1885 г. Трупоположения. ЗРАО, т. XI, вып. 1, 2. СПб, 1899, с. 182.

2. Акатово. Смол. обл., Демидовский р-н. Раскопки Е.А. Шмидта 1957 г. Трупосождения. Е.А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины вт. пол. I тыс. н.э. МИА. № 108, М., 1963, с. 56- 67.

3. Акулин Бор. Смол. обл. Бассейн Угры. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения.

Н.І.Савін. Раскопки курганоў ў Дарагабускім і Ельнінскім паведах Смаленскай губ. Працы, т. II, Менск, 1930, с. 219-251.

4. Арефино. Смол. обл., бывш. Переснянская вол., прав. б. р. Городец. Две курганные группы. Раскопки М.Ф. Кусцинского и В.И. Сизова в 70-80-х гг. XIX в. и Е.А. Шмидта 1952 г. Трупосождения.

Древности, т. IX, вып. 1, М., 1881, с. 1 и сл.; Указатель памятников Российского Исторического музея. Изд. 2, М., 1893, с. 113-115; ЗРАО, т. XI, вып. 1, 2, СПб., 1899, с. 180; А.Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі. Працы, т. II. Менск, 1930, с. 279-280. Е.А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949 – 1955 гг. Сборник научных работ, вып. 1, Смоленск, 1957, с. 289-291.

5. Арнишинцы. Смол. обл. Раскопки 1920 г. Трупоположения. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ Д1-12. М., 1962, с. 58.

6. Блинные Кучи. Смол. обл., бывш. Рославльский у. Раскопки В.И. Сизова 1885 г. и С.М. Соколовского 1919 г. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы у Смаленшчыне (археолёгічныя досьледы С.М. Сакалоўскага у былым Рослаўскім павецею Дробныя весткі аб курганных знаходках і гарадзішчах был. Смаленскай губ.). Працы, т. III Менск, 1932, с. 18-19.

7. Бражино. Смол. обл., бывш. Дорогобужский у. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения.

Н.І.Савін. Раскопки курганоў ў Дарагабускім і Ельнінскім паведах Смаленскай губ. Працы, т. II, Менск, 1930, с. 219-251.

8. Буховка. Смол. обл., бывш. Смоленский у. Раскопки М.Ф. Кусцинского, 1874 г. Трупоположения.

Древности, с. 4; УП РИМ, с. 116-117.

9. Варнавино. Смол. обл., бывш. Поречский у., оз. Городненское. Труположения.

УП РИМ, с. 124-125.

10. Василевщина. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки Е.А.Шмидта, 1956 г. Трупосожжения.

Е.А. Шмидт. Результаты изучения..., с. 293;

А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1, Смоленск, 1924, с. 157-158.

11. Введение. Смол. обл., бывш. Духовщинский у. Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосожжения.

А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб, 1906, с. 192-193.

12. Волочек. Смол. обл., бывш. Дорогобужский у. В окрестностях с Волочек несколько курганных групп. Раскопки Эйбоженко 1891 г.; Н.Е. Бранденбурга 1889 г. и А.А. Спицына. Одно трупосожжение, в остальных курганах — труположения.

13. Высокое. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Одиночный курган на берегу р. Царевич. Труположение. УП РИМ, с. 117-118.

14. Высокое. Смол. обл. бывш. Ельнинский у. Раскопки Н.И. Савина. Труположения.

Н.І. Савін. Раскопки курганов в Дарагабуском и Ельнинском паветах Смоленской губ. Працы, т. II, Минск, 1930, с. 219-251.

15. Вязовенька. Смол. обл. лев. бер. р. Вязовеньки. Раскопки А.Н. Лявданского 1926-1927 гг. Трупосожжения.

А.Н. Лявданскі. Археалогічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі. Працы, т. II. Менск, 1930, с. 297-300.

16. Ганино. Смол. обл. Лев. бер. р. Мошны. Обследования В.В. Седова. 1955—1959 гг. Трупосожжения.

В.В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, М., 1960, с. 151-152.

17. Гневково. Смол. обл., Шумячский р-н. Раскопки В.В. Седова 1960-1961 гг. Труположения.

В.В. Седов. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье. КСИА АН СССР, вып. 129, М., 1972, с. 54-60.

18. Гнёздово — см. Приложение II.

19. Городище. Смол. обл. Лев. б.р. Угры. Раскопки В.И. Сизова 1895 г. Труположения.

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55.

20. Городок. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Трупосожжения. УП РИМ, с. 118.

21. Гречишино. Смол. обл. Лев. бер. р. Угры. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположения. Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1894, № 55.

22. Деснока. Смол. обл., бывш. Ельнинский у. берег р. Десноки (приток Десны). Раскопки Эйбоженко. Трупоположения. УП РИМ, с. 128.

23. Дроково. Смол. обл. бывш. Поречский у., берег Акатовского оз. Трупосожжения. УП РИМ, с. 123.

24. Дросна. Смол. обл. Прав. б. Днепра. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосожжения.

А.Н. Лявданскі. Працы, т. II, с. 294-297.

25. Дивасы. Смол. обл., бывш. Смоленский у. Одиночный кург. Трупоположение.

УП РИМ, с. 117; А.Н. Лявданский. Материалы..., с. 155.

26. Доброносичи. Смол. обл. Прав. б. р. Ипути. Раскопки В.И. Сизова 1885 г. Трупоположения.

ЗРАО, т. XI, с. 182; Працы, т. III, с. 26.

27. Доброселье. Смол. обл. Прав. б. р. Вихры. Раскопки Е.А. Шмидта 1953 г. Трупосожжения.

Древности железного века..., с. 60.

28. Добрышина. Смол. обл. Прав. б. р. Десны. Трупоположения.

Древности железного века..., с. 60; Працы, т. III, с. 33.

29. Дубровка. Смол. обл. Трупоположения.

Древности железного века ..., с. 60; Працы, т. III, с. 33.

30. Еловцы. Смол. обл. Прав. бер. р. Сож. Раскопки Е.А. Шмидта 1953–1954 гг. Трупосожжения. Е.А. Шмидт. Результаты изучения ..., с. 294.

31. Ельня. Смол. обл. бывш. Ельнинский у. Раскопки В.И. Сизова 1885 г., Эйбоженко 1889 г. Трупоположения.

ЗРАО, т. XI, в. 1, 2. СПб., 1899, с. 181.

32. Ефремово. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. «Два отдельные кургана». Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосожжения.

А.С(пицын). Отчет о раскопках ..., с. 193.

33. Желанье. Смол. обл. Басс. р. Угры. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположения.

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55.

34. Заборье. Смол. обл. бывш. Поречский у. Близ деревни курганы.

Раскопки В.И. Сизова, И.С. Абрамова 1905 г., Е.А. Шмидта. Трупосожжение и трупоположение.

Указатель памятников РИМ, с. 123; А.С(пицын). Отчет о раскопках. С. 208; Е.А. Шмидт. Результаты изучения..., с. 292.

35. Заозерье. Смол. обл. Руднянский р-н. Раскопки Е.А. Шмидта 1957, 1958, 1968 г. Трупосожжение. Е.А. Шмидт. Археологические памятники второй половины первого тысячелетия н.э. на территории Смоленской обл. МИСО, вып. V, Смоленск, 1963, с. 96; Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской обл. АО 1968 г. М., 1969, с. 64-65.

36. Знаменское. Смол. обл. лев. бер. Угры. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупосожжение. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55.

37. Имение Комаровщина. Смол. обл. р. Мошна, два кургана. Случайные раскопки. Трупоположение.

А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты..., с. 174.

38. Имение Рудня. Смол. обл., бывш. Сертейской вол. (б.р. Сертеи). 3 кург. насыпи. Раскопки И.С. Абрамова 1905 г.

Трупосожжение.

А.С(пицын). Отчет о раскопках.. с. 199.

39. Катынь. Смол. обл. Смоленский р-н. Несколько курганных групп.

Раскопки А.Н. Лявданского 1924-27 гг. Трупосожжение и трупоположение. А.Н. Лявданскі. Археолегічныя досьледы..., с. 310-315.

40. Кислая. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки Е.А.Шмидта 1968 г. трепосожжение. Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области, с. 63.

41. Клименки. Смол. обл. Поречский у. (б. р. Каспля). Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосожжение.

А.С(пицын). Отчет о раскопках..., с. 209.

42. Климово. Смол. обл. Басс. р. Угры. 2 кург. группы. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположение. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55.

43. Кобзы. Смол. обл. Прав. бер. р. Березы. Раскопки К.А. Горбачева. Трупосожжение и трупоположение. Известия общества любителей естествознания, археологии и этнографии, т. 49, вып. V, М., 1896, с. 728.

44. Ковали. Смол. обл. Басс. р. Рутавечь. Раскопки В.Н. Глазова 1906 г. Е.А. Шмидта 1968 г. Трупосожжение. А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В.Н. Глазовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, СПб, 1907, с. 238-240; Е.А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области, с. 65.

45. Колпеницы-Дерабуж. Смол. обл. Рославльск. у. Раскопки С.М. Соколовского 1923—1924 гг. Курганы оказались пустыми. А.Н. Лявданскі. Археолегічныя досьледы..., Працы, т. II, с. 13-14.

46. Колупаево. Смоленск. обл. Берег Днепра. Раскопки А.Н. Лявданского 1926—1927 гг. Трупосожжение.

А.Н. Лявданскі. Археолегічныя досьледы..., Працы, т. I, с.287.

47. Комнидово. Смол. обл. бывш. Пореченск. у. Раскопки М.Ф. Кусцинского 1874 г. Трупосожжение и трупоположение.

Древности, т. IX, с. 4; УП РИМ, с. 124.

48. Коптево. Смол. обл. бывш. Рославльск. у. Несколько курганных групп. Случайные раскопки. Трупоположение. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 27.

49. Коробино. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки В.В. Седова 1960–1961 гг. Трупоположения. В.В. Седов. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье, с. 54–60.

50. Косая Гора. Смол. обл. Басс. р. Угра. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположения.

Архив ИИМК РАН, ф.1, 1894, № 55.

51. Краснозаборье. Смол. обл., бывш. Рославльский у. Несколько курганных групп. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 27.

52. Кубарки. Смол. обл. Раскопки С.М. Соколовского 1918–1919 гг. Трупосожжение (?) и трупоположение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 14–15.

53. Кузмичи. Смол. обл. бывш. Рославльский у. Раскопки С.М. Соколовского 1919 г. Трупосожжение и трупоположение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 23–24.

54. Купники. Смол. обл. Трупосожжение. УП РИМ, с. 117.

55. Куприно. Смол. обл. Берег оз. Куприно. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосожжение. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 315–317.

56. Кушлянщина. Смол. обл. Смоленский р-н. Трупосожжение и трупоположение.

А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты... с. 174.

57. Ломовка. Смол. обл. бывш. Рославльский у. Две курганных группы. Раскопки С.М. Соколовского 1905 г. Трупоположение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 28.

58. Лопино. Смол. обл. бывш. Смоленский у. Раскопки В.И. Сизова. Трупосожжения.

УП РИМ, с. 111–113.

59. Маркатушино. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосожжения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 286–295.

60. Матвеево. Смолен. обл. Река Волость. Раскопки В.В. Седова 1958–1959 гг. Трупоположение.

В.В. Седов. Сельские поселения... с. 132.

61. Мельница Сазонова. Смол. обл. Басс. р. Угры. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположения.

Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1894. № 55.

62. Милеево. Смол. обл. бывш. Ельнинский у. Раскопки Н.И. Савина 1929 г. Трупоположения.

Н.І. Савін. Працы, т. II, с. 219-251; Древности железного века... с. 63.

63. Митино. Смол. обл. бывш. Кардымовский у. Раскопки А.Н. Лявданского 1927 г. Трупоположение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 288.

64. Мозыки. Смол. обл. Басс. р. Сож. Раскопки С.Ю. Чоловского 1892 г. Трупоположения.

Н.В. Фурсов и С.Ю. Чоловский. «Дневник раскопок в Рогачевском, Быховском, Чериковском, Климовичском и Мстиславльском уездах». Памятная книжка Могилевской губ. на 1893 г. Могилев, 1893. с. 30-31.

65. Мольково. Смол. обл. бывш. Смоленский у. Трупосождение и трупоположение УП РИМ, с. 120.

66. Мошевая. Смол. обл. Басс. р. Сож. Две курганные группы. Раскопки Е.А. Шмидта. 1950 – 1953 гг., А.Г. Векслера 1956 г. Трупоположения.

Е.А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской обл. (реки: Сож, Остер, Хмара, Соженка). МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952, с. 382-383; Древности железного века..., с. 6.

67. Мутышино. Смол. обл. бывш. Дорогобужский у. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения.

Н.І. Савін. Працы, т. II, с. 219-251.

68. Недники. Смол. обл. бывш. Дорогобужский у. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения.

Н.І. Савін. Працы, т. II, с. 219-251.

69. Нижние Немыкари. Смол. обл. Лев. б. Днепра. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосождение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 282-285.

70. Новоселки. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки А.Н. Лявданского 1924, 1926 гг.; Е.А. Шмидта, С.С. Ширинского 1963 гг. Трупосождение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 303-305; Е.А. Шмидт. Археологические памятники второй половины первого тысячелетия н.э. на территории Смоленской обл. МИСО, вып. 5, Смоленск, 1963, с. 116 и сл.; Ширинский С.С. курганы IX – первой половины X в. у пос. Новоселки // Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 114-116.

71. Огарково. Смоленск. обл. Случайные раскопки 1922 г. Трупосождение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 277-278.

72. Олыша. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки А.Н. Лявданского 1923 г. Трупоположение.

А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты..., с. 152.

73. Павлово. Смол. обл. бывш. Дорогобужский у. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения.

Н.І. Савін. Працы, т. I I, с. 219-251.

74. Пилички. Смол. обл. Берег оз. Каспля. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосожжения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 329-330.

75. Пильня. Смол. обл. Река Вороница. Раскопки С.М. Соколовского 1918-1919 гг. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 21-23.

76. Плескачино. Смол. обл. Басс. р. Ливны. Случайные раскопки. Трупосожжения. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, карта; В.В. Седов. Сельские поселения... с. 147.

77. Плехтино (Новоселки). Смол. обл. Смоленский р-н. Три одиночных кургана в 20-60 шагах друг от друга. Случайные раскопки. Трупосожжение (?). А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты..., с. 158-159.

78. Пнева Слобода. Смол. обл. Устье р. Вопь. Раскопки В.И. Сизова 1901. Трупосожжения.

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, №141.

79. Помазовка. Смол. обл. Прав. б. Ипути. Раскопки В.И. Сизова. Трупоположения. ЗРАО, т. XI, вып. 1, 2, СПб, 1899, с. 182.

80. Преображенское. Смол. обл. бывш. Кардымовский у. Две курганные группы. Раскопки А.Н. Лявданского. Трупосожжение (?) и трупоположение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 277-278.

81. Приселье. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Трупоположение. УП РИМ, с. 119.

82. Путятинка. Смол. обл. Прав. бер. р. Лосни. 3 курганных группы. Раскопки А.Н. Лявданского 1926 г. Трупосожжения и трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 274-279.

83. Рипшево. Смол. обл. бывш. Пореченский у. Одиночный курган. Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосожжение.

А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым..., с. 194.

84. Ройновка. Смол. обл. Басс. р. Дресни. Случайные раскопки. Трупоположения.

В.В. Седов. Сельские поселения..., с. 129-130.

85. Рославль-Варонки. Смол. обл. бывш. Рославльский у. Раскопки С.М. Соколовского 1920 г. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 8.

86. Рудня Новая. Смол. обл. Бер. р. Ольховая. Раскопки В.И. Сизова 1885 г. Трупоположения. ЗРАО, т. XI, вып. 1, 2, СПб., 1899, с. 182.

87. Рудня. Смол. обл. Берег р. Хмары. Одиночный курган. Раскопки А.Н. Лявданского 1926 г. Трупосожжение (?).

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 270.

88. Рядынь. Смол. обл. Прав. б. р. Вопи. Трупосожжения и трупоположения. УП РИМ, с. 119.

89. Саки. Смол. обл. бывш. Поречский у. Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосожжения и трупоположения. А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым..., с. 199-203.

90. Светлое. Смол. обл. Берег Хмары, Раскопки Е.В. Домбровской 1908-1910 гг. Трупоположения.

Е.В. Домбровская. О раскопках древнего могильника, находящегося в сельце Светлом Прудковской волости Смоленского уезда, произведенных в 1908-1910 гг. Отчет общества изучения Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск, 1914.

91. Семлево-Половецкое. Смол. обл. Бер. Семлевского оз. Несколько кург. групп. Раскопки Е.Н. Клетновой. Трупосожжения и трупоположения. Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1912, № 192.

92. Семиречье. Смол. обл. Прав. б. Ипути. Случайные раскопки. Трупоположения. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 31.

93. Слобода. Смол. обл. Прав. б. Ипути. Раскопки С.М. Соколовского 1918-1919 гг. Трупоположения. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 17-18.

94. Слобода. Смол. обл. бывш. Поречский у. Несколько (?) курганных групп. Раскопки М.Ф. Кусцинского и В.И. Сизова в 1881 г., И.С. Абрамова в 1905 г. и др. Трупосожжения и трупоположения.

УП РИМ, с. 121-122; А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым..., с. 196-197; А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 34-36.

95. Слобода-Глушица. Смол. обл. Починковский р-н. Раскопки Е.А. Шмидта 1952-1960 гг. Трупосожжения.

П.Н.Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963, с. 177-192.

96. Сож. Смоленск. обл. Лев бер. р. Сож. Раскопки Е.А. Шмидта. Трупосожжения. Е.А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках..., с. 370-371; Он же. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска //Материалы юбилейной научной конференции. Смоленск, 1967, с. 55, карта.

97. Сукромля. Смол. обл. Прав. бер. р. Вароницы. Раскопки С.М. Соколовского 1919 г. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 20.

98. Сумароково. Смол. обл. Смоленский р-н. Случайные раскопки. Трупоположение. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, карта; Е.А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках..., 373.

99. Тимашево. Смол. обл. бывш. Ельнинский у. Раскопки А.А. Спицына 1892 г., Н.И. Савина. Трупосожжения.

Отчет Археологической комиссии за 1892 г. СПб., 1894, с. 56; Н.И. Савин. Працы, т. II, с. 219-251.

100. Топорково. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Раскопки В.И. Сизова за 1901 г. Трупоположения.

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, №141.

101. Туринщина. Смол. обл. 2 кург. группы. Раскопки В.В. Седова 1955 г. Трупоположение.

В.В. Седов. Сельские поселения..., с. 130.

102. Усвядцы. Смол. обл. Раскопки Н.И. Савина. Трупоположения. Н.И. Савин. Працы, т. II, с. 219-251

103. Харлапова. Смол. обл. Раскопки Е.А. Шмидта 1952 — 1953 гг. Трупоположения. Е.А. Шмидт. курганы XI—XIII вв. у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье. МИСО, вып. 2, Смоленск, 1957, с. 184-280.

104. Хлюстинка. Смол. обл. Прав. бер. р. Десны. Раскопки С.М. Соколовского 1919 г. Трупосоожение.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. I, с. 285; Працы, т. II, с. 8.

105. Хотнежицы. Смол. обл. бывш. Ельнинский у. Раскопки Н.И. Савина. Н.И. Савин. Працы, т. II, с. 219-251

106. Хотыня. Смол. обл. бывш. Духовщинский у. Раскопки М.Ф. Кусцинского 1874 г. Древности, т. IX, с. 6; УП РИМ, с. 120.

107. Хрыстовая. Смол. обл. Прав. бер. Ипути. Три курганных группы. Раскопки С.М. Соколовского 1919 г. Трупоположения.

А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 15-16.

108. Цурковка. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки Е.А. Шмидта 1956 г. Трупосоожение.

Е.А. Шмидт. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе СА, 1958, № 3, с. 162-169.

109. Чернобаевка. Смол. обл. Одиночный курган. Раскопки В.И. Сизова 1894 г. Трупоположение. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55.

110. Шиловка. Смоленск. обл. бывш. Поречский у. Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. Трупосоожения. А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым..., с. 194.

111. Шугайлово. Смол. обл. Демидовский р-н. Раскопки Е.А. Шмидта в 1966 г., 1968 — 1970 гг. Трупосоожения. Е.А. Шмидт. АО 1966 г., М., 1967, с. 37-38; Он же. АО 1968 г. М., 1969, с. 63-64; Он же. АО 1969 г. М., 1970, с. 68-69; Он же. АО 1970 г., М., 1971, с. 74-75; Он же. АО 1971 г., М., 1972, с. 88-89; Он же. О смоленских длинных курганах //Славяне и Русь. М., 1968, с. 228.

112. Шумячка. Смол. обл. Раскопки С.М. Соколовского 1920 г. Трупоположение. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. III, с. 8.

113. Ямполье. Смол. обл. Лев. бер. р. Ресса. Раскопки А.Н. Лявданского 1926–1927 гг. Трупосожжение. А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 270-273.

114. Ямщиchino. Смол. обл. Смоленский р-н. Раскопки В.И. Сизова 1901 г. Трупосожжение. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, №141.

115. Яново. Смол. обл. Берег р. Березины. Три курганные группы. Раскопки В.И. Сизова. Трупосожжения и трупоположения. УП РИМ, с. 115-116; А.Н. Ляўданскі. Працы, т. II, с. 281-282.

116. Ярцево. Смол. обл. Прав. берег р. Вопи (несколько кург. групп?). Раскопки В.И. Сизова 1894 г.; С.С. Ширинского 1968 г. Трупосожжения и трупоположения. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55; С.С. Ширинский. Смоленские курганы у пос. Новоселки и г. Ярцево. АО 1968 г. М., 1969, с. 69-70.

Приложение 2

**ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ ГНЁЗДОВСКОГО
МОГИЛЬНИКА В XIX–XX ВВ.**

Серьезные трудности источниковедческого анализа и выбора единой методики систематизации материала вызваны, в первую очередь, неравноценностью исходных данных. Так, если послевоенные раскопки проводятся на уровне современных требований к методике раскопок и фиксации, т.е. обладают довольно полной информацией, то дореволюционные раскопки, в своем большинстве, далеко не отвечают даже элементарным требованиям такого рода. Сведения о них подчас сводятся к перечислению найденных вещей и таких курганов в Гнёздове довольно много.

1) Выбор кургана для раскопок.

На первых порах исследование могильника носило отпечаток «уваровского метода тотальных раскопок»¹. В отдельные годы количество раскопанных курганов превышало 100 (В.Я. Соколов 1882 г. — 135 курганов). Правда, сам граф А.С. Уваров лишь однажды (1883 г.) принимал непосредственное участие в раскопках могильника. Другая особенность первых раскопок — избирательный подход к исследованию курганов. Уже в начале XX в. почти все большой и средней величины курганы оказались раскопанными.

В те же годы сложилось и другое отношение к исследованию могильника. Это относится, в первую очередь, к работам С.И. Сергеева, выбравшего для раскопок курганы в опасной зоне балластного карьера.

Работы Е.Н. Клетновой в 1920-х гг. были сосредоточены главным образом в новых или малоисследованных группах могильника.

Раскопки Д.А. Авдусина имели своей целью в первые годы проверку старых результатов, с особым вниманием к «лесным» курганам², а в последние годы — охранные работы в районах двух песчаных карьеров³.

2) Обмер кургана и описание его внешнего вида⁴.

Обмер кургана всеми исследователями к. XIX и нач. XX в. производился почти одинаково: окружность и внешняя высота (М.Ф. Кусцинский, В.И. Сизов), диаметр и внешняя высота (С.И. Сергеев, И.С. Абрамов),

¹ А.А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1903, с. 84-90.

² Д.А. Авдусин. Раскопки в Гнёздове. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, с. 72.

³ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг., с. 236.

⁴ Методика обмера, раскопок и фиксации курганов, исследованных Д.А. Авдусиным, хорошо известна и не нуждается в повторении (Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г., МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952, с. 313; Он же. Раскопки в Гнёздове, с. 72, 73; Он же. К методике раскопок больших курганов. КСИИМК, вып. 40, М., 1951; с. 138-145; Он же. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 116-170.

окружность, диаметр и внешняя высота (Е.Н. Клетнова). Возможно, что высота некоторых курганов измерялась из ровика (В.И. Сизов, М.Ф. Кусцинский), хотя проверить сейчас это нельзя. Для большей части курганов В.И. Сизова высота вообще не указана, а отмечена лишь их относительная величина — «малый», «небольшой», «средний», «большой». В очень редких случаях отмечался ровик, а ещё реже — его размеры. Описание внешнего вида кургана, если таковое вообще имеется, сводилось к характеристикам формы насыпи и сохранности. Иногда указывалось направление перемычки — всхода кургана.

3) Методика раскопки насыпи кургана.

Почти все дореволюционные археологи использовали в качестве главного приема раскопок «колодец», или траншею (одну или две взаимно перпендикулярные). Их глубина, как правило, зависела от уровня залегания материка. Кострище в этих пределах перебирали руками или мелким инструментом. Ниже кострища земля оставалась нетронутой. Методика таких раскопок изложена в работах В.И. Сизова и Г.К. Бугославского¹. Иная методика применялась С.И. Сергеевым. Малые курганы он копал «на снос», а средней величины и большие — широкой траншеей, оконтуривая всё кострище. Разборка кострища производилась маленькими лопаточками и руками. С.И. Сергеев отмечает: «Правда, способ и очень медленный, иногда очень тоскливый, вследствие отсутствия находок, зато верный»².

4) Методика фиксации.

Первые раскопщики гнёздовских курганов ограничивались указанием на наличие или отсутствие остатков погребения и, довольно часто, — на способ помещения этих остатков в кургане. Несколько подробнее описывались особые детали обряда — расположение оружия, захоронение коня и т.д. Однако, даже эти описания не носят обязательного и систематического характера. Наличие обмерных данных представляет исключение. По-иному к методике фиксации подходил С.И. Сергеев. Довольно высокая методика раскопок сочеталась с точными приемами фиксации, включающими как описательные, так и обязательно размерные характеристики. Пожалуй, самым первым С.И. Сергеев применил метод графической фиксации кургана. В полевую документацию С.И. Сергеева входят фотоснимки. Впрочем, фотографирование в это время ещё не следует рассматривать как необходимый элемент полевой археологической фиксации, хотя к нему прибегали ещё В.И. Сизов³, а впоследствии — Е.Н. Клетнова⁴.

¹ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 8-9; Г. Бугославский. О результатах изысканий Гнёздовского могильника. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, Смоленск, 1909, с. 4.

² Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899, д. 106.

³ Древности. Труды МАО, т. XI, вып. 1, М., 1886, протоколы, с. 61-62.

⁴ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1914, д. 323.

В приложении имеются два раздела, содержащие историографические и фактологические сведения о раскопках Гнёздовского могильника. Первый раздел представляет общую сводку раскопанных курганов. Помимо источников и основной литературы приводятся краткие описания исследованных курганов, которые дают представление о форме и размерах насыпи, способе и виде погребения, а также особенностях отдельных захоронений (особое расположение вещей, жертвы животных, камни). Форма насыпи подавляющего большинства курганов — круглая полусферическая. Поэтому в описаниях целесообразно ограничиться только указанием на отклонения от этой формы. Все размеры даны в метрах. Первая цифра — высота насыпи, вторая — диаметр. Урновыми погребениями признаются только те, в которых остатки сожжения найдены в сосуде. Безинвентарные погребения — погребения, в которых не найдены вещи. Пустые — курганы, в которых не найдены остатки человеческих захоронений. Н — высота кургана; к.к. — кальцинированные кости. Во втором разделе приводятся сведения о раскопках отдельных частей Гнёздовского могильника.

Раздел 1

Раскопки М.Ф. Кусцинского в 1874 г. — 14 курганов

Древности. Труды МАО, т. IX, вып. 1, М., 1881, с. 4-6.

Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893, с. 89-91 (в дальнейшем УП РИМ).

Нумерация курганов по «Древностям» - 6-19.

Соотношение нумерации курганов по «Древностям» и по УП РИМ (в скобках нумерация по УП РИМ): 10(9), 11 (1), 12(6), 13 (2), 14 (3), 15 (4), 16 (8), 18 (7), 19 (5).

Курган 6 — 1,1 х 6,2; безурновое, безинвентарное.

Курган 7 — 1,45 х 6,4; урновое, безинвентарное

Курган 8 — 1,1 х 8; безурновое, безинвентарное

Курган 9 — 1,28 х 6; урновое, безинвентарное

Курган 10 — 1,45 х 5,6; 3 урны

Курган 11 — 2,1 х 10; урновое

Курган 12 — 2,1 х 6,8; урновое

Курган 13 — 2,9 х 9,5; урновое

Курган 14 — 2,9 х 9,5; безурновое

Курган 15 — 2,9 х 8,2; 3 урны на камнях, рядом воткнуты меч и копье, на одной из урн — железная гривна. В публикации «Древности» указано, что «горшки стояли на камнях, на твердой земле». По сведениям А.А. Спицына, «в этом кургане погребение на половине высоты насыпи» (ЗРАО, т. XI, вып.

1, 2, СПб, 1899, с. 179). Анализ материала кургана дан в работах: А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 1 САИ Е1-36, М.-Л., 1966; Д.А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского // Культура и искусство древней Руси. М., 1967; В.А. Булкин, В.А. Назаренко. О нижней дате Гнёздовского могильника. КСИА, вып. 125, М., 1971.

Курган 16 — 1,28 х 4,6; урновое

Курган 17 — 1,4 х 6,8; безурновое; безинвентарное; среди к.к. — голова лошади нежженная.

Курган 18 — 1,1 х 5,4; безурновое

Курган 19 — 1,1 х 6; безурновое; на к.к. — железная гривна.

Раскопки В.Д. Соколова 1882 г. — 135 курганов

Древности. Труды МАО, т. IX, вып. 2, М., 1883, с. 64;

УП РИМ, с. 97-111; ГИМ, научно-ведомственный архив, ф.1, № 1.

В публикации (УП РИМ) перечислены вещи, найденные в 67 раскопанных курганах; нумерация курганов — 23-89. В архиве сохранились описания устройства отдельных курганов. Ниже приводятся эти описания (первая цифра — номер по РИМ УП, вторая — в скобках — по архиву)

Курган 44 (97) — Н — 1,75; урновое, на урне — железная гривна

(4) — Н — 2,25; урновое

49(95) — Н — 1,25; урновое

55 (103) — Н — 1,75; безурновое (?) /см. В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., с. 26/.

56 (101) — Н — 1,75; урновое

58 (84) — Н — 0,5; урновое

59 (28) — Н — 2,5; урновое, одна из урн находилась на кострище, другая — ниже.

60 (112) — Н — 3; урна в насыпи

Раскопки В.И. Сизова 1885 г. — 3 кургана

Древности, т. XI, вып. 1, М., 1886, с. 36, 61, 75;

УП РИМ. М., 1893, с. 89-91. В.И. Сизов, с. 8-11.

По нумерации УП РИМ — 20, 21, 22

Курган 20 — один из самых больших курганов Гнёздовского могильника. Описание кургана см. Глава 3.

Курган 21 — Н больше 2-х м, м.б. с плоской вершиной, на кострище с остатками сожжения — скелет лошади головой на север.

Курган 22 — устройство неизвестно.

Раскопки В.И. Сизова до 1883 г. (в 1880 г. — не более 70—73 курганов) и в 1883 г. совместно с А.С. Уваровым

Древности, т. IX, вып. II, М., 1893, с. 95; Древности, т. X, М., 1894, с. 18-49; УП РИМ, с. 91-94; сведения об отдельных курганах содержатся см: В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии МАР, № 28, СПб., 1902.

В публикации 1893 г. имеются сведения о вещах 10 раскопанных курганов №№ 10-19. О погребальном обряде в некоторых из этих курганов узнаем из публикации 1902 г.

Курган 17 — трупосожжение, урновое

Курган 19 — трупосожжение, урновое. Одна из двух урн поставлена выше другой. На вершине — умбон.

О курганах раскопок 1880 г. известно следующее (см. В.И. Сизов, с. 26, 27, 30, 31):

Курган 3 — Н до 2-х м; урна в насыпи

Курган 9 — Н до 2-х м; урновое

Курган 17 — трупосожжение

Раскопки В.И. Сизова 1894 г. — 9 курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55

Отчет Археологической комиссии за 1894 г., СПб., 1896, с. 23.

Курган 1 — полусф.; Н — 0,7; урновое

Об этом кургане см.: В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, МАР, № 28, СПб, 1902, с. 25.

Курган 2 — разм. см. К. 1; урновое

Курган 3 — малых разм.; урновое

Курган 4 — Н — 2,8; пустой

Курган 5 — Н — 2,8; пустой

Курган 6-9 — пусты, подробные сведения отсутствуют.

Раскопки В.И. Сизова 1895 г. — 44 кургана

Сизов, с. 28-29

Из 44 курганов — 8 пустые.

Сведения о курганах ограничены описаниями 4-х курганов

Курган 1 — пустой

Курган 2 — урна в насыпи

Курган 7 — большой, с плоской вершиной, в центре кострища — большой камень, перед ним — «полукругом лежала гряда более мелких камней».

Курган 8 — пустой.

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — 94 кургана

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, № 69

Сведения об отдельных курганах содержатся в монографии В.И. Сизова (Сизов, 1902).

Курган 1 — 2 х 8; урна в насыпи; безинвентарное (?)

Курган 2 — 1,8 х 7; пустой

Курган 3 — 2 х 10,3; урна в насыпи (Сизов, с. 19)

Курган 4 — уплощенный верх; 2,8 х 12; безурновое; к. лошади на дер. по-
мосте (Сизов, с. 12)

Курган 5 — небольш. разм.; урновое

Курган 6 — 0,9 х 4; урна в насыпи; безинвентарное

Курган 7 — уплощенный верх; 2,4 х 20; урновое; ряды камней; к. лошади и
птицы (Сизов, 1902 с. 12, 20).

Курган 8 — 1 х 9; урновое

Курган 9-12 — пустые

Курган 13 — небольшой; урновое

Курган 14 — средних разм.; урна в насыпи; безинвентарное

Курган 15 — больш. разм.; плосковатый; урновое

Курган 16 — небольшой; безурновое; безинвентарное

Курган 17 — пустой

Курган 18 — пустой

Курган 19 — небольшой; пустой

Курган 20 — средних размеров; 2 урны в насыпи

Курган 21 — небольшой, 2 урны в насыпи

Курган 22 — Н больше 2-х м; урновое

Курган 23 — Н больше 2-х м; урновое

Курган 24 — Н — больше 6; не докопан (Сизов, с. 33)

Курган 25 — маленький; пустой (Сизов, с.33)

Курган 26 — пустой

Курган 27 — маленький безурновое (?), безинвентарное

Курган 28 — средних разм.; пустой

Курганы 29-31 — пустые

Курган 32 — больших разм.; пустой

Курган 33 — малых разм.; урновое

Курган 34 — пустой

Курган 35 — средних разм.; урновое; на урне — железная гривна

Курган 36 — большой; урновое, два ряда камней (Сизов, с. 18)

Курган 37 — большой; урновое

Курган 38 — Н — 2,5 м; урновое; рядом с урной — большой камень, камни
на кострище (м.б. Сизов, с. 20)

- Курган 39 — небольшой; пустой
Курган 40 — пустой
Курган 41 — пустой
Курган 42 — средн. разм.; урновое
Курган 43 — небольшой; урновое (Сизов, с. 25)
Курган 44 — 3,3 х 49; диаметр верхней площадки — 20 м; пустой
Курганы 45 — 47 — больших разм.; пустые
Курган 48 — больш. разм. (?)
Курган 49 — больш. разм.; куполообразн.; урновое; на урне — камень (Сизов, с. 17).
Курган 50 — небольшой; урновое
Курган 51 — Н — около 2-х м; урновое (?); (м.б. Сизов, с. 24)
Курган 52 — сожжение на подсыпке (?); урновое
Курган 53 — средних разм.; урна в насыпи, накрыта сосудом с отбитыми краями (Сизов, с. 17)
Курган 54 — большой; на вершине — умбон; урновое (Сизов, с. 22)
Курган 55 — большой, уплощ. вершина; урновое; урна накрыта камнями, камни на кострище (Сизов, с. 16)
Курган 56 — урна в насыпи (Сизов, с. 27)
Курган 57 — маленький; пустой
Курган 58 — небольшой; урна (?) в насыпи; безинвентарное
Курган 59 — большой; пустой
Курганы 60-64 — пустые
Курган 65 — довольно большой; урновое; на урне — камень, в урне сканд. фибула, раковина и ветви ельника (Сизов, с. 23)
Курган 66 — большой; урна в насыпи, другая (?) — на кострище; на кострище — камни (Сизов, с. 18)
Курган 67 — небольшой; урновое
Курган 68 — небольшой; урны не найдены
Курган 69 — небольшой; урновое
Курган 70 — небольшой; урновое
Курганы 72-78 — пустые
Курган 79 — урновое
Курган 80 — урновое
Курган 81 — пустой
Курган 82 — пустой
Курган 83 — большой, урновое; на кострище — кости лошади (Сизов, с. 12)
Курган 84 — большой; безурновое; на кострище — «груда больших камней»
Курган 85 — урновое
Курган 86 — урновое

Курганы 87, 88 — пустые
Курган 89 — маленький, урновое
Курган 90 — большой, урновое
Курган 91 — пустой
Курган 92 — урновое
Курганы 93, 94 — пустые

Раскопки В.И. Сизова 1898 г. — около 52-х курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1898, № 172;
ОАК за 1898 г., СПб., 1901, с. 58-59.

Сведения о раскопках курганов ограничиваются перечислением найденных в них вещей. Из письма В.И. Сизова В.Г. Тизенгаузену: «Я на возвратном пути остановился в Гнёздове, надеясь там вознаградить себя за пережитые неудачи и затраты денег, но в Гнёздове встретил ещё большие неудачи: курганы попадались все пустые или по вещам малоинтересные».

В описи находок отмечено лишь 15 курганов (фотография шести планшетоков с вещами).

Раскопки С.И. Сергеева 1898 г. — 11 курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899, № 106

А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905

В дневнике автора раскопок нумерация курганов дается римскими цифрами, в публикации А.А. Спицына — арабскими.

Курган I — 0,8 х 6,7; урновое; безинвентарное

Курган II — 0,6 х 4; урновое (в дневнике указана находка кусков 2-х сосудов, в публикации эти сведения отсутствуют)

Курган III — «раскопан в прежнее время ямой сверху»; 0,75 х 4,3 «ком спекшихся костей и углей»

Курган IV — 0,85 х 4,5; безурновое

Курган V — 1,06 х 6,2; урна в насыпи

Курган VI — 0,34 х 2,74; урна в насыпи

Курган VII — 2,7 х 14, 3; по дневнику — урна в насыпи, по публикации — на огнище; кости коня (зубы)

Курган VIII — 1,6 х 8,6; урновое

Курган IX — 1,15 х 8; пустой

Курган X — 1,58 х 7,6; урна в насыпи

Курган XI — 1,4 х 5,9; «на разной высоте два горшка»

Раскопки С.И. Сергеева 1899 г. — 54 кургана

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899, № 106

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, № 7

А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905

Нумерация по дневнику для Центральной группы — с 1 по 48, для группы Сергеева — 1, 5, 6, 8, 14, 16. Нумерация по публикации для Центральной группы — с 12 по 58 (6 последующих курганов в публикацию не вошли), для группы Сергеева — 54–58 (один курган в публикацию не вошел). Соотношение обеих нумераций: для Центральной группы — 1(12)-42 (58), для группы Сергеева — 1(54), 5 (55), 6 (56), 8 (57), 14 (48) — первой дана цифра по дневнику.

Курган 1 — 1,06 х 7,4; урновое

Курган 2 — 1,06 х 6,3; урновое

Курган 3 — 1,06 х 6,3; пустой

Курган 4 — 1,06 х 6,3; урновое

Курган 5 — 1,6 х 11, 5; урна в насыпи

Курган 6 — величина не измерялась; пустой

Курган 7 — величина не измерялась; пустой

Курган 8 — малых разм.; урновое

Курган 9 — малых разм.; копан ранее; пустой

Курган 10 — 1,6 х 4,3; урновое

Курган 11 — 1,06 х 6,4; урновое, безинвентарное

Курган 12 — 1,06 х 6,4; урна в насыпи

Курган 13 — малых разм.; пустой

Курган 14 — раскопан ранее

Курган 15 — 1,06 х 5,7; урновое

Курган 16 — малых разм.; пустой

Курган 17 — 1,4 х 8,5; урна в насыпи

Курган 18 — копан ранее; на огнище вещи

Курганы 19, 20 — копаны ранее

Курган 21 — малых разм.; пустой (?)

Курганы 22, 23 — «В 22 и 23 — раскопаны в первых числах июня кем-то, (4/VI), дорожный мастер Павлов доставил из них фибулу, остатки другой, бр. гребенку (ручку) и жел. вещи, из другого кургана лунницу и бусы, он утверждал, что видел в одном из них остатки человеческого скелета (кости перемешаны были)». Дневник С.И. Сергеева

Курган 24 — копан ранее

Курган 25 — 1,06 х 4,9; урновое (?); зубы животных

Курган 26 — копан ранее; урновое, в урне — ещё один сосуд

Курган 27 — копан ранее

Курган 28 — копан ранее; найдены вещи

Курган 29 — копан ранее, урновое

Курган 30 — копан ранее; урновое

Курган 31 — 1,06 х 6,3; две урны в насыпи

Курган 32 — 1,15 х 8,52; две урны в насыпи

Курган 33 — 1,06 х 6,7; безурновое

Курган 34 — малых разм.; урновое (?); безинвентарное

Курган 35 — 0,8 х 6,9; две урны, одна из них в насыпи

Курган 36 — 0,5 х 3,2; безурновое

Курган 37 — 1,4 х 12,8; урна в насыпи; на огнище — два сосуда днищами вверх над остатками сожжения

Курган 38 — 1,3 х 8,5; урна в насыпи

Курган 39 — 1,06 х 6,3; урновое

Курган 40 — 1,06 х 5,3; урна в насыпи

Курган 41 — 0,85 х 5,3; урновое (?). В один из горшков «воткнута часть фибулы»

Курган 42 — 1,4 х 10,6; урна в насыпи

Курган 43 — 1,06 х 7; пустой

Курган 44 — 0,7 х 5,7; пустой

Курган 45 — мелк. разм.; урна в насыпи, безинвентарное

Курган 46 — 1,06 х 8,5; урна в насыпи, безинвентарное

Курган 47 — 1,1 х 9,6; пустой

Курган 48 — 1,06 х 6,3; пустой

Курган 49-78 — «раскопаны ранее разными способами, колодцем, ямой и удлиненной ямой в виде траншеи». Дневник С.И. Сергеева.

Курган 1 — 1,4 — 10,6; пустой

Курган 5 — 1,4 х 9,6; урновое

Курган 6 — 1,4 х 9,6; урновое, в насыпи - умбон

Курган 8 — «курган, раскопанный в прежнее время ладьеобразной выемкой». В раскопанной части собраны некоторые вещи

Курган 14 — 2,8 х 14,9; урновое; в урну «втиснут» умбон; в насыпи кургана — 2 железные гривны. А.А. Спицын ошибочно считал, что курган был докопан (А.А. Спицын, с. 42). Действительно, С.И. Сергеев в 1899 г. вскрыл насыпь лишь частично, но в 1901 г. полностью её доследовал (С.И. Сергеев, архив)

Курган 16 — малых разм.; пустой

Раскопки Г. К. Бугославского 1899 г. — 11 или 12 курганов

Г. Бугославский. О результатах изыскания Гнёздовского могильника. Смоленская старина, вып. 1, ч. 1, Смоленск, 1909 г.

Строгой нумерации раскопанных курганов Г.К. Бугославский не приводит. Из них 5 курганов находились в Центральной группе (1-5), остальные в Ольшанской (6-12?)

Курган 1 — пустой

Курган 2 — Н ок. 1 м; урновое

Курган 3 — «по памяти могу сказать, что в кургане 3 остатков старины найдено было немного и особенного интереса они не представляют» (Бугославский, с. 6).

Курган 4 — «в кургане никаких вещей не было найдено (Бугославский, с. 6)

Курган 5 — 3 урны

Курганы 1-3 (?) — «в двух не оказалось предметов, а в одном не было признаков трупосожжения» (Бугославский, с. 7).

Курганы 4 — 7 — устройство неизвестно.

Раскопки Бирукова в 1890-е гг.

В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР № 28, СПб, 1902, с. 76
Сведения об этих раскопках фактически отсутствуют

Раскопки С.И. Сергеева в 1900 г. — 23 кургана

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, № 17

А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб, 1905

Нумерация курганов по дневнику автора с 1 по 23, нумерация — по публикации с 59 по 81. Соответствие нумераций 1 (59) — 23 (81)

Курган 1 — 1,06 х 5,3; пустой

Курган 2 — 0,7 х 4,2; пустой

Курган 3 — 1,4 х 5,3; урна в насыпи

Курган 4 — 1,06 х 6,3; пустой

Курган 5 — 1,4 х 7,5; пустой (?)

Курган 6 — 1,4 х 8,5; пустой. «В центре насыпи с самого верха и до основания, какой-то столб пепла и угля».

Курган 7 - описание см. III глава

Курган 8 — 1,4 х 9,9; копан ранее, пустой

Курган 9 — 1,4 х 5,5; пустой

Курган 10 — 1,2 х 5,5; пустой

Курган 11 — малых разм.; пустой

Курган 12 — малых разм.; пустой

Курган 13 — 1,1 х 6,4; копан ранее

Курган 14 — 1,4 х 8,5; пустой

Курган 15 — 1,4 х 6,4; «На аршина глубиной обнаружено 2 скелета, кости цвета (шоколадн.), темно-коричневого, один скелет находился на другом, головой на В и лицом вниз, другой скелет под ним, тоже лицом вниз..»

Курган 16 — описание см. глава III

Курган 17 — 1, 77 х 12,6; диаметр верхней площадки 9,5 м; пустой, «под СЗ полюю — глубокая яма».

Курган 18 — 1,4 х 8,52; с плоским верхом; «заметив в основании мешаную землю я углубился на 2,5 аршина до твердого грунта. На самой середине кургана найдены железные обручи от ведерка с ушками, а также 4 гвоздя, согнутые одинаково. Кроме того, в маленьком кусочке бересты 1/3 «диргемы»
Дневник С.И. Сергеева

Курган 19 — малых разм.; пустой

Курган 20 малых разм.; пустой

Курган 21 — 2,1 х 12,6; диаметр верхней площадки — 10,5 м; насыпь не докопана, пустой

Курган 22 — 2,1 х 14; 2 урны в насыпи

Курган 23 — 1 х 6,4; «остатки детского костяка».

Раскопки В.И. Сизова 1901 г.

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, № 101

Согласно архивным данным, в Гнёздове было раскопано в общей сложности 33 кургана, из них 15 — на средства княгини Тенишевой. Из 33 курганов — 17 содержали погребения по обряду сожжения, остальные — пустые.

В монографии В.И. Сизова указано, что на средства Тенишевой было раскопано до 27 курганов, из которых 15 содержали сожжения (Сизов, с. 79).

В монографии приведено описание одного из этих курганов — «он имел в середине размеры, форму полушарообразную и был насыпан из песку; немного выше уровня земли было обнаружено кострище, по-видимому, принесенное сюда извне, с того места, где производилось трупосожжение. На южной окраине кострища оказалась единственная по своим большим размерам погребальная урна, наполненная жжеными костями; внизу находился согнутый, обернутый вокруг урны меч..., вокруг меча ещё ниже, у самого подножия сосуда находились железные обручи, очевидно, скреплявшие деревянное ведро, которое уже давно истлело» (Сизов, с. 79).

Раскопки С.И. Сергеева 1901 г. — 16 курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901 № 7

А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб, 1905

Нумерация курганов по дневнику для Центральной группы с 1 до 5, для группы Сергеева – 9, 11, 13, 17, 18, 27, 33, 44, 45. Нумерация курганов по публикации для Центральной группы 192) – 5(96); для группы Сергеева 9 (82), 11 (83), 13 (84), 17 (85), 18 (86), 27 (87), 28 (88), 33 (89), 44 (90), 45 (91). В скобках – нумерация по публикации.

Курганы 1 - 4 – Н – 0,5 – 0,7 м; пустые

Курган 5 – 1,06 х 8,5; урновое

Курган 9 – 1,1 х 8,4; урновое

Курган 11 – 1,3 х 10,5; пустой

Курган 13 – 1,1 х 6,3; пустой

Курган 17 – 2,1 х 16,8; диам. верхней площадки – 7,4; урновое

Курган 18 – описание см. в главе III

Курган 27 – 1,5 х 9,6; диам. верхней площадки – 3,4 м; урновое

Курган 28 – 1,3 х 8,6; диам. верхней площадки – 5,3 м; урновое, рядом с урной плашмя лежал меч рукоятью на СВ

Курган 33 – 2 х 10,6; урновое

Курган 44 – 1,1 х 8,5; диам. верхней площадки – 5,4 м; 3 урны.

Курган 45 – 1,1 х 8,5; урновое

Раскопки учителя Смоленской гимназии до 1902 г.

В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР. № 28, СПб., 1902, с.6

Курган на северной окраине Центральной группы содержал погребение по обряду трупоположение.

Раскопки М.К. Тенишевой 1903 г.

Е.Н. Клетнова. Великий Гнёздовский могильник, с. 313

Каких-либо сведений о раскопках найти не удалось.

Раскопки И.С. Абрамова 1905 г. – 24 кургана

Архив ИИМК РАН. ф. 1, 2905; 54; А.С(пицын). Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906

Курган 1 – 1,25 х 7,6; трупоположение на горизонте, голова на В; безинвентарное

Курган 2 – 0,6 х 11,4; урновое (?)

Курган 3 – 0,8 х 5,8; урна в насыпи; безинвентарное

Курган 4 – 0,7 х 9,2; пустой

Курган 5 – 0,93 х 9,2; пустой

Курган 6 – 0,5 х 6,4; пустой

Курган 7 – 0,3 х 3,2; безурновое

Курган 8 — 1,7 х 5,7; пустой

Курган 9 — 0,7 х 3 х 4,2; пустой

Курган 10 — 0,6 х 5; урна в насыпи

Курган 11 — 0,5 х 5,8; пустой

Курган 12 — 1,22 х 9,7; урновое; кости лошади и коровы

Курган 13 — 0,8 х 8,2; пустой

Курган 14 — 0,4 х 5,7; пустой

Курган 15 — 1,5 х 7,8; пустой

Курган 16 — 1 х 7,2; пустой

Курган 17 — «как бы восьмиугольной формы»; 1,5 х 25,7; безурновое; на деревянном помосте кости лошади.

Курган 18 — 0,3 х 4,3; урновое (?)

Курган 19 — 0,5 х 4,2; пустой

Курган 20 — длина — 10,6, ширина 8 м; пустой

Курган 21 — 0,6 х 7, 7; пустой

Курган 22 — 0,85 х 5,6; пустой

Курган 23 — см главу III

Курган 24 — см. главу III

Раскопки Е.Н. Клетновой 1914 г. — 10 курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1914, № 323; Е. Клетнова. Раскопки Гнёздова левобережного. Смоленская старина. Вып. 3, часть II. 1916

Курган 1 (II группа) — 3 х 17; пустой

Курган 2 (II группа) — 1 х 10; пустой

Курган 3 (III группа) — 3 х 21; пустой (см. также А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты ..., с. 135).

Курган 4 (III группа) — 0,5 х 4,3; урновое, безинвентарное

Курган 5 (III группа) — 0,5 х 6; 2 урны

Курган 6 (III группа) — 0,3 х 4,5; урновое

Курган 7 (III группа) — 0,35 х 4,5; пустой

Курган 8 (III группа) — 0,5 х 5; урновое, безинвентарное

Курган 9 (III группа) — урновое. «На этот курган указывали местные крестьяне, уверявшие, что в нем были найдены великолепной сохранности норманнский меч, железная шейная гривна, топор и от костяка взят череп. Крестьяне, видимо, ошиблись, так как в кургане трупосожжение (Е. Клетнова, с. 39). Но: «Не менее интересна и другая находка, доставленная крестьянином дер. Глушица Дмитрием Лазаревичем: в одном из левобережных курганов против Гнёздова им был добыт норманнский меч великолепной сохранности в 93 см (ок. 21 верш.) длины и погребальная урна с крестовидным клеймом на дне. Впоследствии им из того же кургана доставлен череп, что показывает

на обряд погребения, тогда как Гнёздовский мог. до сих пор «дает исключительно обряд полного трупосожжения» (ИАК, вып. 52, прибавления, с. 75, 76).

Курган 10 (I группа) — 1 х 6,5; урновое

Раскопки В.А. Городцова 1911-1912 гг. (?)

ИАК, вып. 42, прибавления. СПб, 1911, с. 65-66, 130, 131; ИАК, вып. 44, прибавления. СПб, 1912, с. 139.

По одним данным всего исследовано 19 курганов, по другим — 23, по третьим — 33.

Раскопки Е.Н. Клетновой 1922 г. — 5 курганов

Е. Клетнова. раскопки в Гнёздове. Смоленская Новь» 3-4, Смоленск, 1923.

Курган 1 — Н ок. 1 м; урновое, безинвентарное

Курган 2 — Н ок. 1 м; к.к. под берестой; безинвентарное

Курган 3 — урновое

Курган 4 — Н — ок. 1 м; урновое; одна из урн перевернута вверх дном; безинвентарное

Курган 5 — урновое

Раскопки Е.Н. Клетновой — 1 курган

Е.Н.Клетнова. Раскопки в Гнёздове. Смоленская Новь, № 3-4. Смоленск, 1923, с. 51

Курган оказался пустым.

Раскопки Иорданского и Е.А. Калитиной в 1935 г. и ранее

Архив ИИМК РАН. ф. 2, 1937, д. 34

Сведения о раскопках отсутствуют¹

Раскопки Н.В. Андреева и Н.П. Милонова 1940 г. — 6 курганов

Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 32

Из 6 раскопанных курганов 3 оказались пустыми (1-3).

Курган 4 — 0,95 х (4 — 5,7), трупоположение в яме, ориентировка западная.

Курган 5 — урновое трупоположение, безинвентарное

Курган 6 — урновое трупосожжение, кости птиц

¹ Н.В. Андреев пишет о раскопках 7 курганов в 1935 г. Самый обильный материал в высоком кургане, неподалеку от большого кургана, раскопанного В.И. Сизовым, 2 урны, железные стрелы в колчане, нож, оковки щита (?). В маленьком кургане рядом нашли остатки сожжения и железный котел. Н.В. Андреев. О чем рассказывают курганы. Смоленск, 1951, с. 46. Андреев пишет также о находке меча в Заольшанском могильнике в 1935 г. (Андреев, с. 53) — прим. Н.А. Кренке

Раскопки Д.А. Авдусина 1949 г. — 42 кургана

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1, 1952.

Курган 1 — 0,6 х 7; урновое

Курган 2 — 0,6 х (5,7-6); урновое

Курган 3 — 0,75 х (5,2-6); урновое

Курган 4 — 1,5 х (15,5-17); с плоским верхом; урновое, кости лошади

Курган 5 — 1,9 х (14-16,5); с плоским верхом, урновое

Курган 6 — 1,34 х (13-14); урновое

Курган 7 — 1,6 х (9-10); с плоской вершиной, урновое

Курган 8 — 1 х (9-10); урновое, зуб лошади

Курган 9 — 1,3 х (9,75 — 10); пустой

Курган 10 — 1,4 х (13 — 13,5); пустой (порчен)

Курган 11 — 0,6 х (8-8,4); урновое, безинвентарный

Курган 12 — 0,6 х (7-7,5); безурновое

Курган 13 — 1,6 х (14,5 — 15); с плоским верхом; урновое, на урне кости птицы; обломки меча воткнуты в землю, на кострище более 60-ти железных заклепок; в кургане найдены куски амфоры с процарапанной надписью.

Курган 14 — 0,5 х (5-5,7); безурновое (?)

Курган 15 — 0,5 х (5-6); пустой

Курган 16 — 0,75 х 9; урновое; урна перевернута вверх дном

Курган 17 — 1,3 х (10,2 — 11); урновое

Курган 18 — 1,5 х (10,2-12); 2 урны

Курган 19 — 1,3 х (6-10); пустой

Курган 20 — 1,2 х (9,5 — 10); 2 урны, одна из них перевернута вверх дном.

Курган 21 — 0,74 х 8; безурновое

Курган 22 — 1,72 х (14,1 — 16,25); с плосковатой вершиной; урновое; на урне — кости птицы

Курган 23 — 1,7 х (21,7 — 22,6), с плоской вершиной, урновое

Курган 24 — 1,7 х (13-13,6), с плоской вершиной; урновое; безинвентарное

Курган 25 — 1,2 х (9-10); 2 урны, одна из них перевернута вверх дном

Курган 26 — два слившихся кургана (?); Н — ок. 0,5 м; один из курганов пуст, другой содержал урновое трупосожжение

Курган 27 — 0,85 х (8-10); безурновое

Курган 28 — 0,6 х (6,1 — 6,4); пустой

Курган 29 — 1 х (8 — 9); урна в насыпи

Курган 30 — 1 х 9, пустой

Курган 31 — 0,7 х (5-8); пустой

Курган 32 — 1,7 х 12, с плоской вершиной, пустой

Курган 33 — 2 х (24,7 — 26,5); с плоской вершиной; урновое, на урне — железная гривна, зуб лошади

Курган 34 — 1,2 х (8,5 — 9,5); безурновое

Курган 35 — 1,8 х (13-15); с плоской вершиной; урновое, рядом с урной воткнуты обломки меча

Курган 36 — 0,45 х (4,7 — 5); пустой (7); зубы лошади

Курган 37 — 1,25 х (9,5 — 10); пустой, порчен ямой

Курган 38 — 1,4 х (16,1 — 16,5 — 14,7, — 15,9), 4-угольной формы, безурновое.

Курган 39 — 0,58 х (5 — 5,35); пустой

Курган 40 — 0,8 х (6 — 7,25); пустой

Курган 41 — 0,8 х 6,7; урновое; кости животных, челюсть лошади

Курган 42 — 1,4 х (10-12); пустой

Раскопки Д.А. Авдусина 1950 г. — 42 кургана

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО. вып. 2, Смоленск, 1957

Продолжение общей нумерации 1949 г.: для Лесной группы 43 — 75, для Центральной Ц-1 — Ц-6, для Ольшанской — Оль-1 — Оль-4.

Курган 43 — 0,7 х (7,7 — 8,2); безурновое

Курган 44 — 1,88 х (11,1 — 13,5); урновое

Курган 45 — 1,1 х (7,4 — 9,2); пустой

Курган 46 — 0,9 х (9 -11); безурновое

Курган 47 — 1,22 х (13-13,5); 4-угольный, урновое; одна из урн поставлена вверх дном; 276 железных заклепок; кость петуха

Курган 48 — 0,5 х (4,5 — 5); пустой

Курган 49 — 0,9 х (8-9); урновое

Курган 50 — 1,7 х (13 — 14,5); порчен ямой; безурновое

Курган 51 — 0,34 х (5 — 5,1); пустой

Курган 52 — 0,32 х (4-6); урновое, безинвентарное

Курган 53 — 1,1 х (8 -9,5); урновое

Курган 54 — 0,27 х (3,3 — 3,6); урновое; безинвентарное

Курган 55 — 1,78 х (10,3 — 11,2); безурновое

Курган 56 — 1,28 х (9,75 — 10); пустой

Курган 57 — 1,2 х 6(?); урновое

Курган 58 — 0,85 х 7 (?); порчен ямами; пустой

Курган 59 — 0,99 х (6 — 6,5); пустой

Курган 60 — 1,27 х (7,3 — 7,5); пустой

Курган 61 — 1,3 х (6-7,5); урна в насыпи

Курган 62 — 1,42 х (8,1-8,2); безурновое

- Курган 63 — 0,45 х (3,2 — 4); пустой
Курган 64 — 0,6 х (4,7 — 5); пустой
Курган 65 — 1,32 х 8,5; урна в насыпи
Курган 66 — 1,3 х (7 — 7,5); пустой
Курган 67 — 1,25 х 8; пустой
Курган 68 — 1,08 х (5,8 — 6,1); урновое
Курган 69 — 1,26 х (7,4 — 8,5); урновое
Курган 70 — 1,26 х (7,4–8); пустой
Курган 71 — 0,9 х (6,5–7,25); урновое; остатки сожжения помещены в яму размером 1 х 2,4 м, глуб. ок. 1 м.
Курган 72 — 0,56 х (7–8); пустой
Курган 73 — 2,24 х (15,5 — 16); урновое
Курган 74 — 1,5 х (9,1 — 9,75); пустой
Курган 75 — 1,8 х (10,25 — 10,75); пустой
Курган Ц-1 — 1,2 (15,5 — 17); с плоской вершиной; урновое
Курган Ц-2 — пригл. разм. 5,5 х (23,5 — 36); насыпь порчена ямами, кладбищем и постройками. Курган содержал два яруса погребений. Оба погребения урновые. В нижнем найден меч. Под верхним кострищем — челюсть лошади
Курган Ц-3 — 1,3 х (12,7 — 13); с плоской вершиной; урновое
Курган Ц-4 — 2,5(?) х (10,9 — 15); урновое
Курган Ц-5 — 0,9 х (11,5 — 12); безурновое
Курган Ц-6 — 1,06 х 12; пустой
Курган Оль 1 — см. описание в главе III
Курган Оль-2 1,24 х (10,5 — 14). Насыпь, очевидно, связана с существовавшим здесь кирпичным производством
Курган Оль-3 — 1,5 х (9–10); урновое
Курган Оль-4 — 1,43 х (9,6 — 10,2); пустой

Раскопки Д.А. Авдусина 1952 г. — 11 курганов

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957.

Продолжение общей нумерации 1949–1950 гг. — 76–86.

- Курган 76 — 0,8 х (4–5); пустой
Курган 77 — 0,62 х (5,5–6,2); безурновое
Курган 78 — 0,55 х (5,5 — 5,9); пустой
Курган 79 — 2,05 х 11, с плоской вершиной; урновое
Курган 80 — 2,2 х 15, с плоской вершиной, урновое
Курган 81 — 1,5 х (10,5 — 11,5); урновое; рядом с урной камни
Курган 82 — 1,4 х 11; пустой

Курган 83 – 1,15 х (11-13); пустой

Курган 84 1,24 х (10,75 – 11); пустой; три глиняных горшка вложены один в другой

Курган 85 – 1,4 х (9,75-10); урновое

Курган 86 – 1 х 7; урновое

Раскопки Д.А. Авдусина 1953 г. – 2 кургана

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957.

Продолжение общей нумерации 1949, 1950, 1952 гг. – 87, 88.

Первый находится на краю днепровской поймы, второй – в Лесной группе

Курган 87 – 0,6 х 8; пустой

Курган 88 – 0,6 х (5,7 – 6,7); пустой

Раскопки Д.А. Авдусина 1954 г. – 1 курган

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957.

Продолжение общей нумерации 1949, 1950, 1952, 1953 гг. – 89

Курган 89 – 0,76 х 6; урновое, безинвентарное

Раскопки Д.А. Авдусина 1955г. – 1 курган

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957.

Продолжение общей нумерации 1949, 1950, 1952, 1953, 1954 гг. – 90

Курган 90 – 0,68 х 12,75; безурновое; безинвентарное

Раскопки Д.А. Авдусина 1957 г. – 1 курган

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957.

Продолжение общей нумерации 1949, 1950, 1952, 1953, 1954, 1955 гг. – 91

Курган 91 – 1,1 х (8-9); безурновое; безинвентарное

Раскопки Д.А. Авдусина 1959 г. – 3 кургана

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII. Смоленск, 1970.

Продолжение общей нумерации 1949, 1950, 1952, 1953, 1954, 1955, 1957 гг. – 92, 93, 94

Курган 92 - ок. 1 х (8,2 -8,5); пустой

Курган 93 – (1,28 – 2,5) х (9-12); безурновое

Курган 94 – (1,3 -1,7) х 11; пустой

Раскопки Д.А. Авдусина 1960 г. — 53 кургана

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII. Смоленск, 1970.

Продолжение общей нумерации 1949 — 1959 гг. для курганов Центральной группы — Ц-7 — Ц-49, для курганов лесной группы 95 — 104

Курган Ц-7 — 1,25 х 9; пустой

Курган Ц-8 — 0,71 х 7,5; урновое

Курган Ц-9 — 1,64 х 7,8; пустой

Курган Ц-10 — (1,41-1,49) х (4,7-9); пустой

Курган Ц-11 — (0,7 — 0,86) х (6,2 — 6,3); пустой

Курган Ц-12 — (0,7 -0,8) х (5,2 — 7,5); пустой

Курган Ц-13 — 1,4 х 11; пустой

Курган Ц-14 — (1,15 -1,36) х (8,5-9); трупоположение в яме, западная ориентировка

Курган Ц-15 — (1,17 — 1,8) х 10; пустой

Курган Ц-16 — (0,68 — 1,35) х (7 — 7,5); урновое, безинвентарное

Курган Ц-17 — 0,98 х 8,5; урновое

Курган Ц-18 — (0,62 — 0,85) х (8 — 8,5); пустой

Курган Ц-19 — (0,65-1,01) х (9-10); пустой

Курган Ц-20 — 1,24 х (8-(,5); безурновое (?)

Курган Ц-21 — (0,86 — 1,41) х (5,4 — 8); безурновое

Курган Ц-22 — (0,73 — 1, 27) х (8 — 8,5); пустой

Курган Ц-23 — (0,65 — 1,02) х (10-10,75); пустой

Курган Ц-24 — (0,66 — 1, 45) х 8; урновое

Курган Ц-25 — (0,6 — 1,13) х (12,5 — 15); безурновое

Курган Ц-26 — (0,85 — 0,9) х (6,5 — 7,5); безурновое, безинвентарное

Курган Ц-27 — ок. 1 х (9 — 10,2); безурновое (?)

Курган Ц-28 — 1 х 8; безурновое (?)

Курган Ц-29 — 0,64 х (5 — 5,5); пустой

Курган Ц-30 — (1,16 — 1,67) х (11,7 — 13); пустой

Курган Ц-31 — (0,94 — 1,94) х (6-7,5); безурновое (?)

Курган Ц-32 — (0,7-1,08) х (6-7); пустой

Курган Ц-33 — (1,07-2,07) х (10-13); пустой

Курган Ц-34 — 2,1 х (9-11); пустой

Курган Ц-35 — (0,2-1,02) х 9,5; пустой

Курган Ц-36 — 2,2 х (15-16,5); пустой

Курган Ц-37 - пустой

Курган Ц-38 — (0,45 — 1,89) х (8,5-10); пустой

Курган Ц-39 — 0,87 х (ок. 10,5); пустой

Курган Ц-40 — 1,2 х (6,4-7); урновое; вокруг урны — обкладка из камней

Курган Ц-41 — 1,1 х (5,7 -5,9); пустой

Курган Ц-42 — 1 х (ок. 5); пустой

Курган Ц-43 — 0,9 х (ок. 6,5); пустой

Курган Ц-44 — 0,26 х (ок. 6); пустой

Курган Ц-45 — 0,43 х (ок. 6); пустой

Курган Ц-46 - пустой

Курган Ц-47- пустой

Курган Ц-48 — 0,8 х 4,2; пустой

Курган Ц-49 — 1,12 х 5,6; урновое; безинвентарное (?)

Курган — 95- 0,8 х 7; трупоположение в яме; восточная ориентировка; челюсть свиньи

Курган — 96 — Н —ок. 1; урновое; в урне - сосуд

Курган -97 — (1,51-1,63) х (13х13,9); пустой

Курган -98 — (0,85 — 1,17) х 8,75; урна в насыпи

Курган -99 — 1,2 х (9,2-11); пустой

Курган -100 — (0,8-1,36) х 12; безурновое

Курган -101 — 0,9 х (6,25-6,75); пустой

Курган -102 — (1.14-1,44) х (9,3-9,7); пустой

Курган -103 — (1,25-1,9) х (8,75 — 9,75); пустой

Курган -104 — (0,95-1,88) х 8,5; пустой

Раскопки Е.А. Шмидта 1960 г. — 1 курган

Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII. Смоленск, 1970.

Продолжение общей нумерации 1949-1959 гг. — 105.

Курган 105 — 1,27 х 10,5; трупоположение в яме, ориентировка западная.

Раскопки Е.А. Шмидта 1962 г. — 1 курган

Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. СА, № 3, 1970, с. 105.

Продолжение общей нумерации 1949-1960 гг. — 106

Курган 106 — остатки сожжения помещены в ямку, покрытую сосудом

Раскопки Д.А. Авдусина 1967 г. — 2 кургана

Д.А. Авдусин. Смоленская археологическая экспедиция АО 1967 г. М., 1968, с 45.

В Лесной группе два кургана, оба погребения урновые, безинвентарные.

Раскопки Д.А. Авдусина 1968 г. — 2 кургана

Д.А. Авдусин. Смоленская археологическая экспедиция АО 1968 г. М., 1969, с. 70.

В Лесной группе раскопано 2 кургана. Одно из погребений — безинвентарное

Раскопки Д.А. Авдусина 1969 г. — 2 кургана

Д.А. Авдусин. Смоленская археологическая экспедиция АО 1969 г. М., 1970, с. 69.

В Лесной группе раскопано 2 кургана с трупосожжением

Раскопки Д.А. Авдусина 1970 г. — несколько курганов

Д.А. Авдусин. Смоленская археологическая экспедиция АО 1970 г. М., 1971, с. 79.

Раскопано несколько курганов в Лесной, Центральной и Днепровской группах. Трупосожжения. В одном из курганов на урне лежала железная гривна

Раскопки 1971 г. — один курган

Н.И. Асташова, Т.А. Пушкина. Работы Смоленской экспедиции. АО 1971 г., М., 1972, с. 51.

В Лесной группе раскопан один курган с трупосожжением

Раздел 2 (см. табл. 10)

Курганные группы между рр. Нивлянкой и Ольшанской

В самой западной группе, на берегу р. Нивлянки один курган раскопан Е.Н. Клетновой в 1922 г.¹ Во второй, восточной группе Е.Н. Клетнова в том же году раскопала один курган².

Ольшанская группа (ближайшие к реке Ольше курганы).

Первые раскопки местных курганов произвел В.И. Сизов в 1896 г.³ Им здесь исследовано 8 курганов, из них один из самых больших в Гнёздове —

¹ Е.Н. Клетнова. Раскопки в Гнёздове. Смоленская Новь. № 3-4, Смоленск, 1923, с. 56.

² Е.Н. Клетнова. Указ. соч., с. 54-55; Е.Н. Клетнова. Великий Гнёздовский могильник //Niederluf sbornik. Praha, 1925, с. 312; А.Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1, Смоленск, 1924, с. 145

³ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69; В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1, МАР № 28, СПб., 1902, с. 23, 33.

курган № 24¹. В 1899 г. 6 или 7 курганов раскопал Г.К. Богуславский². О том, что раскопки произведены именно здесь, следует из описаний автора — «...верстах в 2-х от железнодорожной станции Гнёздово, на ЮЗ от неё и верстах в 3-х тоже на ЮЗ от общего Гнёздовского могильника». Результаты работ Г.К. Богуславского были известны С.И. Сергееву³. Точное местоположение курганов, раскопанных И.С. Абрамовым в 1905 г., установить довольно трудно⁴. Из них только два — № 23 и 24 точно локализируются в пределах собственно Ольшанской группы: № 24 — большой Ольшанский курган, начатый ещё В.И. Сизовым (№24), № 23 — несколько меньших размеров, к северу от первого. остальные курганы (№№ 2 — 22) расположены, как указывает И.С. Абрамов, в урочище «Мещанские луга» и вытянуты параллельными рядами с севера на юг. В начале века территория устья р. Ольши частично принадлежала г. Смоленску, однако, ни одна из групп, судя по планам 1901 г. и более поздним, не имеет подобной ориентировки. Недаром А.Н. Лявданский в публикации 1924 г. вовсе не упоминает о работах И.С. Абрамова здесь, хотя сведения А.Н. Лявданского о других исследователях безупречны. Усиливают эти сомнения и некоторые данные самого И.С. Абрамова. Во-первых, на одной из его схем раскопанные курганы помечены на левом (!) берегу Днепра, во-вторых, автор упоминает об удлинённом кургане, одиноко стоящем посреди луга. По единодушному мнению исследователей, курганов такого рода в Гнёздове нет вовсе. Среди противоречивых сведений о работах И.С. Абрамова в Гнёздове имеется, правда, указание на то, что раскопанные им курганы были ближайшими к Ольшанскому городищу⁵. Всё же окончательно мы не беремся судить о том, были ли эти курганы действительно вблизи городища, но затем оказались уничтоженными (?), или их следует искать в окрестностях Гнёздовского могильника.

Наконец, в 1950 г. экспедицией под руководством Д.А. Авдусина здесь были исследованы 4 насыпи⁶, в том числе доисследован самый большой курган, начатый ещё В.И. Сизовым и И.С. Абрамовым. В публикации раскопок Д.А. Авдусин делает ошибку, идентифицируя этот курган с курганом 23

¹ Здесь в дальнейшем используется только та нумерация курганов, которая дана самими авторами раскопок.

² Г. Богуславский. О результатах изысканий Гнёздовского могильника. Смоленская старина. Вып. 1. Смоленск, 1909, с. 7-9; А.Н. Лявданский называет только приблизительную цифру раскопанных Г.К. Богуславским курганов — «около 10 курганов» (А.Н. Лявданский, указ. соч., с. 143).

³ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, д. 17.

⁴ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1905, д. 54; Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, с. 186—192.

⁵ Прибавления в ИАК вып. 21, СПб., 1907, с. 42.

⁶ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в публикации гнёздовских курганов. МИСО, вып. 2, Смоленск, 1957, с. 169—176.

И.С. Абрамова. Что же касается другого большого кургана к северу от первого, то Д.А. Авдусин не знает, кем он был раскопан. Однако при внимательном чтении дневниковых записей и зарисовок И.С. Абрамова ясно, что курган Оль-1 Д.А. Авдусина может соответствовать только кургану 24 И.С. Абрамова¹, а курган 23 находился к северу от него.

Итак, общее количество раскопанных и документированных курганов Ольшанской группы составляет 19 единиц.

Группа Сергеева

В 1899 и 1901 гг. С.И. Сергеев исследовал здесь соответственно 5 и 10 насыпей². Из них также и самый большой курган в центре группы — №18. Об ошибочности соотнесения С.И. Сергеевым кургана 56 и кургана 24 В.И. Сизова уже упоминалось в 1 главе настоящей работы.

Несколько курганов на старице Днепра, в районе безымянного ручья, раскопано экспедицией под руководством Д.А. Авдусина³.

Центральная группа курганов

Многочисленные раскопки здесь, в своем большинстве, удастся локализовать в пределах тех или иных частей группы

1) курганы к северу или северо-востоку от железной дороги.

Раскопки М.Ф. Кусцинского 1874 г. — 14 курганов⁴. Сам автор не указывает точного места своих раскопок. А.Н. Лявданскому удалось выяснить, что эти работы проходили к северу от железной дороги, что вполне соответствует типу насыпи и характеру погребального обряда исследованных курганов⁵.

Раскопки В.И. Сизова 1885 г. — 3 кургана⁶. Среди них один из самых больших в Центральной группе (20) и два меньших размеров рядом с ним (21, 22).

Раскопки В.И. Сизова в 1896 г. — не менее 8 курганов⁷. Из них 6 находились к югу от шоссе-станции до д. Гнёздово (32-37), а два — у самой деревни (54, 83). В тех же местах могильника не менее двух курганов (из 135) раскопано В.Д. Соколовым⁸.

¹ Впоследствии Д.А. Авдусин исправил свою ошибку (Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов // Древности Восточной Европы. М., 1968, с. 15), но снова допустил её в работе 1972 г. (Д.А. Авдусин. Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972, с. 167).

² Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1889, д. 106; Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, д. 7; А.А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. ИАК, вып. 15. СПб, 1905, с. 41-43, 49-52.

³ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках ..., с. 155; Он же. Работы Смоленской экспедиции. АО 1970 г. М., 1971, с. 79.

⁴ М.Ф. Кусцинский. Отчет о раскопках в Смоленской губ. 1874 г., Древности, т. IX, вып. 2, с. 64-70; РИМ. Указатель памятников, М., 1893, с. 89-91.

⁵ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 131.

⁶ Древности. Труды МАО, т. XI, вып. 1, М., 1896, с. 36, 61, 76; РИМ Указатель памятников, с. 94-97; В.И. Сизов. Указ. соч., с. 8-11.

⁷ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69; В.И. Сизов, Указ. соч. с. 12, 22.

⁸ В.И. Сизов, Указ. соч. с. 12, 13.

Раскопки С.И.Сергеева 1898-1900 гг. — 80 курганов¹. В первые два года исследованы курганы в полосе отчуждения железной дороги к северу от неё. Фронт работ с З на В равнялся приблизительно 240 м, с С на Ю — 60 м. В 1900 г. — курганы, примыкающие с севера к предыдущим. Среди них оказалось два больших кургана (7, 16).

Раскопки Г.К. Бугославского 1899 г. — 5 курганов². Все курганы находились у железнодорожного полотна, рядом с д. Гнёздово.

Возможно, в тех же местах центральной группы 6 курганов раскопано экспедицией 1940 г. с участием Н.В. Андреева и Н.П. Милонова³.

Раскопки Д.А. Авдусина 1950 г. — 4 кургана.⁴ Среди них один из самых больших курганов группы с часовней на вершине⁵ и три малых у подножия большого.

2) Курганы в северной и северо-западной части Центральной группы. Среди курганов, раскопанных В.И. Сизовым до 1893 г., один определенно находился в северной части группы, у шоссе⁶. Здесь же, на северной окраине группы, один курган раскопан учителем смоленской гимназии (С.П. Писарев?)⁷.

Раскопки В.И. Сизова 1895 г. — 44 кургана⁸. Все курганы находились вблизи шоссе.

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — не более 53 курганов⁹. Исследованные курганы располагались, большей частью, напротив шоссе-станции, у плетня.

3) Курганы в сев.-вост. части Центральной группы.

Раскопки В.И. Сизова 1901 г. — 13 курганов¹⁰. Сам В.И. Сизов не уточняет место работ. Данные об этом находим в материалах С.И. Сергеева, который двумя месяцами позже копал курганы в тех же местах, что и В.И. Сизов и был прекрасно осведомлен о раскопках последнего¹¹. Эта территория ограничена с запада крестьянским кладбищем, с севера — шоссе, с востока — дорогой в д. Гнёздово.

¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899, д. 106; ф. 1, 1900, д. 17; А.А. Спицын. Гнёздовские курганы... с. 34-41, 43-48.

² Г. Бугославский. Указ. соч., с. 3-7.

³ Архив ИИМК РАН, в. 35, оп. 1, д. 32.

⁴ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках ..., с. 178.

⁵ В.И. Сизов, Указ. соч., с. 4.

⁶ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 26; РИМ, Указатель памятников, с.93.

⁷ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 6; Древности, т. IX, вып. II, III. М., 1883, с. 99.

⁸ В.И. Сизов. Указ. соч. с. 28, 29.

⁹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69.

¹⁰ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, д. 141.

¹¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, д. 7.

Раскопки С.И. Сергеева 1901 г. — 5 курганов¹.

Раскопки И.С. Абрамова — 1 курган². Курган находился к востоку от кладбища.

Раскопки Д.А. Авдусина 1950 г. — 2 кургана³. Оба находились, как указывает автор, в СВ части группы. Тот же исследователь раскопал в 1960 г. 43 кургана, расположенных по краям карьера, в северо-восточной части группы⁴.

Кроме этих раскопок, локализация которых довольно определена, известны и другие, но без привязки к той или иной части группы. К ним относятся 5 курганов, исследованных здесь в 1894 г. В.И. Сизовым⁵. Можно лишь догадываться, что они находились где-то к северу от полотна железной дороги. Наконец, необходимо остановиться на тех случаях, когда в руки археологов попали отдельные вещи, а подчас, целые вещевые комплексы из разрушенных или разрушающихся курганов. Большая часть таких предметов была собрана С.И. Сергеевым в период его работ в Гнёздове.

1) 1898 г. — меч, копье, умбон, остатки пояса с бляшками. Все эти вещи происходили, видимо, из одного кургана, разрушенного при постройке железной дороги и находившегося в 2-х метрах к югу от полосы курганов, исследованных С.И. Сергеевым в 1898 г., т.е. между ними и полотном железной дороги⁶.

2) 1899 г. С.И. Сергеев и его помощник — железнодорожный мастер Павлов собрали вещи, составлявшие один из богатейших комплексов гнёздовского могильника (меч, копье, умбон, стрелы, весы, фибулы, гривна и т.д.). Вещи, а также скелет коня найдены восточнее или юго-восточнее раскопанных С.И. Сергеевым курганов, «в линии курганов 40 и 41»⁷.

3) 1899 г. Мастер Павлов получил от рабочих, работавших вблизи места последней находки, две овальные и одну трехлепестковую фибулы, бусы, бляшку, монету⁸.

4) В описи материалов, относящейся в 1899 г., имеются сведения о других купленных вещах «из курганов, раскопок 1899 г. из балластного карьера». Среди них «две фибулы найдены сложенными чашечками вместе и внутри их бусы, пряжка и кусочки кожи и материи». Из другого разрушенного кургана происходит наконечник копья⁹.

¹ Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1901, д. 7; А.А. Спицын. Гнёздовские курганы... с. 52.

² Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1905, д. 54; Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ., с. 186.

³ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках... с. 178.

⁴ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII, 1970, с. 242-270.

⁵ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 55; В.И. Сизов, Указ. соч. с. 25; ОАК за 1894 г., СПб, 1896, с. 23.

⁶ Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1899, д. 106.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

5) 1900 г. Возможно, из одного комплекса происходят круглая фибула, бусы, куски ткани и кожи, сосуд¹.

6) 1900 г. Из курганов, раскопанных ранее колодцем и находившихся вблизи д. Гнёздово, происходят копье, топор, нож, чашечки весов, бронзовая коробочка. Где-то в траншее балластного карьера найдены удила и стремя².

7) 1900 г. При взятии земли из траншеи балластного карьера, недалеко от курганов 18 и 19, найдены кусок бересты «с выделанным помещением для кошелька», чашечки весов и др.³

8) 1900 г. В раскопанном кем-то кургане у балластного карьера найдены топор и два стремени, к одному из которых «припекся клочок конской шерсти».⁴

9) 1900 г. В давно раскопанных курганах у шоссе, крестьянами найдены бляшки и пуговицы, поступившие затем в распоряжение С.И. Сергеева⁵.

Во время обследования Гнёздова А.Н. Лявданским ему были переданы две трехлепестковые фибулы, бронзовая пряжка и наконечник стрелы, найденные в осыпи кургана 16 (С.И. Сергеев, 1900 г.)⁶.

В итоге данные имеются о 290 курганах, раскопанных в Центральной группе Гнёздовского могильника.

Лесная группа гнёздовских курганов

1) Северная часть, у шоссе, ближе к д. Глушенки.

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — по крайней мере, 1 курган (№ 4)⁷. Как указывает автор, курган находился невдалеке от Витебского шоссе. В той же местности могильника раскопан кем-то ещё один курган, указанный в монографии В.И. Сизова⁸.

Раскопки С.И. Сергеева 1900 г. — 2 кургана⁹.

Раскопки Д.А. Авдусина — до 1969 г. включительно, раскопано 12 курганов¹⁰.

2) Центральная часть

Раскопки Д.А. Авдусина 1953 г. — два кургана¹¹.

3) Юго-восточная и восточная часть.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ А.Н. Лявданский. Указ. соч., с. 131.

⁷ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69; В.И. Сизов. Указ. соч., с. 12.

⁸ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 12.

⁹ Архив ИИМК РАН ф. 1, 1900, д. 17; А.А. Спицын. Гнёздовские курганы..., с. 48-49.

¹⁰ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках..., с. 116-156; Он же. Смоленская экспедиция АО за 1968 г. М., 1969, с. 70; Он же. Смоленская экспедиция. АО за 1969 г. М., 1970, с. 68.

¹¹ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках..., с. 116-136; Он же. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. МИСО, вып. VII, Смоленск, 1970, с. 270-286.

Раскопки Д.А. Авдусина до 1960 г. включительно, раскопано 24 кургана¹.

4) Южная и юго-западная часть (до пересечения с железной дорогой).

Раскопки В.Д. Соколова 1882 г. — по крайней мере, 1 курган (№28)². Расположен на левом берегу р. Свинки, близ полотна железной дороги.

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — 5 курганов.

Раскопки В.И. Сизова 1901 г.³ Сведения об этих работах довольно противоречивы. Так в дневниковых записях автора указано, что на средства княгини Тенишевой было исследовано 15 курганов, из которых 10 оказались пустыми. В публикации отмечается, что раскопано до 27, из них 12 пустых. Курганы находились на южной или юго-западной окраине Лесной группы.

Раскопки Д.А. Авдусина — до 1957 г. раскопано 70 курганов⁴.

5) Южная часть группы, между железной дорогой и Днепром.

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — 5 курганов⁵.

Часть курганов, исследованных дореволюционными археологами, и прежде всего, В.И. Сизовым, нельзя точно локализовать в пределах группы: а) раскопки 1880 г. три кургана (3, 9, 17) определенно находились в Лесной группе⁶; б) раскопки 1894 г. — 4 кургана⁷; в) Раскопки 1896 г. — 12 курганов⁸; г) раскопки 1901 г. — 5 курганов⁹; д) несколько курганов указано в монографии, но без года раскопок и номера. В 1911–1912 гг. слушателями Московского археологического института под руководством В.А. Городцова раскопано несколько курганов в лесной группе. По одним данным исследовано 19 насыпей, по другим — 23, но, может быть, даже 33¹⁰.

О последних раскопках здесь имеются сведения предварительного информационного характера. Два кургана раскопано в 1967 г. и несколько — в 1970 г.¹¹ Один курган в 1962 г. исследовал Е.А. Шмидт¹².

Таким образом, общее количество раскопанных и документированных (хуже или лучше) курганов в Лесной группе составляет 186–200.

¹ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках..., с.

² ГИМ, научно-ведомственный архив, ф. 1, № 1, б.л.; РИМ, Указатель памятников, с. 105-106.

³ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, д. 141; В.И.Сизов. Указ. соч. с. 79.

⁴ Д.А. Авдусин. Отчет о раскопках ..., 1957, с. 115-156; Он же. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952. С. 325-366.

⁵ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69.

⁶ В.И. Сизов. Указ. соч. с. 26, 27, 30, 31.

⁷ Архив ИИМКМ РАН, ф. 1, 1894, д. 55; ОАК за 1894 г., СПб., 1896, с. 23.

⁸ Архив ИИМК РАН. ф. 1, 1896, д. 69.

⁹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, д. 141.

¹⁰ ИАК, прибавление к вып. 42, СПб., 1911, с. 65-66, 130, 131.

¹¹ Д.А. Авдусин. Смоленская археологическая экспедиция. АО, 1967 г. М., 1968, с. 45; Он же. Работы Смоленской экспедиции АО 1970 г., М., 1971, с. 79.

¹² Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. СА, 1970, № 3, с. 105.

Курганы на левом берегу Днепра

Раскопки В.И. Сизова 1896 г. — 2 кургана¹.

Раскопки Е.Н. Клетновой 1914 г. — 10 курганов²

В одном из левобережных курганов при случайных обстоятельствах были найдены два браслета, которые потом были отданы А.Н. Лявданскому³.

Одиночный курган, расположенный в 1 — 1,5 км от Центрального могильника на СВ, был раскопан Е.Н. Клетновой⁴.

Наконец, необходимо перечислить те раскопки, которые не удается локализовать в пределах отдельных частей Гнёздовского могильника: а) раскопки В.Д. Соколова 1882 г. — 135 курганов⁵; из них, как отмечено выше, лишь единицы можно связать с отдельными частями могильника; б) раскопки В.И. Сизова 1880 г. — не более 70-76 курганов⁶; в) раскопки А.С. Уварова и В.И. Сизова 1883 г.⁷; г) раскопки В.И. Сизова 1898 г. — 52 кургана⁸; д) раскопки Бирукова в 1890-е гг.⁹; е) раскопки М.К. Тенишевой в 1903 г.¹⁰; ж) раскопки Иорданского и Е.А. Калитиной в 1935 г. и ранее¹¹.

Итак, общее число исследованных и документированных курганов в Гнёздовском могильнике составляет около 785—800. Если же учесть, что остается неизвестным количество курганов, раскопанных А.С. Уваровым, Бируковым и М.К. Тенишевой, то общее число ещё более возрастет, и вряд ли можно ошибиться, если определить его в рамках 850-900 курганов.

¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 69.

² Е.Н. Клетнова. Раскопки Гнёздова левобережного. «Смоленская старина», вып. III, ч. 2, Смоленск, 1916, с. 33; Возможно, о тех же работах говорится в ИАК, вып. 56, прибавление, СПб., 1914, с. 47-48, 128.

³ А.Н. Лявданский. Працы, т. III, с. 55.

⁴ Е.Н. Клетнова. Раскопки в Гнёздове. Смоленская Новь, № 3-4, Смоленск, 1923, с. 58.

⁵ Древности, т. IX, вып. 2, М., 1883, с. 64.

⁶ Там же, с. 95.

⁷ Древности, т. X. М., 1884, с. 48-49.

⁸ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1898, д. 172.

⁹ В.И. Сизов. Указ. соч., с. 76.

¹⁰ Е.Н. Клетнова. Великий Гнёздовский могильник, с. 313.

¹¹ Архив ИИМК РАН, ф. 2, 1937, д. 24, с. 91.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдусин Д. А.* Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. С. 3–14.
2. *Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР. 1950. № 4. С. 71–79.
3. *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 72–81.
4. *Авдусин Д. А.* К методике раскопок больших курганов // КСИИМК. 1951. Вып. 40. С. 138–145.
5. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 311–367.
6. *Авдусин Д. А.* Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. 44. С. 93–103.
7. *Авдусин Д. А.* К вопросу о первоначальном месте Смоленска. Вестник МГУ. 1953. № 7. С. 123–137.
8. *Авдусин Д. А.* Раскопки гнёздовских городищ в 1953 г. // Вестник МГУ. 1953. № 11. С. 111–117.
9. *Авдусин Д. А.* Неонорманистские измышления буржуазных историков // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 114–120.
10. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках гнёздовских курганов // МИСО. Вып. 2. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1957. С. 113–183.
11. *Авдусин Д. А.* Рец. на кн: Р. Н. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962 (П. Сойер. Век викингов) // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 163–165.
12. *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи: материалы юбилейной науч. конф. / Отв. ред. Г. Т. Рябков. Смоленск, 1967. С. 63–85.
13. *Авдусин Д. А.* О датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // Культура и искусство древней Руси: сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 21–25.
14. *Авдусин Д. А.* Смоленская археологическая экспедиция // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 45.
15. *Авдусин Д. А.* Ровики славянских курганов // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 11–15. (МИА; № 169).
16. *Авдусин Д. А.* Смоленская экспедиция // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 70.
17. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957–1960 гг. // МИСО. Вып. 7. Смоленск: Московский рабочий, 1970. С. 236–286.
18. *Авдусин Д. А.* Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 110–113. (МИА; № 176).

19. Авдусин Д. А. Смоленская экспедиция // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 69.
20. Авдусин Д. А. Работы смоленской экспедиции // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 78, 79.
21. Авдусин Д. А. Материальная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 103–116.
22. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М.: Высшая школа, 1972. 344 с.
23. Авдусин Д. А. Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии: сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского / Ред. В. Л. Янин. М.: МГУ, 1972. С. 159–169.
24. Avdusin D. Smolensk and the Varangians according to the Archaeological Data // NAR. 1969. Vol. 2. P. 52–62.
25. Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А. Смоленская экспедиция // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 100–101.
26. Алешковский М. Х., Янин В. Л. Происхождение Новгорода // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.
27. Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М.: Наука, 1971. 135 с.
28. Андреев Н. В., Милонов Н. П. Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 26–28.
29. Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории / Отв. ред. В. Г. Ревуненков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 29–69.
30. Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Мавродина / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 16–32.
31. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1930. 223 с.
32. Арциховский А. В. Введение в археологию. М.: Изд-во МГУ, 1947. 220 с.
33. Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 36–41.
34. Artsikhovskiy A. Archaeological Data on the Varangian Question. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 12 с. (VI international congress of prehistoric and protohistoric sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR).
35. Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 183–244.
36. Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки // Вопросы географии. Сб. 20. М.; Л.: Гос. изд-во географ. лит., 1950. С. 239–270.
37. Бугославский Г. О результатах изысканий гнёздовского могильника // Смоленская старина. Вып. 1, ч. 1. Смоленск: Изд. Смоленской ученой архивной комиссии, 1909. С. 3–16.

38. Булкин В. А. Типы погребального обряда в курганах Гнёздовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общ. ред. Б. А. Колчина и Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 207–210.
39. Булкин В. А. Проблема метода в изучении славянских древностей Северо-Запада // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР / Р. Ф. Итс и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 35–36.
40. Булкин В. А. О так называемых пустых курганах Гнёздовского могильника // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 120–122.
41. Булкин В. А. Кургan 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 81–84.
42. Булкин В. А. Большие курганы гнёздовского могильника // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин: Ээсти Раамат, 1975. С. 134–145.
43. Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси: сб. к 70-летию М.К. Каргера / Отв. ред.: А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 11–17.¹
44. Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате Гнёздовского могильника // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 13–16.
45. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 280 с.
46. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 240 с. (МИА; № 41).
47. Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском у. // ЗРАО. Т. XII, вып. 1–2. СПб., 1901. С. 210–227.
48. Голубева Л. А. Киевский некрополь // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / Ред. Н. Н. Воронин. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 103–118. (МИА; № 11).
49. Голубовский К. А. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1895. 334 с.
50. Горбачев К. А. Отчет о раскопках курганов Смоленской губ. // Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. 49, вып. IV, М., 1887. С. 349–353.
51. Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 3–30.
52. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 280 с.
53. Гроздилов Г. П. Археологические памятники старого Изборска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 7. Л., 1965. С. 65–88.
54. Грязнов М. П. Кургan как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961. С. 22–25.

¹ В рукописи монографии эти статьи значатся ещё «в печати»

55. Гуревич Ф. Д. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. 1958. Вып. 72. С. 54–65.
56. Гуревич Ф. Д. Норманский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин: Эстгосиздат, 1963. С. 197–210.
57. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского образца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1967. С. 191–206. (Тр. ГИМ; вып. 43).
58. Домбровская Е. В. О раскопках древнего могильника, находящегося в сельце Светлом Прудковской волости Смоленского уезда, произведенных в 1908–1910 гг. // Отчет общества изучения Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск: Электро-типо-литогр. Я. Н. Подземского, 1914. С. 24–31.
59. Древности. Труды МАО. Т. IX, вып. 1, М., 1881. 88, 54 с., 14 л. ил.
60. Древности. Труды МАО. Т. X. М., 1885. 218, 98, 10 с., 5 л. ил.
61. Древности. Труды МАО. Т. XI, вып. 1. М., 1886. 97, 27, 5 л. ил.
62. Древности северо-западных областей РСФСР в I тыс. н. э. / Отв. ред. М.А. Тиханова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 452 с. (МИА; № 76).
63. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 75 с., 12 л. ил. (САИ; вып. Д1-12).
64. Золотов Ю. М. О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна» // СА. 1964. № 1. С. 331–333.
65. ИАК. Прибавление к вып. 21. Хроника и библиография. Вып. 11. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1907. 112 с.
66. ИАК. Прибавление к вып. 42. Хроника и библиография. Вып. 20. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. 187 с.
67. ИАК. Прибавление к вып. 44. Хроника и библиография. Вып. 21. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1912. 226 с.
68. ИАК. Прибавление к вып. 56. Хроника и библиография. Вып. 26. СПб., 1914. 197 с.
69. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 580 с., 55 л. ил.
70. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 176 с.: ил. (САИ; вып. Е1-36).
71. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с., 34 л. ил. (САИ; вып. Е1-36).
72. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1971. 92 с., 28 л. ил. (САИ; вып. Е1-36).
73. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ; вып. Е1-36).

74. *Кислов М. Н.* Приемы топографической съемки гнёздовских курганов // КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 117–124.
75. *Клетнова Е. Н.* Раскопки Гнёздова левобережного // Смоленская старина. Вып. III, ч. 2. Смоленск: Типо-литограф. Я. Н. Подземского, 1916. С. 33–41.
76. *Клетнова Е. Н.* Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. Вып. 3–4. С. 23–60.
77. *Клетнова Е. Н.* Великий гнёздовский могильник // *Niederlův sborník. Praha*, 1925. С. 309–322.
78. *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Ред.: Н. Е. Носов, И. П. Шаскольский. Л.: Наука, 1970. С. 226–252. (Тр. Ленинград. отд. Ин-та истории СССР; вып. 11).
79. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. 156 с.
80. *Корзухина Г. Ф.* О гнёздовской амфоре и её надписи // Исследования по археологии СССР: сб. ст. в честь М. И. Артамонова / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 226–230.
81. *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник. Вып. VIII, Таллин: Эстгосиздат, 1964. С. 297–312.
82. *Корзухина Г. Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тезисы докладов Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1966. С. 61–63.
83. *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59–64.
84. *Куликаускаене Р. К.* Погребения с конями у древних литовцев // СА. 1953. XVII. С. 211–222.
85. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 90–97.
86. *Кухаренко Ю. В.* Пинские курганы // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 87–90.
87. *Лебедев Г. С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общ. ред. Б. А. Колчина и Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 180–190.
88. *Лещенко В. Ю.* Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. (по находкам художественной утвари): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. 22 с.
89. *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск: Смоленские гос. музеи и Губоно, 1924. С. 127–184.

90. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. III. Смоленск: Смоленский ун-т, 1926. С. 179–296.

91. *Ляўданскі А. Н.* Археалёгічныя досьледы ў Смаленскай губэрні за 1918 – 1928 гг. // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры археалёгіі. Т. I. Менск: Інстытут беларускае культуры, 1928. С. 285–290.

92. *Ляўданскі А. Н.* Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы Археалагічнай камісіі. Т. II. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1930. С. 269–338.

93. *Ляўданскі А. Н.* Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне (археалёгічныя досьледы С. М. Сакалоўскага ў былым Рослаўскім павеце. Дробныя весткі аб курганных знахадках і гарадзішчах был. Смаленскай губ.) // Працы сэкцыі археалёгіі. Т. III. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1932. С. 5–68.

94. *Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян // Исследования по археологии СССР: сб. ст. в честь М. И. Артамонова / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 203–209.

95. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 383 с. (МИА; № 104).

96. *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII–IX вв.) // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 127–136.

97. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л.: Наука, 1968. 184 с. (МИА; № 152).

98. *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнёздова // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 43–44.

99. *Ляпушкин И. И.* Исследования Гнёздовского поселения // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 66–67.

100. *Ляпушкин И. И.* Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Мавродина / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 33–37.

101. *Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф.* Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. 1970. № 20, вып. 4. С. 7–15.

102. *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.

103. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I-го тысячелетия н. э. // Экспедиции ГИМ / Под ред. В. П. Левашовой. М.: ГИМ, 1969. С. 159–188.

104. *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 149 с.
105. *Минасян Р. С.* Работы в окрестностях пос. Усвяты // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 18.
106. *Минасян Р. С.* Селище Узмень // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 14. Л.: Аврора, 1972. С. 112–117.
107. *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI–VIII вв. в средней и северной Белоруссии // Древности Белоруссии: материалы конф. / АН БССР, отд. обществ. наук, Ин-т истории; ред. В. Ф. Исаенко и др. Минск, 1966. С. 218–235.
108. ОАК за 1892 г., СПб., 1894. 174 с.
109. ОАК за 1898 г., СПб., 1901. 191 с., 7 л. ил.
110. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2 / Ред.: Г. В. Штыхов, Л. Д. Поболь. Минск: Наука и техника, 1972. 248 с.
111. Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. / Подгот. Г. Е. Кочин. Л.: Соцэкгиз, 1936. 219 с.
112. Повесть временных лет. Т. I / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с., 48 л. ил.
113. *Подвигина Н. Л.* Перстни из Гнёздова // Археологический сборник / Ред. Г. А. Федоров-Давыдов и др. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 47–54.
114. *Потин В. М.* Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 183–211.
115. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Ист.-нумизмат. очерк. Л.: Сов. художник, 1968. 239 с.
116. *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Ред.: Н. Е. Носов, И. П. Шаскольский. Л.: Наука, 1970. С. 64–80 (Тр. Ленинград. отд. Ин-та истории СССР; вып. 11).
117. *Прозоровский Д. И.* Описание предметов, хранящихся в Музее Русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. XX, 149 с., 8 л. ил.
118. *Пушкина Т. А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. Серия 9: История. 1972. № 1. С. 92–94.
119. *Равдина Т. В.* О датировке вятических курганов // СА. 1965. № 1. С. 122–129.
120. *Русанова И. П.* Территория древлян по археологическим данным // СА. 1960. № 1. С. 63–69.
121. *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. М.: Наука, 1966. 47 с., 16 л. ил. (САИ; вып. Е1-24).

122. *Русанова И. П.* Карта распространения памятников типа Корчак (VI–VII вв. н. э.) // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 93–96. (МИА; № 176).
123. Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб.: Археограф. комис., 1898. 462 с.
124. *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археалогіі. Т. III. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1932. С. 81–152.
125. *Рабакoв Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с., 9 л. ил.
126. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / Ред. Н. Н. Воронин. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 7–99. (МИА; № 11).
127. *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 34–57.
128. *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси (тезисы доклада) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / Ред. З. В. Удальцова и др. М.: Наука, 1969. С. 25–28.
129. *Савін Н. І.* Раскопки курганоў ў Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы Археалагічнай камісіі. Т. II. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1930. С. 219–252.
130. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 158 с. (МИА; № 92).
131. *Седов В. В.* Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47–62.
132. *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 3–12.
133. *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 103–121.
134. *Седов В. В.* Дреговичи // СА. 1963. № 3. С. 112–125.
135. *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 246–251.
136. *Седов В. В.* Исследования в Гродненском Понеманье // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 346–347.
137. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 200 с. (МИА; № 163).
138. *Седов В. В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970. 56 с. (САИ; вып. Е1-8).
139. *Седов В. В.* Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 54–60.
140. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1902. 136 с. (МАР; № 28).

141. Сизов В. И. Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды Одиннадцатого АС (Киев, 1899). Т. II. М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1902. С. 81 (3-я паг.).
142. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; ред. А. И. Аванесов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.
143. Соловьёва Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н. э. // СА. 1956. XXV. С. 138–170.
144. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. IX, вып. 1–2. Новая серия. Труды Отделения славянской и русской археологии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. С. 237–293.
145. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. XI, вып. 1–2. Новая серия. Труды Отделения славянской и русской археологии. Кн. 4. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1899. С. 177–302.
146. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. VIII. С. 301–340.
147. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1905. С. 6–70.
148. Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1905. С. 84–172.
149. Спицын А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VIII, вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. С. 185–211.
150. Спицын А. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VII, вып. 2. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907. С. 237–240.
151. Сымонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 97–137. (МИА; № 108).
152. Таутавичюс А. З. Восточно-литовские курганы // Вопросы этнической истории Прибалтики / Ред.: С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 128–153.
153. Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 56–75.
154. Тиханова М. А. Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнёздове // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 28–30.
155. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
156. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.

157. *Третьяков П. Н.* Городища-святилища левобережной Смоленщины // СА. 1958. № 4. С. 170–186.
158. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 306 с.
159. *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА. 1969. № 4. С. 78–90.
160. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 156 с. (МИА; № 179).
161. *Третьяков П. Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теоретические основы советской археологии: тез. докл. на теоретич. семинаре ЛОИА АН СССР I–IV 1970 г. Л., 1969. С. 28–33.
162. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 194 с.
163. Указатель памятников / Рос. Ист. музей. 2-е доп. изд. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1893. 603 с.
164. *Успенская А. В.* Курганы южной Белоруссии X–XIII вв. // Археологический сборник. М.: Госкультпросветиздат, 1958. С. 97–124. (Тр. ГИМ; вып. 22).
165. Устюжский летописный свод / Под ред. К. И. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 127 с.
166. *Фехнер М. В.* Шихинская курганная группа // СА. 1959. № 4. С. 239–242.
167. *Фехнер М. В.* О «скрамасаксе» из Гнёздова // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 260–262. (МИА; № 130).
168. *Фурсов М. В., Чоловский С. Ю.* Дневник раскопок в Рогачевском, Быховском, Чериковском, Климовичском и Мстиславльском уездах // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 г. Могилев на Днепре: Тип. губ. правл., 1893. С. XXV–LIII.
169. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // Этногенез восточных славян / Ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 93–148. (МИА; № 6).
170. *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука, 1965. 221 с.
171. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 687 с.
172. *Ширинский С. С.* Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнёздова // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 215–223.
173. *Ширинский С. С.* Смоленские курганы у пос. Новосёлки и г. Ярцево // АО 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 69.
174. *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изуче-

нии истории первобытного общества, рабовладения и феодализма / Ред. П. И. Засурцев и др. М.: Наука, 1970. С. 189–211.

175. *Ширинский С. С.* Курганы IX – первой половины X вв. у пос. Новосёлки // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 114–116. (МИА; № 176).

176. *Шмидт Е. А.* Новые данные об археологических памятниках Смоленской области (реки Сож, Остер, Хмара, Соженка) // МИСО. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 368–408.

177. *Шмидт Е. А.* Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949–1955 гг. // Сборник научных трудов. Вып. 1 / Смоленский краевед., науч.-исслед. ин-т. Смоленск, 1957. С. 274–297.

178. *Шмидт Е. А.* Курганы XI–XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье // МИСО. Вып. 2. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1957. С. 184–280.

179. *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 162–169.

180. *Шмидт Е. А.* Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской обл. // СА. 1962. № 4. С. 189–196.

181. *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. // Славяне накануне образования Киевской Руси / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 51–67 (МИА; № 108).

182. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины первого тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // МИСО. Вып. 5. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1963. С. 85–128.

183. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи: материалы юбилейной науч. конф. / Отв. ред. Г. Т. Рябков. Смоленск, 1967. С. 43–61.

184. *Шмидт Е. А.* Раскопки в Днепро-Двинском междуречье на Смоленщине // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 37.

185. *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 224–229.

186. *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. Наука. М.: Наука, 1969. С. 63.

187. *Шмидт Е. А.* Изучение памятников I тыс. н. э. в Смоленском Подвине // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 68.

188. *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнёздова (IX–X вв.) // СА. 1970. № 3. С. 102–108.

189. *Шмидт Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. Вып. 7. Смоленск: Московский рабочий, 1970. С. 219–235.
190. *Шмидт Е. А.* Раскопки памятников I тыс. н. э. в Смоленской области // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 74.
191. *Шмидт Е. А.* Работы в Смоленской области // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 88.
192. *Шмидт Е. А.* О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии: сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского / Ред. В. Л. Янин. М.: МГУ, 1972. С. 145–151.
193. *Штыхов Г. В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет // Древности Белоруссии: доклады к конф. по археологии Белоруссии (март 1969 г.) / Ред. В. Д. Будько и др. Минск, 1969. С. 118–129.
194. *Штыхов Г. В.* Исследования в северной Белоруссии // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 309.
195. *Штыхов Г. В.* Исследования в Витебской и Минской областях // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 313.
196. *Штыхов Г. В.* Раскопки в северной Белоруссии // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 402.
197. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. XV. С. 325–344.
198. *Янин В. Л.* Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // ВИ. 1955. № 8. С. 135–142.
199. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956. 208 с.
200. *Anderssen H.* Tomme hoje // Kuml: Årbog for Jysk arkæologisk selskab. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 1951. P. 91–135.
201. *Arbman H.* Birka. 1. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943. 529 p.
202. *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm: Natur och kultur, 1955. 167 p.
203. *Arbman H.* Skandinavisk Handverk in Russland zur Wikingerzeit // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska museum. 1959. Lund, 1960. P. 110–135.
204. *Arbman H.* The Vikings. London: Thames and Hudson, 1961. 212 p. (Ancient Peoples and Places; 21).
205. *Arbman H.* Vikingarna härnadståg, handelsvägar, kultur. Stockholm: Bonniers, 1962. 223 s.
206. *Arne T. J.* La Suède et l'orient, études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K. W. Appelberg, 1914. 240 p.

207. *Arne T. J.* Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare // Arkeologiska forskningar och fynd / Ed. M. Stenberger. Stockholm: Svenska Arkeologiska Samfundet, 1952. S. 335–344.
208. *Arne T. J.* Die Warägerfrage und die Sowjetrussische Forschung // Acta Archaeologica. XXIII. Copenhagen, 1952. S. 138–147.
209. *Brøndsted J.* Vikingerne. København: Gyldendal, 1960. 294 s.
210. *Hermann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 374 S.
211. *Jankuhn H.* Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster: Karl Wachholtz, 1963. 292 S.
212. *Jankuhn H.* Typen und Funktionen vor- und frühwikingerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien: Hermann Böhlau, 1971. 38 S. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte; 273, Bd. 5).
213. *Kudlaček J.* Boj sovietskej archeologie proti normanizmu // Časopis pro slovenské jazyky, literatura a dejiny SSSR. 1956. 1. S. 421–426.
214. *Lowmianski H.* Zagadnienie roli normanow w genezie Panstw slowianskich. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. 203 S.
215. *Müller-Wille M.* Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte. Neumünster: Karl Wachholtz, 1970. 203 S. (Offa; Bd. 25–26).
216. *Nerman B.* Grobin-Seeburg, Ausgrabungen und Funde. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958. 200 S.
217. *Oxenstierna E.* Die Wikinger. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1959. 270 S.
218. *Paulsen W.* Studien zur Wikingerkultur. Neumünster: Karl Wachholtz, 1933. 116 S.
219. *Petersen J.* De norske vikingesverd. Kristiania: I kommission hos Jacob Dybwad, 1919. 228 S. (Videnskabsselskabets Skrifter; II. Historisk-filosofiske klasse; 1).
220. *Petersen J.* Vikingetidens Redskaper. Oslo: Jacob Dybwad, 1951. 536 S.
221. *Petersen J.* Vikingetidens smykker i Norge. Stavanger, 1955. 38 S.
222. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958. 381 S.
223. *Sawyer P. H.* The Age of the Vikings. London: E. Arnold, 1962. 254 p.
224. *Vogel W.* Handelsverkehr, Städtewesen und Staatenbildung in Nordeuropa im frühen Mittelalter // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1931. S. 257–275.
225. *Wilson D. M.* East and West: a comparison of Viking settlement // Varangian problems. Copenhagen: Munksgaard, 1970. P. 107–116. (Scando-Slavica. Supplementum; I).

226. *Żurowski K., Mikołajczyk G.* Sprawozdanie z badań Kurchanu we wsi Husynne pow. Hrubieszowskim w 1954 r. // *Sprawozdania Archeologiczne*. T. I. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1955. S. 251–267.

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия

АС – Археологический съезд

ВИ – Вопросы истории

ГИМ – Государственный исторический музей

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества

ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества

ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МАО – Московское Археологическое общество

МАР – Материалы по археологии России

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИСО – Материалы по изучению Смоленской области

ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников

NAR – Norwegian Archaeological Review

АРХИВНЫЕ ДЕЛА

1. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1870, № 25
2. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1885, № 13
3. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1894, № 55
4. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1896, № 69
5. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1898, № 172
6. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1899, № 106
7. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1900, № 17
8. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, № 7
9. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1901, № 141
10. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1905, № 54
11. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1909, № 184
12. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1912, № 192
13. Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1914, № 323
14. Архив ИИМК РАН, ф. 2, 1937, № 34
15. Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1967, ед. хр. 16
16. ГИМ, научно-вспомогательный архив, ф-1, № 1

СПИСОК РАБОТ В.А. БУЛКИНА

1. *Булкин Вас.* Популярна пра археалогію (рец. на книгу: Г.В. Штыхаў. Галасы далекіх продкаў. Мінск, Беларусь, 1968) // Журнал «Маладосць», № 3. Мінск, 1969. С. 140.
2. *Булкин В.А.* Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 207-210.
3. *Булкин В.А., Клейн Л.С., Андреев В.Ф., Иванов Б.В., Раев Б.А.* Курганы под Новочеркасском // АО 1970 года. М., Наука, 1971. С. 103.
4. *Булкин В.А., Назаренко В.А.* О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 125. М., Наука, 1971. С. 13-16.
5. *Булкин В.А., Назаренко В.А., Носов Е.Н.* О работах Староладожского отряда // АО 1971 года. М., Наука, 1972. С. 31- 32.
6. *Булкин В.А.* Где искать легенду // Ленинградский университет, № 42. Л., 1972.
7. *Булкин В.А.* Проблемы метода в изучении славянских древностей Северо-Запада // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., изд-во ЛГУ, 1972. С. 35-36.
8. *Булкин В.А., Назаренко В.А., Овсянников О.В.* Раскопки в Копорье // АО 1971 года. М., Наука, 1972. С. 43 - 44.
9. *Булкин В.А.* О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 135. М., Наука, 1973. С. 120 - 122.
10. *Bulkin V.A.* On the Classification and Interpretation of Archeological Material from the Gnezdovo Cemetery (рецензия на статью Д.А. Авдусина) // Norwegian Archeological Review. Vol. 6, No. 1. Oslo, Universitets Forlaget, 1973. Pp. 10-13.
11. *Булкин В.А.* Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья // Автореф. канд. дисс. Л., 1973. 22 с.
12. *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка. К проблеме становления города // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11-17.
13. *Лебедев Г.С., Дубов И.В., Булкин В.А., Розов А.А., Кухарева Л.С., Ефимова Н.А., Стеценко Н.К.* Раскопки в Городце под Лугой // АО 1973 года. М. Наука, 1974. С. 18-19.
14. *Булкин В.А.* Курган 7 из раскопок С.И. Сергеева в Гнездове // КСИА. Вып. 144. М., Наука, 1975. С. 81-84.
15. *Булкин В.А., Лебедев Г.С., Назаренко В.А.* Древнерусские памятники бассейна реки Каспли и путь из «варяг в греки» // Вестник ЛГУ, 14, вып. 3. Л., 1975. С. 166-170.

16. Булкин В.А. Большие курганы Гнёздовского могильника // Скандинавский сборник. Т. X. Таллин, 1975. С. 134-145.
17. Булкин В.А., Бодунов Е.В., Воробьев В.А., Лесман Ю.М., Урбан Ю.Н. Работы Калининского отряда // АО 1975 года. М., Наука, 1976. С. 55-56.
18. Булкин В.А. Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами Гнёздовского могильника // Тезисы VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Часть I. М.-Л., 1976. С. 151-153.
19. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Научное совещание на кафедре археологии ЛГУ // Вестник ЛГУ. Серия истории, литературы и языкознания, № 2. Л., 1977. С. 165-167.
20. Булкин В.А. Курган из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // Проблемы археологии и этнографии. Л., изд-во ЛГУ, 1977. С. 33-37.
21. Булкин В.А. О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., изд-во ЛГУ, 1977. С. 101-103.
22. Булкин В.А. О некоторых особенностях раннегородских центров Древней Руси // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего Средневековья» (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / Ответ. ред. В.М. Массон. Л., 1977. С. 71-73.
23. Булкин В.А. Погребальный обряд кургана 16 из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // Проблемы археологии. Вып. II. Л., изд-во ЛГУ, 1978. С. 163-169.
24. Дубов И.В., Булкин В.А. Тимерёво и Гнёздово // Из истории феодальной России. Л., изд-во ЛГУ, 1978. С. 16-20.
25. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX - XI вв. Л., изд-во ЛГУ, 1978. 149 с.
26. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) // Scando-Slavica. Т. XXIV. Copenhagen, 1978. С. 63-89.
27. Булкин В.А., Булкин Вал.А., Смирнов В.Н., Ратнер И.Е. Работы в Полочке // АО 1978 года. М., Наука, 1979. С. 430-431.
28. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи в IX - XI вв. на современном этапе археологического изучения // Тезисы VIII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979. Ч. I. С. 173-175.
29. Булкин В.А., Гадло А.В., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археология // Советское источниковедение Киевской Руси. Историографические очерки. Л., Наука, 1979. С. 88-104.

30. Булкин В.А., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160. М., Наука, 1980. С. 24-38.
31. Булкин Вал. А., Булкин В.А. Седую древность постигая. Рец. на книгу: Г.В. Штыхов. Города Полоцкой земли. Минск, Наука и техника, 1978 // Журнал «Неман». Минск, № 3. 1980. С. 184-187.
32. Булкин В.А. Курган 97 из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., изд-во ЛГУ, 1982. С. 138-142.
33. Булкин В.А. Ледь по росі помітний слід веде... // Журнал «Людина і світ». Київ, 1982. № 5. С. 37-40.
34. Булкин В.А. Преимущество археологических культур и этнический процесс (по данным средневековой археологии Восточной Европы) // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 56-66.
35. Булкин В.А., Лебедев Г.С., Клейн Л.С. Attainments and problems of Soviet archeology // World Archaeology. Vol. 13 № 3 1982. С. 272-295.
36. Булкин В.А. Рецензия на сборник «Финно-угры и славяне в эпоху средневековья» Л., 1979 // СА. № 2. М., Наука, 1983. С. 270-275.
37. Булкин В.А., Булкин Вал.А. Жывое мінулае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4. Мінск, 1983. С. 44-45.
38. Булкин В.А. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 5-8.
39. Булкин В.А. О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., изд-во ЛГУ, 1984. С. 55-63.
40. Булкін Вал.А., Булкін Вас.А. З глыбінь стагоддзяў // «За передовую науку», № 22, 8 июня 1984 г. Изд. АН БССР. 1984. С. 7 (о книге Г.В. Штыхова «Ажываюць сівыя стагоддзі. Мн., 1982).
41. Залашко Г.М., Булкин В.А. Городище Кимбаровка: (Гомельская область) // АО 1983 года. М., Наука, 1985. С. 388-389.
42. Булкин В.А. Из истории гидронима Двина // Материалы к этнической истории Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 78-91.
43. Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII — начала X в. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 13-26.
44. Булкин В.А. Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепро-Двинского междуречья // Труды V международной

конференции славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 2а. Секц. II. С. 34-42.

45. *Дубов И.В., Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник ЛГУ. Серия истории, литературы и языкознания. Вып. 3. Л., 1987. С. 12-26.

46. *Булкин В.А.* Река Полота и загадочный Турунт // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 10-11.

47. *Булкин В.А., Смирнов В.Н.* О месте Полоцка на Западной Двине // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 12-13.

48. *Булкин В.А., Герд А.С.* К этноисторической географии Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1987. С. 69-70.

49. *Булкин В.А., Смирнов В.Н.* О месте Полоцка на Западной Двине // Тезисы докладов конференции «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 12-13.

50. *Булкин В.А., Богуславский О.И.* Комплекс археологических памятников у дер. Городище на реке Сясь // Тихвинский сборник. Вып. 1. «Археология Тихвинского края». Тихвин, 1988. С. 86-89.

51. *Булкін В.О.* Великі кургани Чернігова і Гньоздова // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства (грудень 1988 р.). Тези доповідей. Вип. II. Чернігів — Ніжин, 1988. С. 14-15.

52. *Булкин В.А.* Об особенностях географии смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 84-86.

53. *Булкин В.А.* Герцике и Кукейнос (к постановке проблемы) // Генезис и развитие феодализма в России. Л., изд-во ЛГУ, 1988. С. 124-139.

54. *Булкин В.А., Зоценко В.А.* Днепро-Неманский путь и Южная Русь // Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1988. С. 61-64.

55. *Булкин В.А.* Варяги в области днепро-двинского междуречья и вопросы археологического источниковедения // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1989. С. 136-137.

56. *Булкин В.А., Герд А.С.* К этноисторической географии Белоруссии // Славяне (этногенез и этническая история). Л., изд-во ЛГУ, 1989. С. 67-76.

57. *Булкин В.А.* Полесье и Верхнее Поднепровье в I тыс. н. э. // Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1990. С. 155-157.

58. Булкин В.А., Зоценко В.А. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь в IX–XI вв. // «Проблемы археологии Южной Руси». Тезисы докладов историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990. С. 117–123.
63. Булкин В.А. Полесье и Верхнее Поднепровье в I тыс. н. э. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в XI–XIII вв.» (15–18 мая 1990 г.). Чернигов, 1990. С. 155–157.
64. Орлов Р.С., Булкин В.А. Роботи Правобережної давньоруської експедиції // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Ч. II. Київ, Ін-т археології, 1991. С. 4–5.
65. Булкин В.А., Герд А.С. Очерк древнейшей истории района озера Селигер // Вопросы изучения среднерусских говоров. Тверь, 1992. С. 4–13.
66. Булкин В.А. Древний Минск (особенности местоположения) // Тезисы научной конференции «Население Белоруссии в железном веке», посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Митрофанова. Минск, 1992. С. 32–34.
67. Булкин В.А. Серединная Русь // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. Тезисы докладов Симпозиума. Октябрь 1993. СПб., изд-во СПбГУ, 1993. С. 36–38.
68. Булкин В.А. Мачинский Д.А., Ставаны, КШК и др. // Петербургский археологический вестник. № 6. СПб., 1993. С. 96–97.
69. Булкин В.А. Дублетная гидронимия Верхнего Поднепровья и Подвинья // Час, помнікі, людзі. Памяц рэпресаваных археолагаў. Тезисы докладов Международной конференции. Минск, 27–30 октября 1993 г. Минск, 1993. С. 17–20.
70. Булкин В.А. К истории ареальных границ в верховьях Западной Двины, Днепра и верхневолжских озер // Среднерусские говоры: проблемы истории. Тверь, 1994. С. 5–13.
71. Булкин В.А., Седых В.Н. Новое обследование средневековых поселений в Усвятах // Древности лесной зоны Восточной Европы. Тезисы докладов к заседанию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, посвященному 60-летию А.М. Микляева. СПб., 1994. С. 26–28.
72. Булкин В.А., Мачинская А.Д., Мачинский Д.А. Древняя Ладога: истоки славяно-балтского компонента // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов / науч. ред. Г.В. Вилинбахов. СПб., Государственный Эрмитаж, 1994. С. 37–38.
73. Булкин В.А. Культурно-исторические области Верхнего Поднепровья и Подвинья // Культурные трансляции и исторический процесс. Тематический сборник научных статей. СПб., 1994. С. 120–134.

74. Булкин В.А., Булкин Вал. А. Древний Полоцк: у истоков культуры // Проблемы археологии. Памятники древнего и средневекового искусства. Вып. III. СПб., изд-во СПбГУ, 1994. С. 161-180.

75. Булкин В.А. Археология и вопросы генезиса древнерусского города: трудности и перспективы // Старожитності Русі — України. Київ, 1994. С. 108-114.

76. Булкин В.А. Днепро-двинское пространство — «срединная Русь» // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1995. С. 130-135.

77. Булкин В.А. Словене и кривичи в верховьях Днепра и Западной Двины // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., изд-во СПбГУ, 1995. С. 218-237.

78. Булкин В.А. Славяно-русская археология // Программы базовых курсов по археологии / Отв. ред. проф. Д.Г. Савинов. СПб., изд-во СПбГУ, 1997. С. 63-70.

79. Булкин В.А. Несколько заметок о значении восточноевропейских рек в истории Древней Руси // Природа и цивилизация: Реки и культуры. Материалы конференции / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : Европейский Дом, 1997.

80. Булкин В.А. «Ретроспектива» происхождения славян в отечественной археологии 60—90 годов XX в. // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. Вып. 4. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб., СПбГУ, 1998. С. 178-187.

81. Булкин В.А., Седых В.Н. Проблема расселения славян в лесной полосе Восточной Европы в трудах М.И. Артамонова // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. Тезисы докладов. СПб., издательство Государственного Эрмитажа, 1998. С. 143-146.

82. Булкин В.А. Градообразующая зона // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 20-22.

83. Булкин В.А., Седых В.Н. Историко-культурные зоны Волго-Окского междуречья, Верхнего Поднепровья и Подвинья // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 5. М., 1999. С. 333-340.

84. Герд А.С., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Седых В.Н. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 392 с.

85. Булкин В.А., Седых В.Н. «...Иже сеять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра...» в историко-археологической ретроспективе // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 131-133.

86. Булкин В.А., Седых В.Н. «...И есть могила его у Искоростеня...». У истоков древнерусского некрополя // Новый часовой. № 10. СПб., 2000. С. 22-36.

87. Булкин В.А., Седых В.Н. Свято место пусто не бывает? // Святотилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 90-93.

88. Булкин В.А., Седых В.Н. Минск — Смоленск — Москва: истоки становления столичного центра // Минск — Смоленск — Москва: этнография славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции, состоявшейся 21-23 сентября 1999 г. Смоленск, 2000. С. 55-60.

89. Булкин В.А. Библиография // Программы источниковедческих и методических курсов по археологии / Отв. ред. проф. Д.Г. Савинов. СПб., изд-во СПбГУ, 2000. С. 8-11.

90. Вешнякова К.В., В.А. Букин. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып 124. М., 2001. С. 40-53; ил.

91. Булкин В.А., Седых В.Н. Киев — Минск — Смоленск — Москва: истоки становления столичного центра // Гістарычна-археалагічны зборник. № 17. Мінск, 2002. С. 152-154.

92. Булкин В.А. Серединная Русь // Программы специальных курсов по археологии / Отв. ред. проф. Д.Г. Савинов. СПб., изд-во СПбГУ, 2002. С. 73-75.

93. Булкин В.А., Седых В.Н., Каргапольцев С.Ю. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 3. С. 142-152.

94. Булкин В.А., Седых В.Н. «Что город, то норы; что деревня, то обычаи»? Археологический комментарий к проблеме формирования городских центров Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. редакторы: А.Е. Мусин (ред.-сост.), Н.В. Хвощинская. СПб., Дмитрий Буланин, 2010. С. 103-112.

95. Булкин В.А., Седых В.Н. «Брянский треугольник» между Дунаем и Истром // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвященной

100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева / Под ред. А.И. Чистобаева, А.Г. Новожилова, А.В. Нори́на. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 159-183.

96. Булкин В.А., Седых В.Н. «Мьельнир» над Гнёздовым (sacra — знак благодати или беды?) // Хетеротопия и природни ресурсы. Международна конференция. София, изд-во Нового Болгарского университета, 2012. С. 221-224.

97. Булкин В. А. Иду на вы, Дмитрий Алексеевич Мачинский (эскизный набросок на фоне города, его друзей и своей ненадёжной памяти) // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб., Нестор-История, 2014. С. 21-28.

98. Булкин В. А. От Керкадо до Керкадора каркнул ворон: «Nevermore!» // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб., Нестор-История, 2014. С. 133-156.

99. Булкин В.А., Седых В.Н. «Мьельнир» над Гнёздовым (sacré — знак благодати или беды?) // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. N 5. 2018. С. 47-49.

100. Булкин В.А., Седых В.Н. «Брянский треугольник» между Дунаем и Истром: из истории топонимов Европы // Пловдивски исторически форум. Том IV (2020), выпуск 1. Пловдив, Университетско издательство “Паисий Хилендарски”, 2020. С. 5-25.

101. Лебедев Г.С., Булкин В.А., Витязева В.А. II. Касплянский дневник 1966 г. // Археология Северной Руси и Балтики: К 80-летию Глеба Сергеевича Лебедева. Том 1 / Под ред. В.А. Витязева-Лебедева, Е.Р. Михайлова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. С. 52-67.

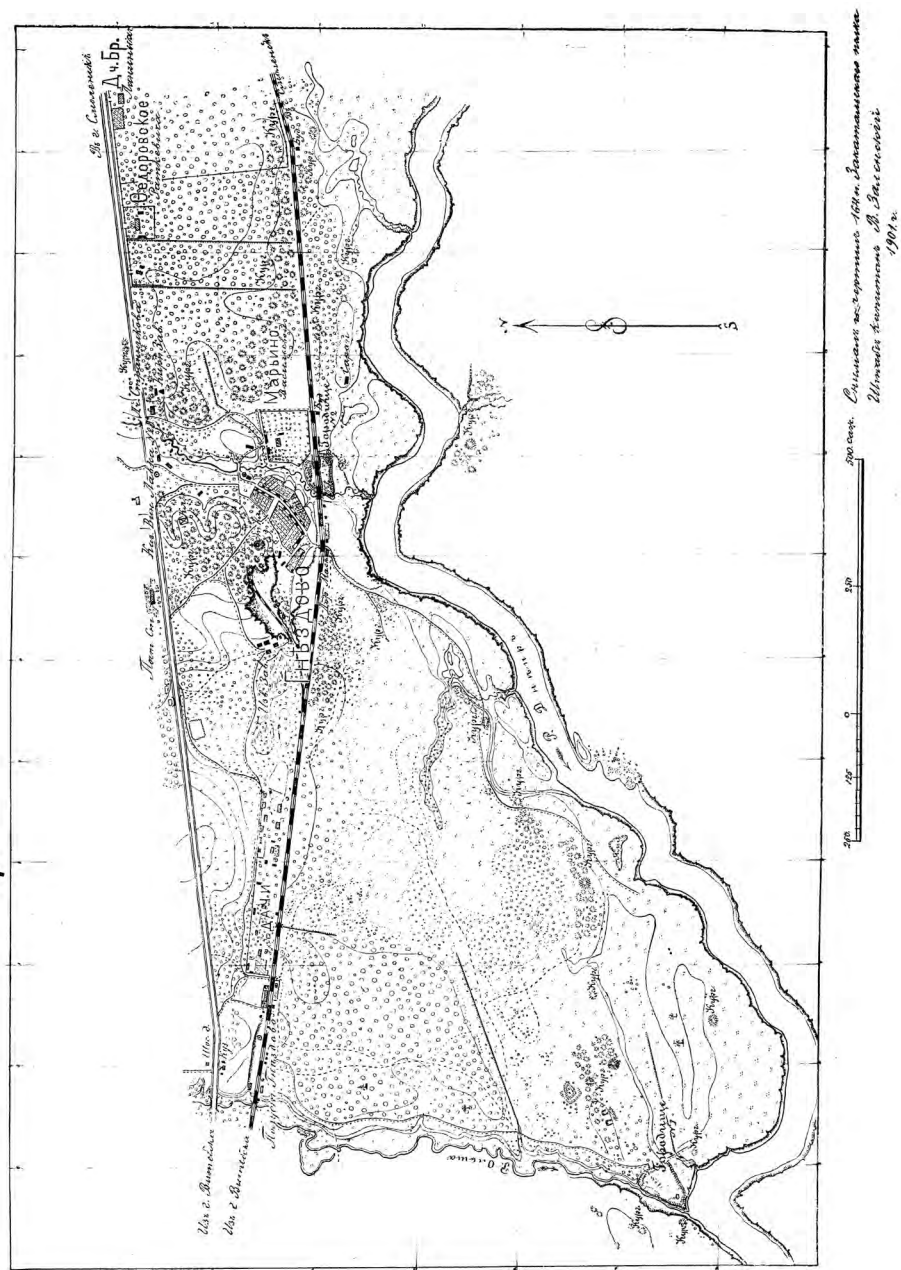

Таблица 1. План окрестностей Гнёздова по съемке капитана В. Заленского, 1901 г.

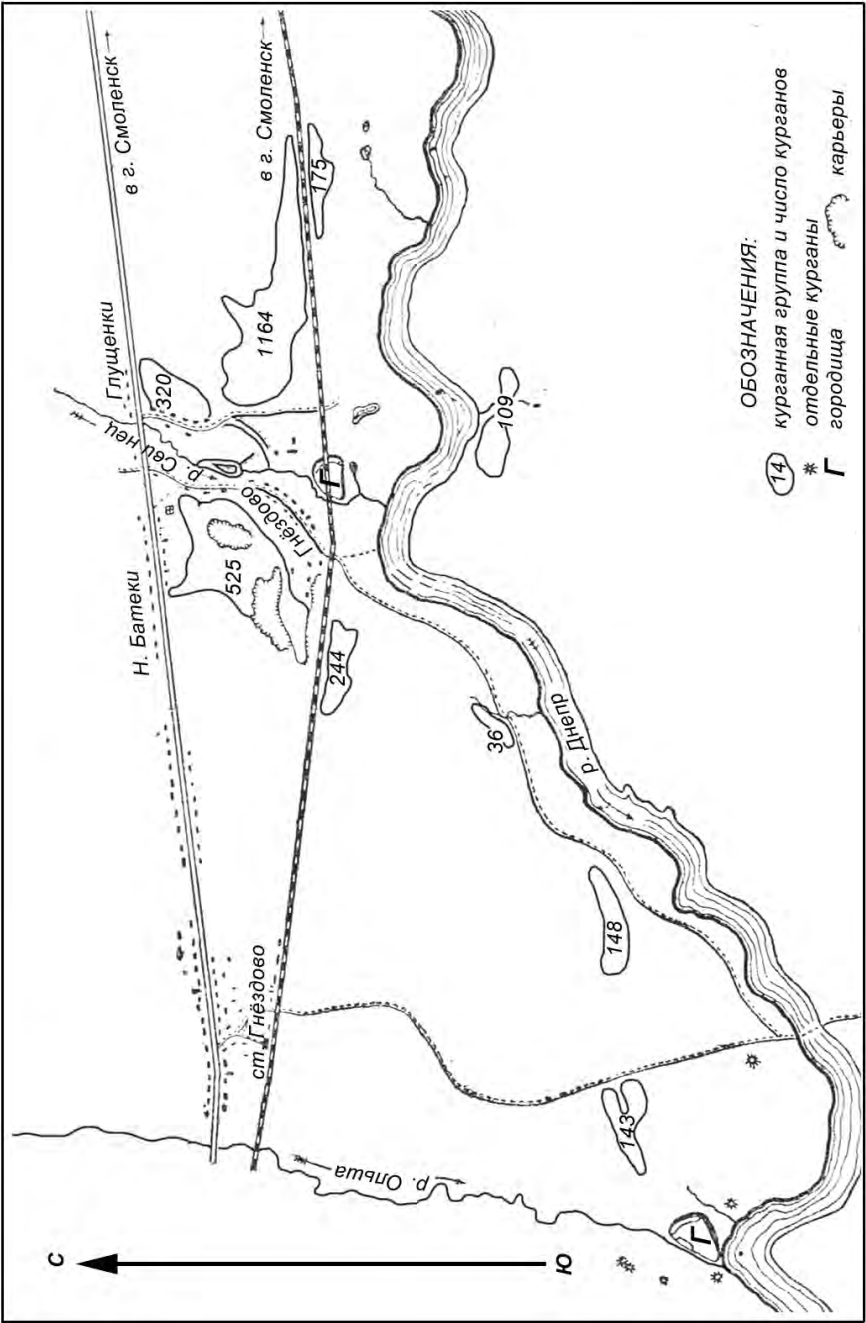

Таблица 3. План археологических памятников в районе Гнездова (по Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов // МИСО вып. 2, Смоленск 1957, рис. 6)

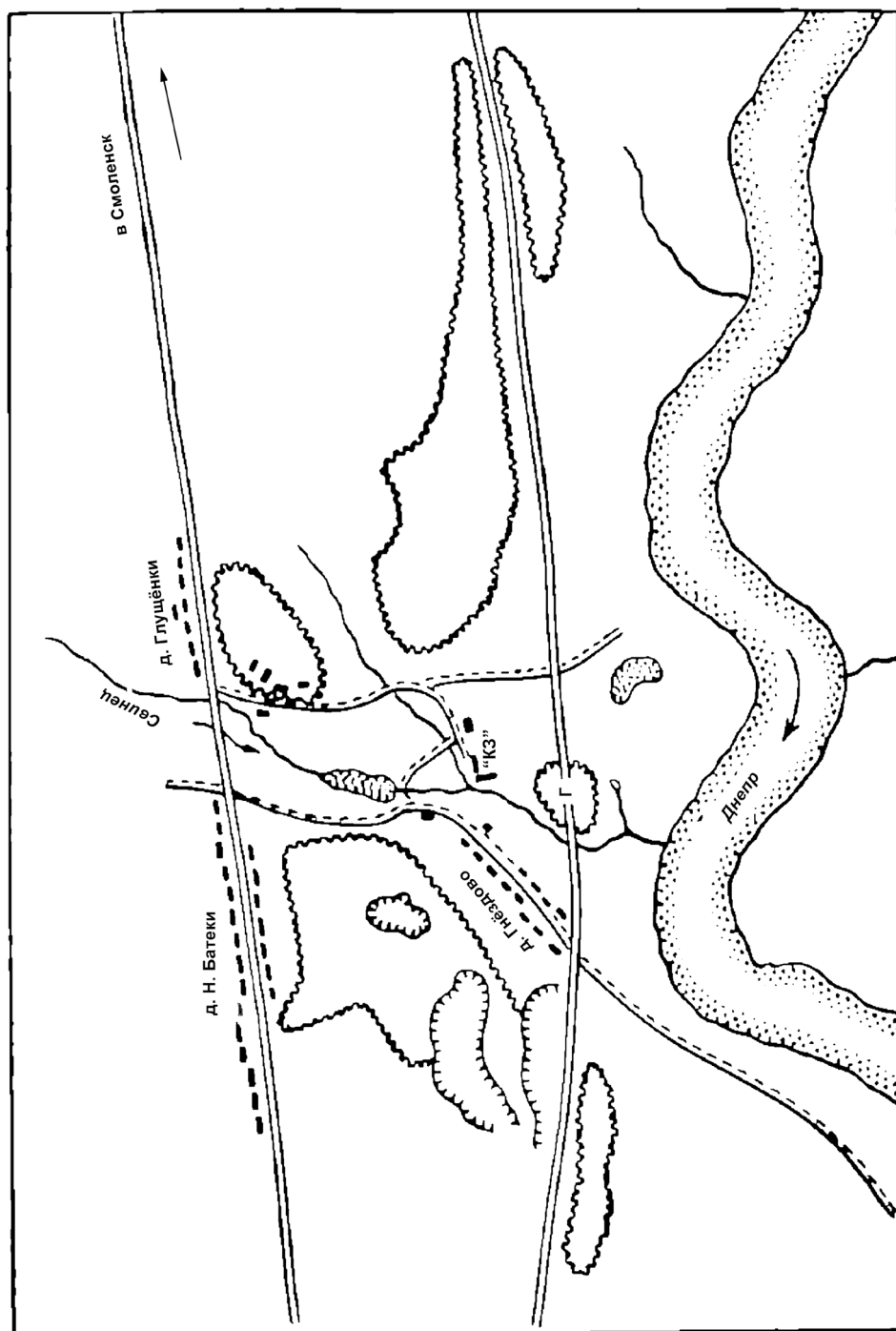

Таблица 4. План археологических памятников в районе д. Гнёдова — Лесная и Центральная группы (по Аведусину)

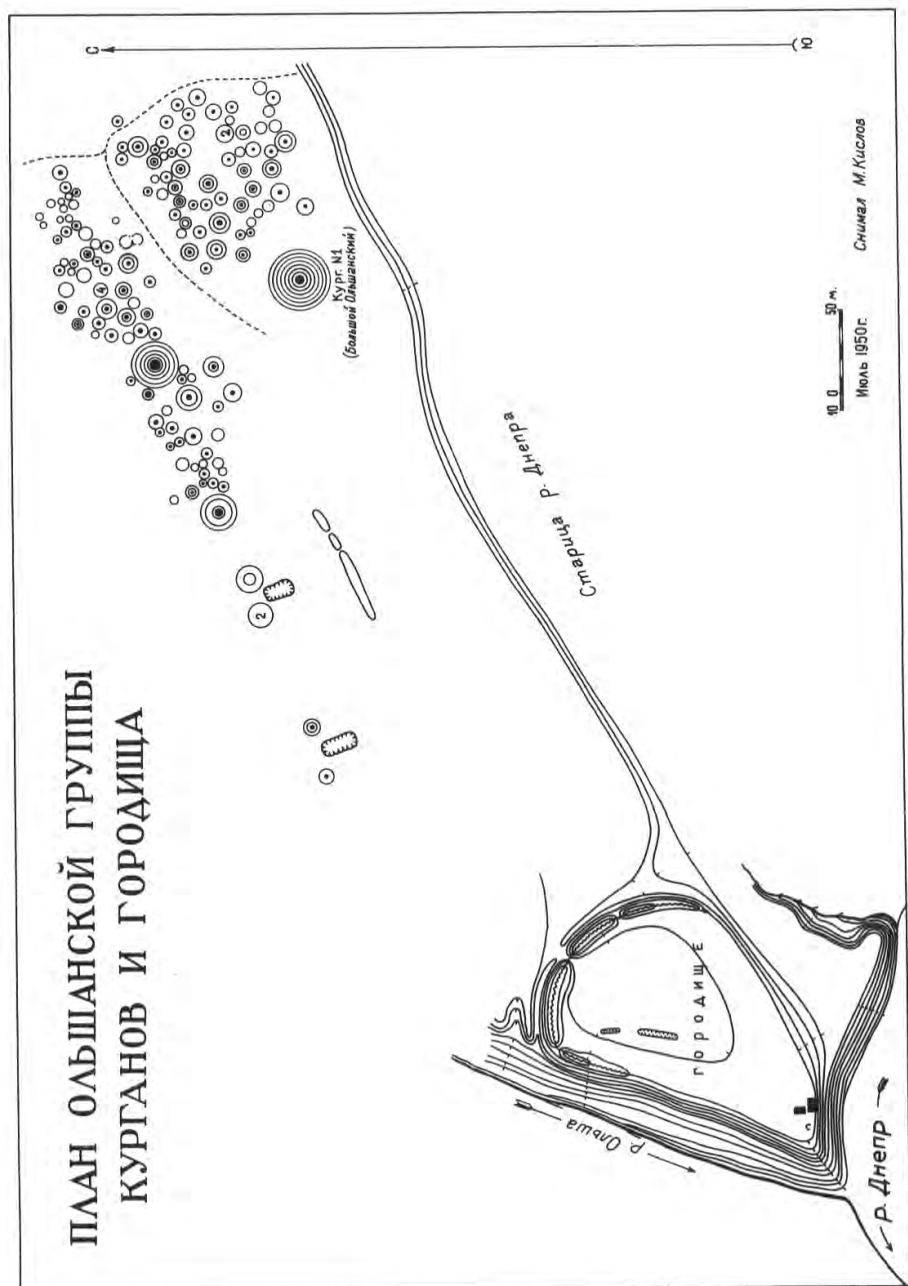

Таблица 5. План археологических памятников в районе Гнёздова — Ольшанская группа (по Авдусину)

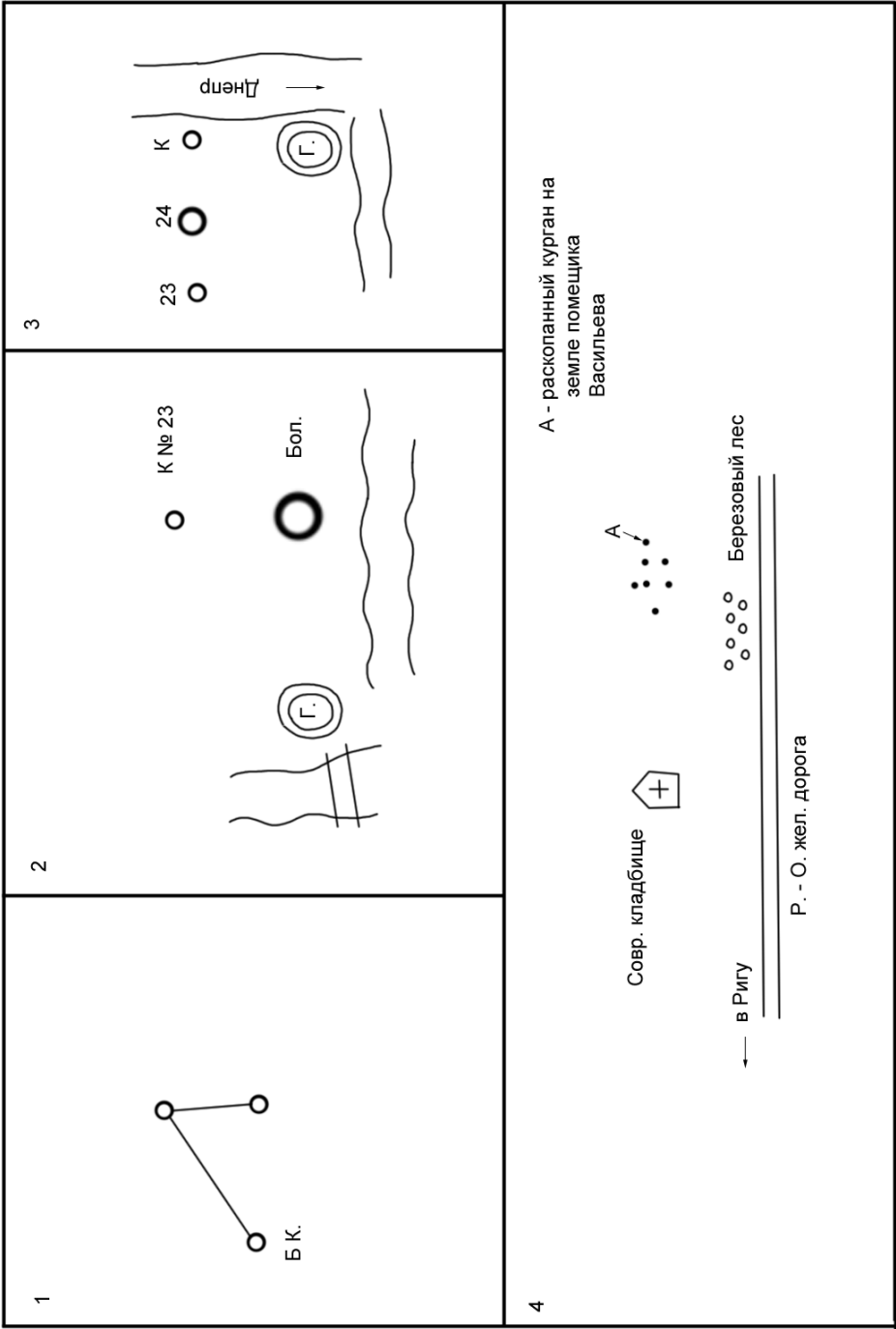

Таблица 6. Схематические планы И.С. Абрамова. 1 – 3 – Ольшанская группа; 4 – Центральная группа

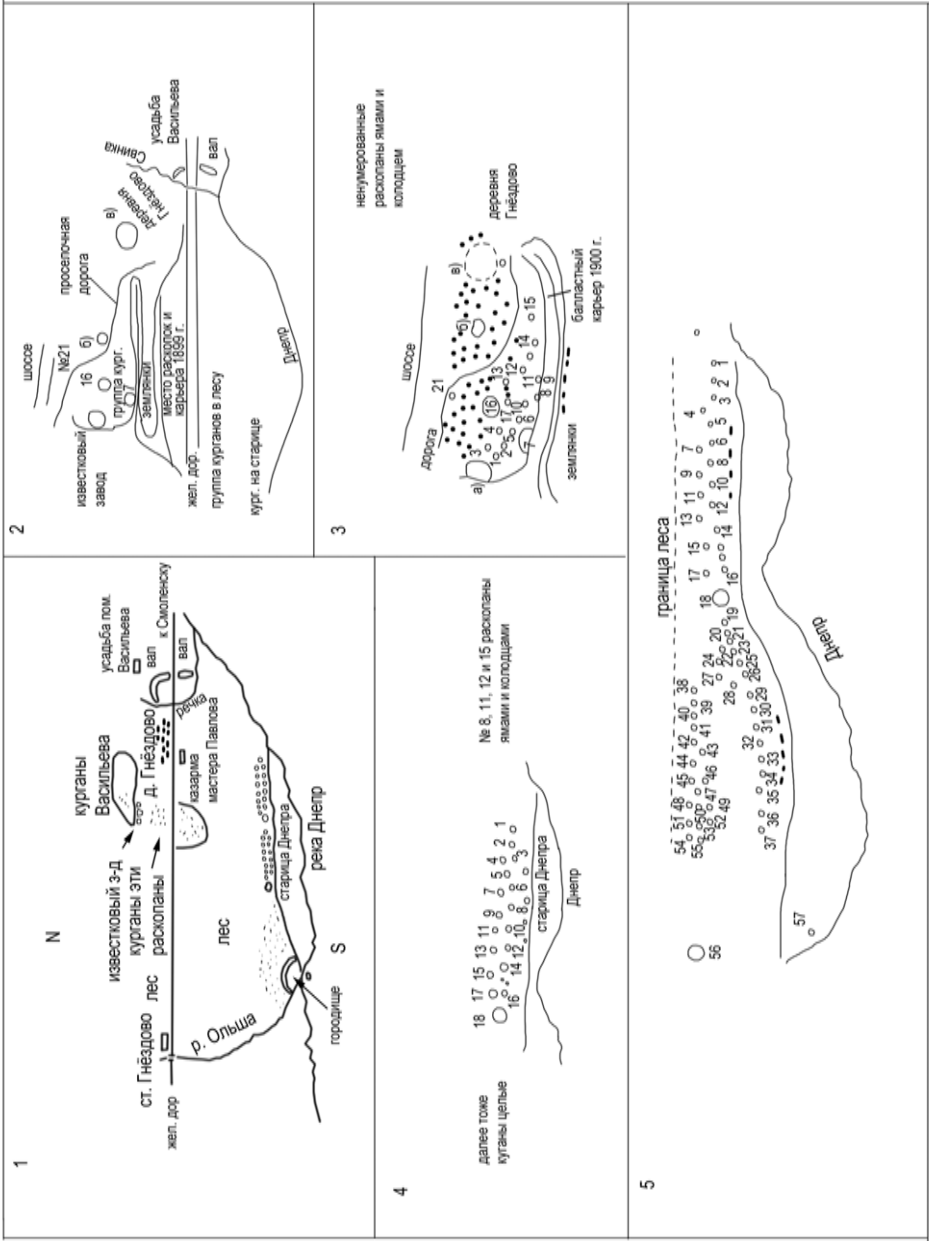

Таблица 7. Схематические планы С.И. Сергеева. 1-3 — Центральная группа; 4-5 — «группа Сергеева».

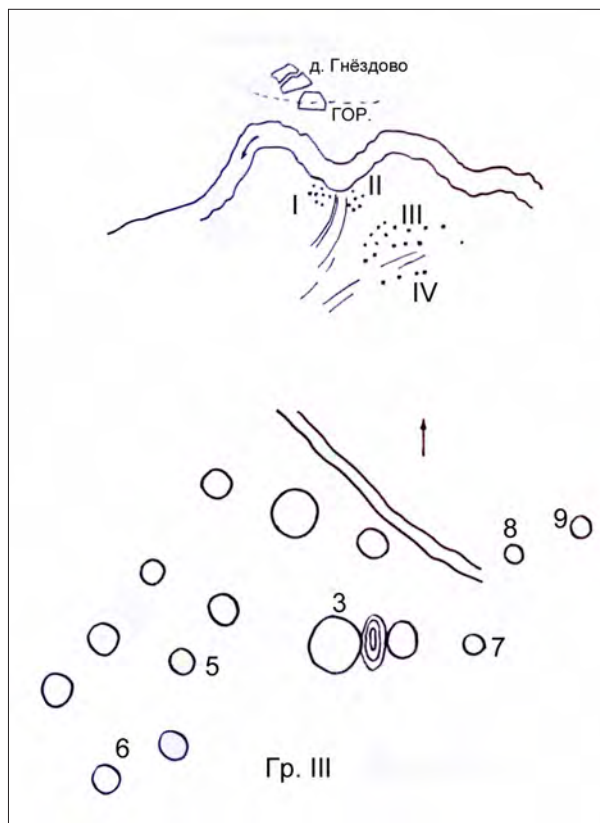

Таблица 8. Фото курганов
Днепровской группы Гнёздова
(в том числе с плоским верхом),
сделанных
С.И. Сергеевым
(архив ИИМК РАН) 1901 г.

Таблица 9. Схематический план
курганной группы 3 на левом
берегу Днепра
(по Е.Н. Клетновой)

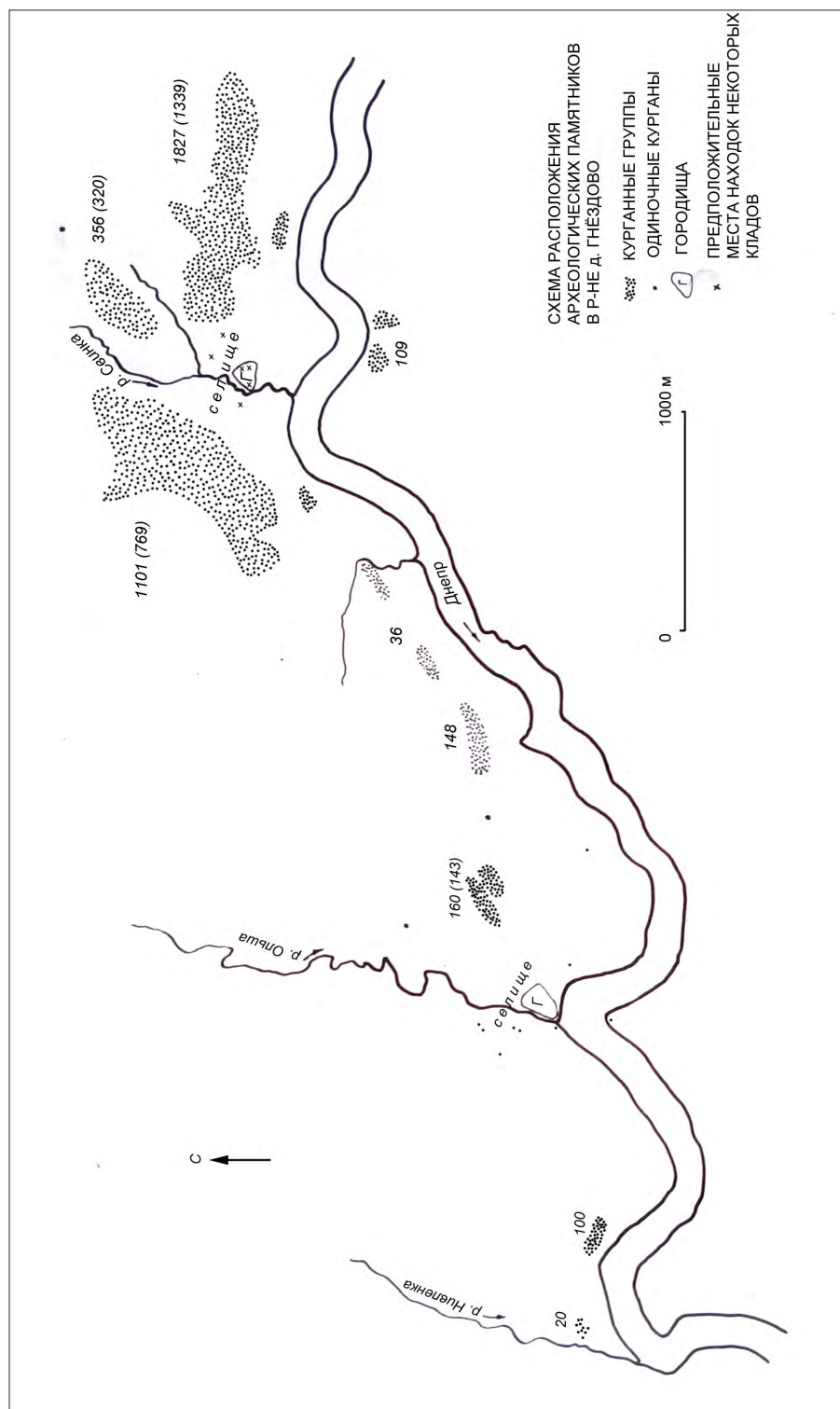

Таблица 10. Сводный план археологических памятников в районе д. Гнездова. Цифра без скобок — количество курганов в группе по подсчетам Лявданского, цифра в скобках — то же по подсчетам Авдусина

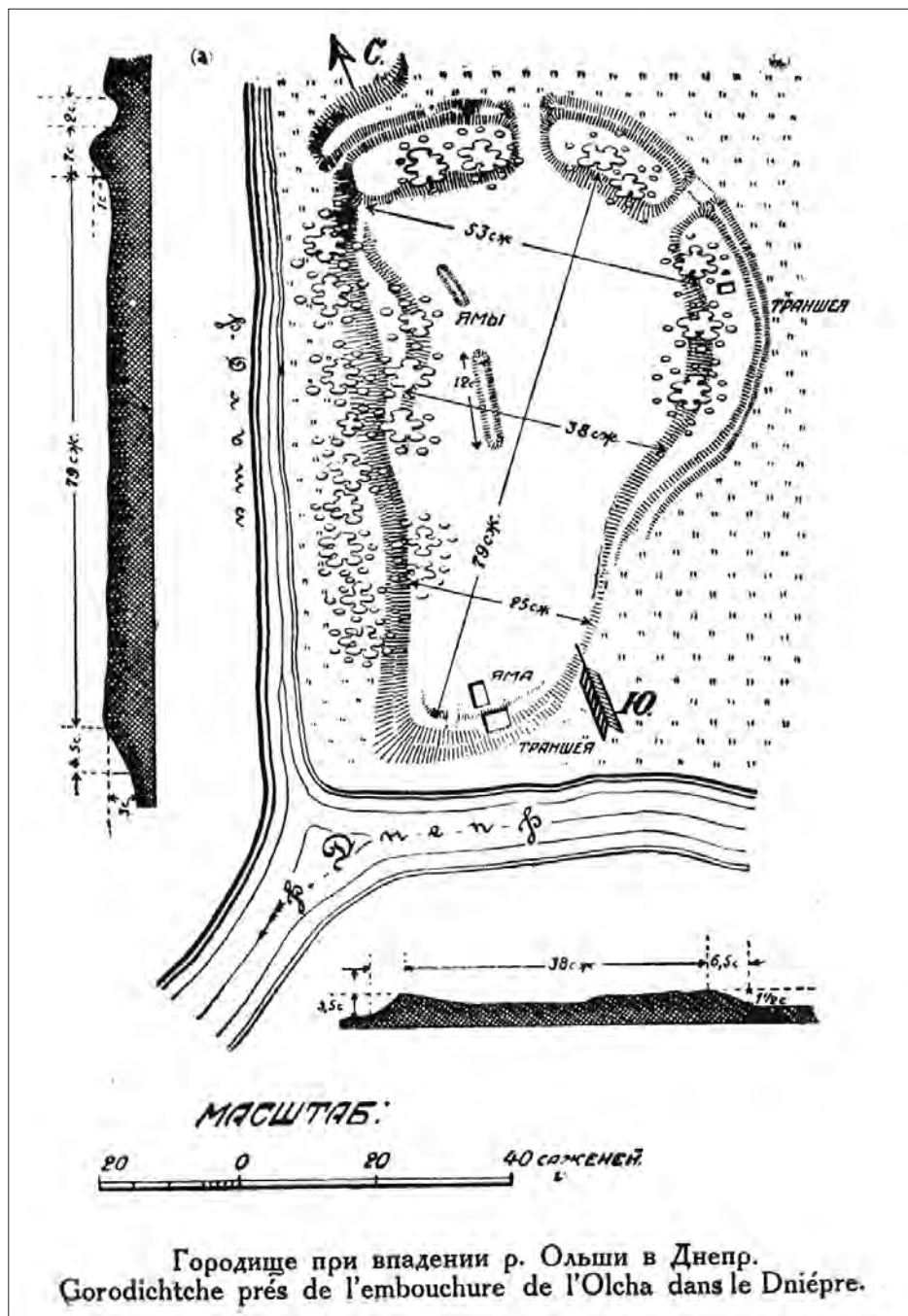

Таблица 11. План Ольшанского городища (по А.Н. Лявданскому, 1924)

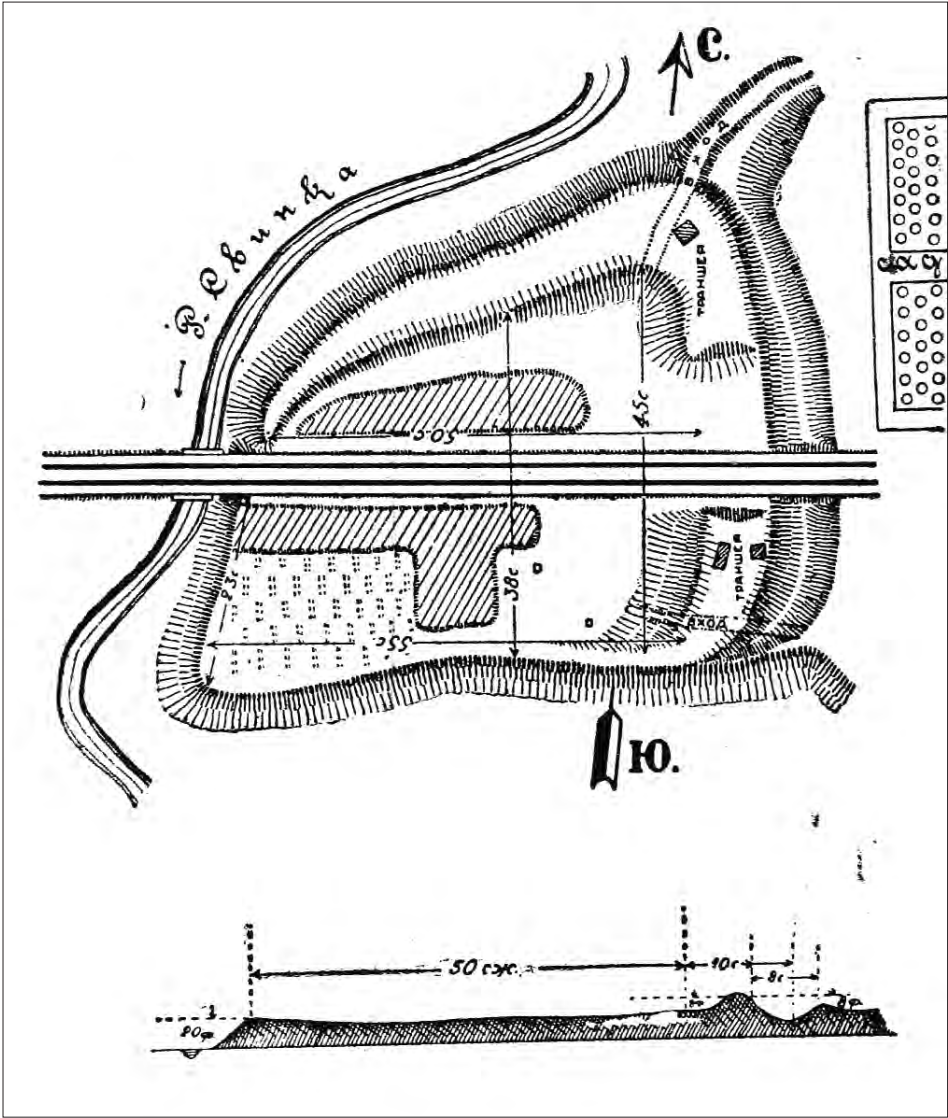

Таблица 12. План Центрального городища (по А.Н. Лявданскому, 1924)

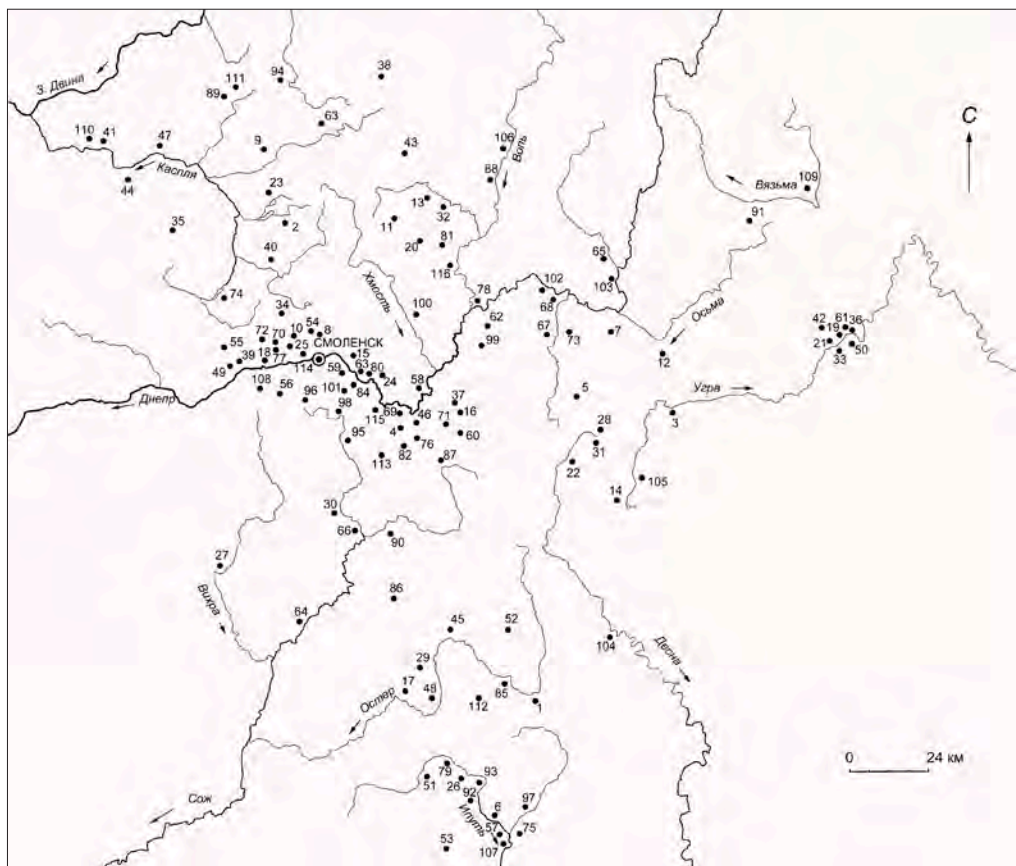

Таблица 13. Курганные могильники Смоленского Поднепровья, учтенные в работе. 1 – Азобичи, 2 – Акатово, 3 – Акулин Бор, 4 – Арефино, 5 – Арнишинцы, 6 – Блинные Кучи, 7 – Бражино, 8 – Буховка, 9 – Варнавино, 10 – Василевщина, 11 – Введенье, 12 – Волочек, 13 – Высокое, 15 – Вязавенька, 16 – Ганино, 17 – Гневково, 18 – Гнёздово, 19 – Городище, 20 – Городок, 21 – Гречихино, 22 – Деснока, 23 – Дроково, 24 – Дросна, 25 – Дивасы, 26 – Доброносики, 27 – Доброселье, 28 – Добрышина, 29 – Дубовка, 30 – Еловцы, 31 – Ельня, 32 – Ефремово, 33 – Желанье, 34 – Заборье, 35 – Заозерье, 36 – Знаменское, 37 – Имение Комаровщина, 38 – Имение Рудня, 39 – Катынь, 40 – Кислая, 41 – Клименки, 42 – Климово, 43 – Кобзы, 44 – Ковали, 45 – Колпеницы-Дерабуж, 46 – Колупаево, 47 – Комнидово, 48 – Коптево, 49 – Коробино, 50 – Косая Гора, 51 – Краснозаборье, 52 – Кубарки, 53 – Кузмиши, 54 – Купники, 55 – Куприно, 56 – Кушляница, 57 – Ломовка, 58 – Лопино, 59 – Маркатушино, 60 – Матвеево, 61 – Мельница Сазонова, 62 – Милеево, 63 – Митино, 64 – Мозыки, 65 – Моляково, 66 – Мощева, 67 – Мутышино, 68 – Недники, 69 – Нижние Немыкари, 70 – Новоселки, 71 – Огарково, 72 – Ольша, 73 – Павлово, 74 – Пиличики, 75 – Пильня, 76 – Плескачино, 77 – Плехтино (Новоселки), 78 – Пнева Слобода, 79 – Помазовка, 80 – Преображенское, 81 – Приселье, 82 – Путятинка, 83 – Рипшево, 84 – Ройновка, 85 – Рославль-Воронки, 86 – Рудня Новая, 87 – Рудня, 88 – Рядынь, 89 – Саки, 90 – Светлое, 91 – Семлево-Половецкое, 92 – Семиречь, 93 – Слобода

	тпл на кострище	тпл на чистом материке	тпл в яме
мужские			
женские			

Таблица 14. Харлапова. Изменение размеров курганный насыпи в пределах трех хронологических этапов

Таблица 13 (стр. 194, продолжение). 94 – Слобода-Глушица 96 – Сож, 97 – Сукромля, 98 – Сумароково, 99 – Тимашево, 100 – Топорково, 101 – Туринщина, 102 – Усвядцы, 103 – Харлапова, 104 – Хлюстинка, 105 – Хотнежицы, 106 – Хотыня, 107 – Хрыстовая, 108 – Цурковка, 109 – Чернобаевка, 110 – Шиловка, 111 – Шугайлово, 112 – Шумячка, 113 – Ямполье, 114 – Ямчишино, 115 – Яново, 116 – Ярцево

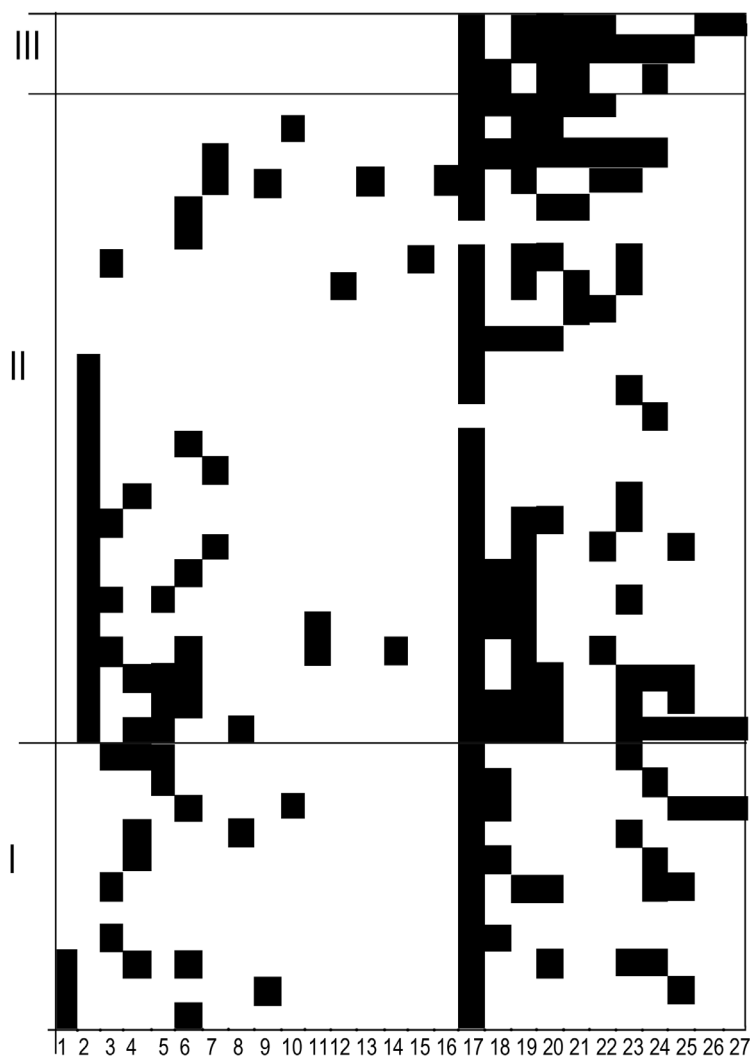

Таблица 15. Харлапова. Женский комплекс. Изменение вещевого набора по трем хронологическим этапам. 1 – монеты, 2 – браслетообразные височные кольца

11 – н. 12 в., 3 – браслеты круглопроволочные, 4 – браслеты 11 – н. 12 в., 5 – ромбоштитковые височные кольца, 6 – сосуды, 7 – лунницы, 8 – остря с кольцами, 9 – овальноштитковые височные кольца, 10 – подвески-крестики, 11 – гривны, 12 – ведра, 13 – пряжки, 14 – серьги, 15 – трехбусинные височные кольца, 16 – семилопастные височные кольца, 17 – бусы, 18 – перстнеобразные височные кольца, 19 – перстни, 20 – бубенчики, 21 – браслетообразные височные кольца 12–13 вв., 22 – браслеты 12–13 вв., 23 – ножи, 24 – круглые подвески к ожерелью, 25 – детали головного убора, 26 – зооморфные подвески, 27 – цепочки.

I – трупоположение на выжженном материке

II – трупоположение на чистом материке

III – трупоположение в яме

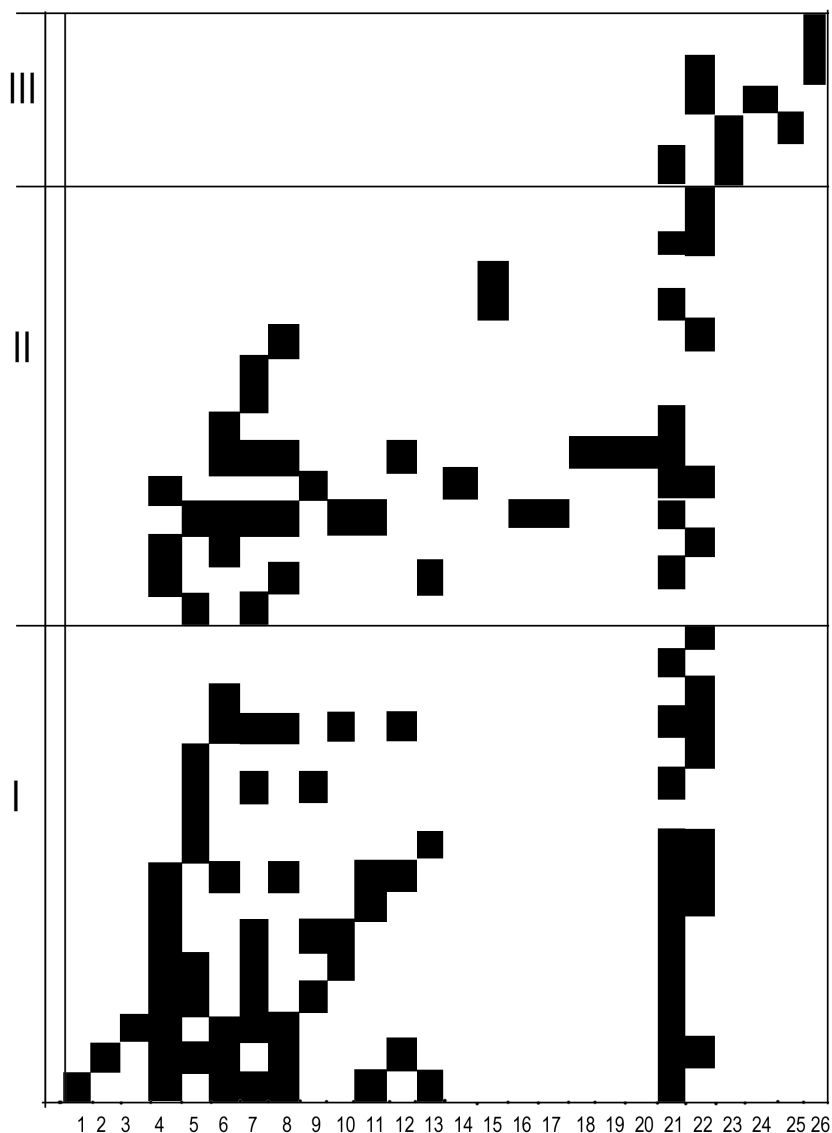

Таблица 16. Харлапова. Мужской комплекс. Изменение вещевого набора по трем хронологическим этапам. 1 – гребни, 2 – мечи, 3 – монеты, 4 – пряжки 11-12 вв., 5 – сосуды, 6 – ведра, 7 – ножи, 8 – боевые топоры, 9 – рабочие топоры, 10 – копья, 11 – острия с кольцами, 12 – фибулы, 13 – бусы, 14 – поясной набор, 15 – ножи 12-13 вв., 16 – бруски, 17 – кресала, 18 – крючки поясные, 19 – браслеты, 20 – бубенчики, 21 – кольца поясные, 22 – ножи 11-12 вв., 23 – набалдашники, 24 – перстни, 25 – бляшки головного убора, 26 – пуговицы.

I – трупоположение на выжженном материке

II – трупоположение на чистом материке

III – трупоположение в яме

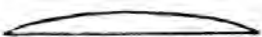
тпл на кострище	тпл на чистом материке	тпл в яме
		
		
		
		
		
		
		
		

Таблица 17. Последовательное изменение размеров курганный насыпи в могильниках, исследованных С.М. Соколовским

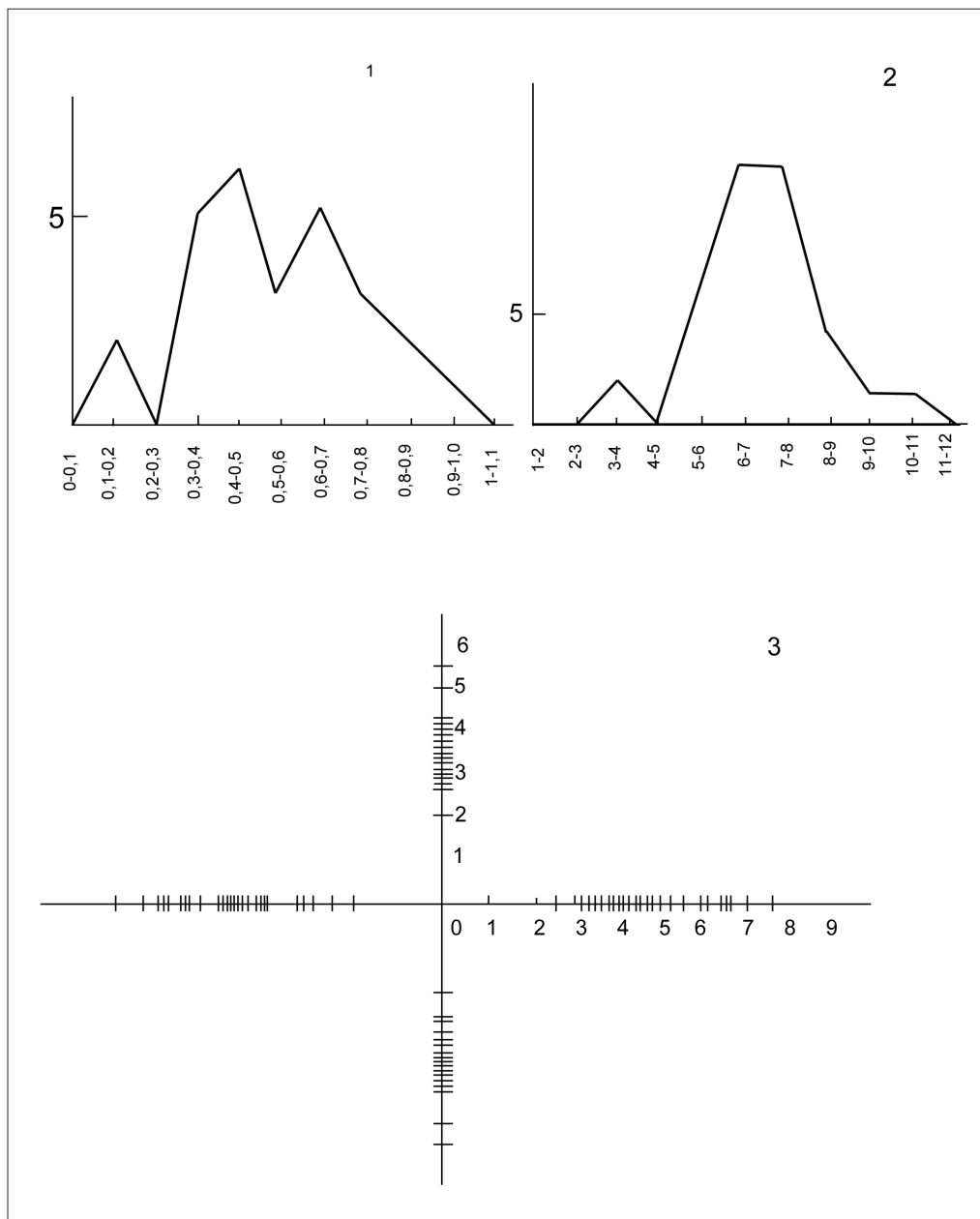

Таблица 18. Графики количественного распределения по интервалам основных параметров (1 — по высоте, 2 — по поперечнику) курганной насыпи над индивидуальным погребением в могильнике Слобода-Глушица. 3 — распределение по интервалам длины (горизонтальная ось) и ширины (вертикальная ось) курганов в могильнике Слобода-Глушица

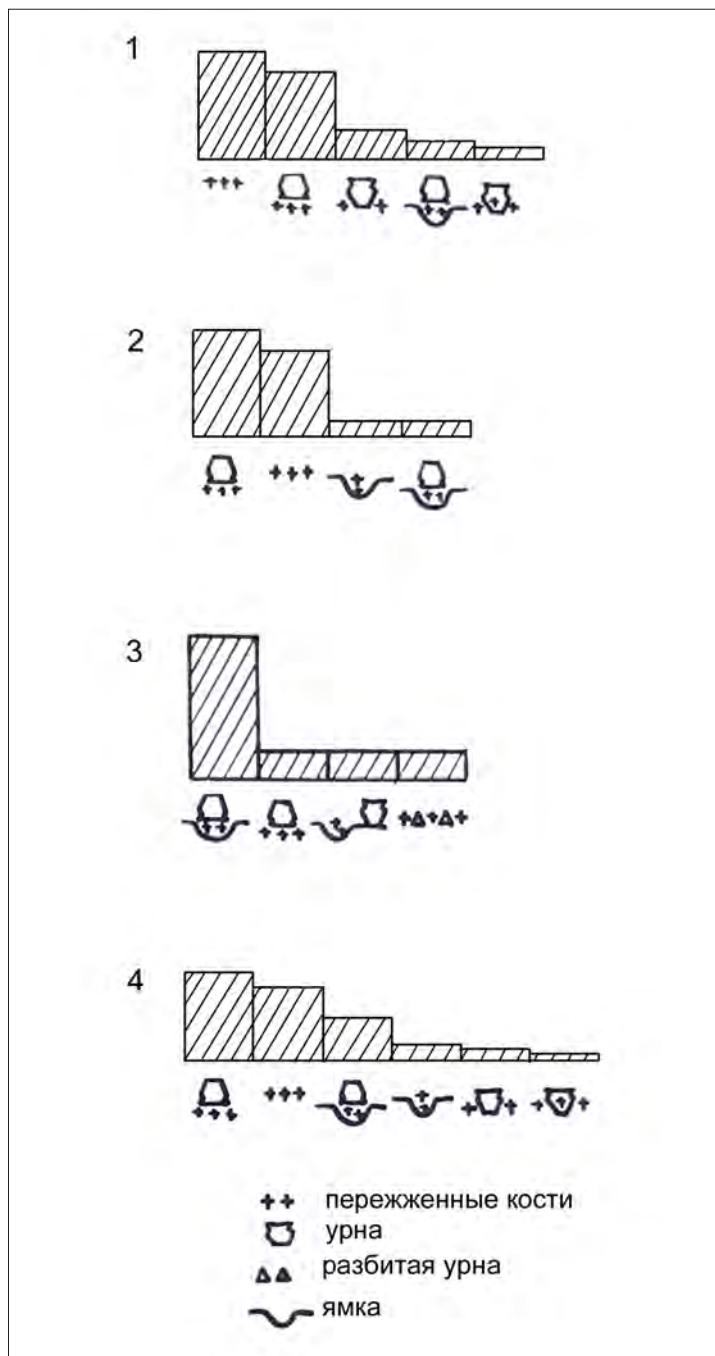

Таблица 19. Количественное соотношение способов помещения остатков сожжения в могильниках культуры смоленских длинных курганов. 1 – Слобода-Глушица, 2 – Шугайлово, 3 – Акатово, 4 – по сумме учтенных могильников

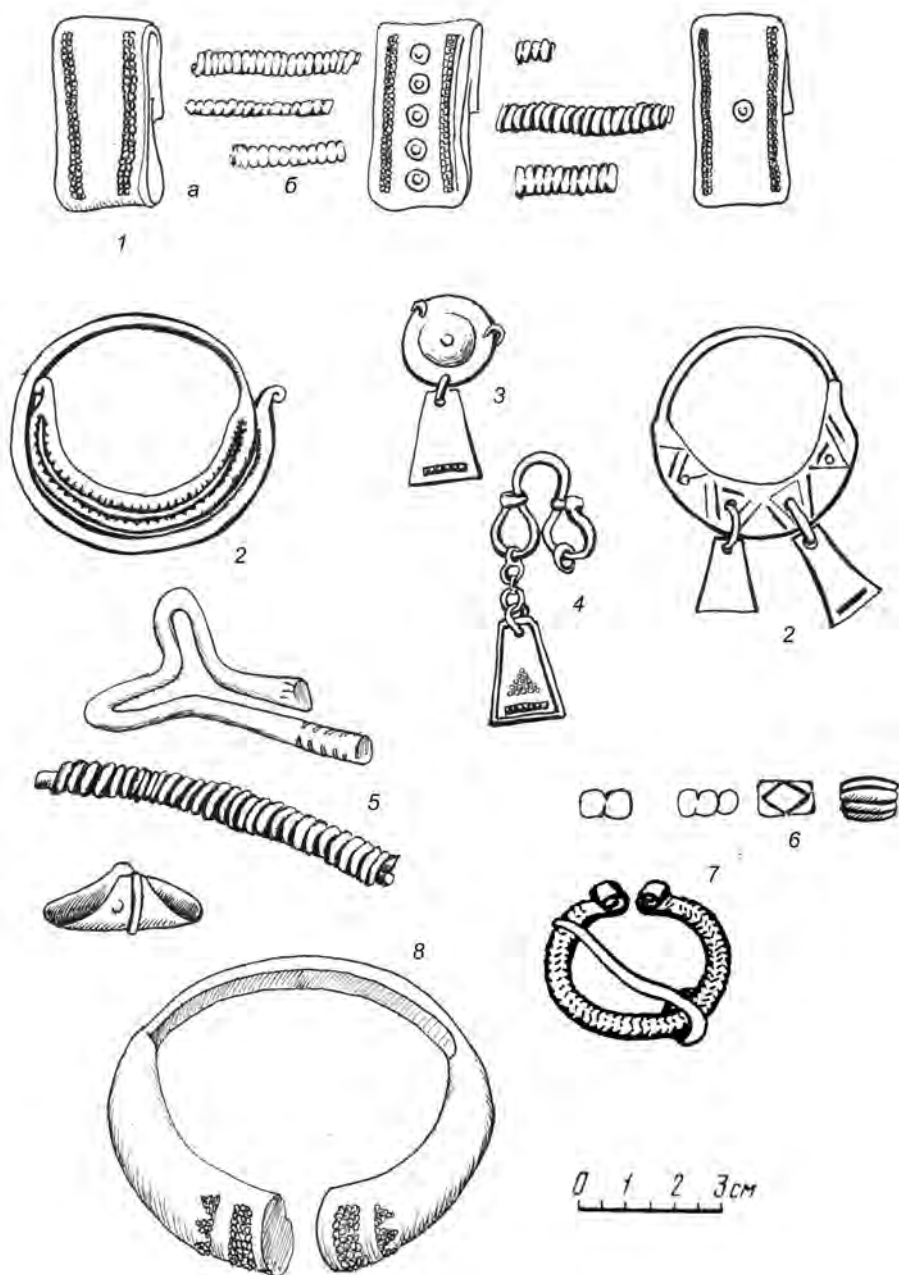

Таблица 20. Предметы, составляющие женский убор культуры Смоленских длинных курганов: 1 — детали головного убора (а — соединительные бляшки, б — спиральки), 2 — височные кольца, 3 — колпачковые подвески, 4 — эсвидные подвески, 5 — гривны, 6 — бусы, 7 — подковообразные застёжки, 8 — браслеты

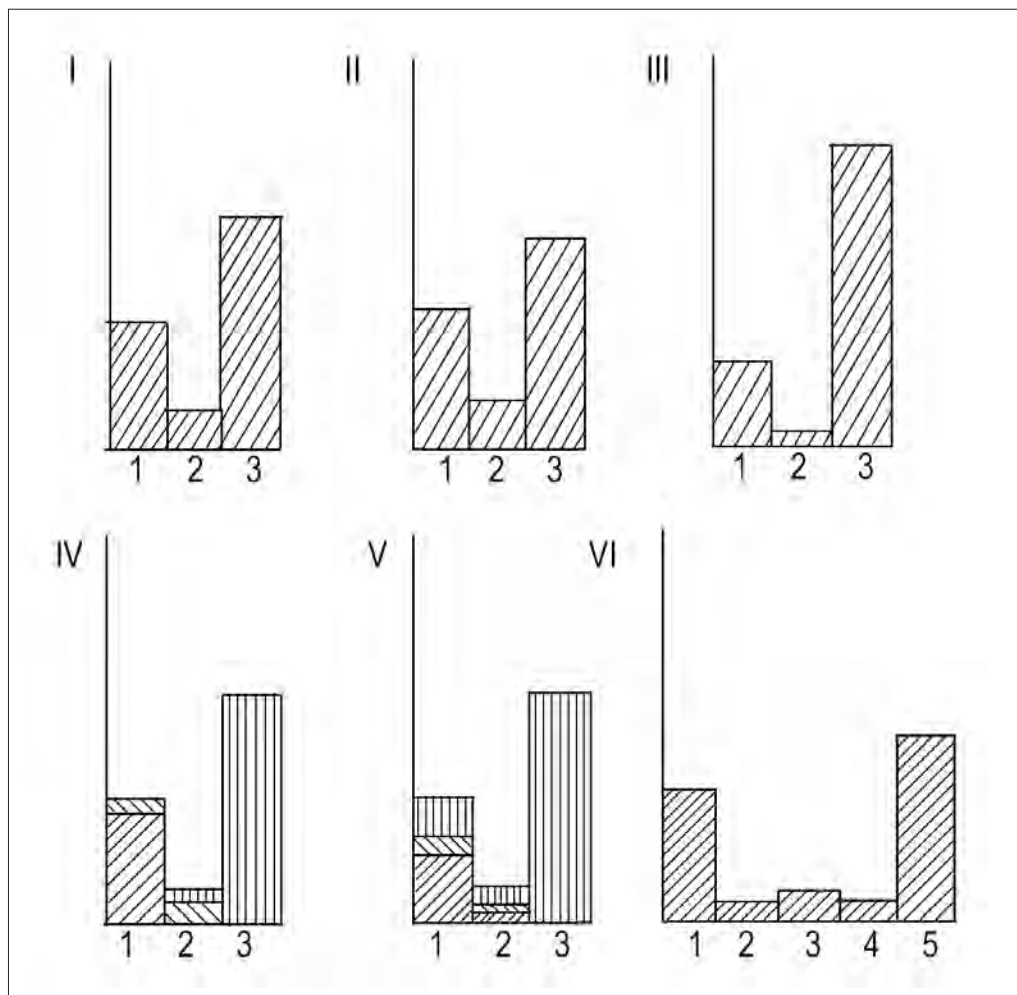

Таблица 21. Количественное распределение курганных могильников Смоленщины в соответствии с их относительной хронологией. График 1: могильники с сожжением (1), со смешанным обрядом (2), с трупоположением (3); график 2: могильники с лепной керамикой (1), лепной и гончарной (2), только гончарной (3); график 3: могильники, состоящие из круглых и длинных курганов (1), тех же и четырехугольных (2), круглых (3); график 4: распределение типов керамики (график 2) в соответствии с группами могильников по обряду (график 1). Косая влево штриховка — лепная керамика, косая вправо — лепная и гончарная керамика, вертикальная — гончарная керамика; график 5: распределение могильников, состоящих из курганов различных форм (график 3), в соответствии с группами могильников по обряду (график 1). Косая влево штриховка — могильники из длинных и круглых курганов, косая вправо — тех же и четырехугольных, вертикальная — круглых; график 6: 1 — могильники с сожжением и лепной керамикой, 2 — могильники с сожжением и смешанной керамикой, 3 — могильники со смешанным обрядом и смешанной керамикой, 4 — могильники со смешанным обрядом и гончарной керамикой, 5 — могильники с трупоположением и гончарной (с клеймами) керамикой

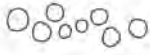
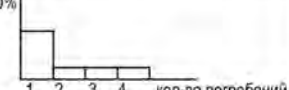
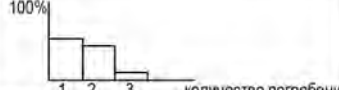
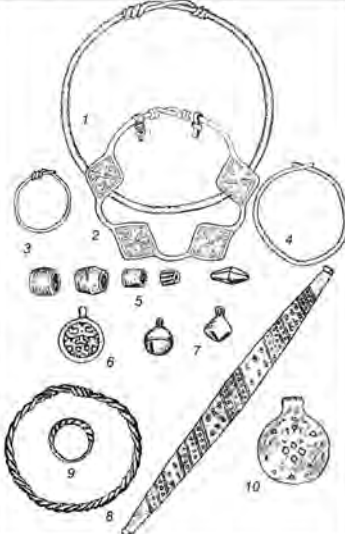
культура смоленских длинных курганов VI/VIII - X вв.	курганы XI в.
1 	
2 	
3 	
4 трупосожжение преимущественно на стороне	трупосожжение на выжженном материке
5 	100%
6 лепная	 кружальная
7 	

Таблица 22. Сопоставление основных признаков культуры смоленских длинных курганов и курганной культуры XI в. 1 — по количеству курганов в могильнике, 2 — по форме насыпи, 3 — по размерам насыпи над индивидуальным погребением, 4 — по типу погребения, 5 — по количеству погребений под одной насыпью, 6 — по относительному расположению в кургане мужских и женских захоронений, 7 — по характеру керамики, 8 — по типам женского костюма (по Шмидт, 1957, 1970)

Таблица 23.
Могильники
культуры
Смоленских длинных
курганов, учтенные
в работе

Таблица 24.
Могильники с
курганами IX–X вв.,
учтенные в работе

Таблица 25.
Могильники с
курганами XI–XIII вв.,
учтенные в работе

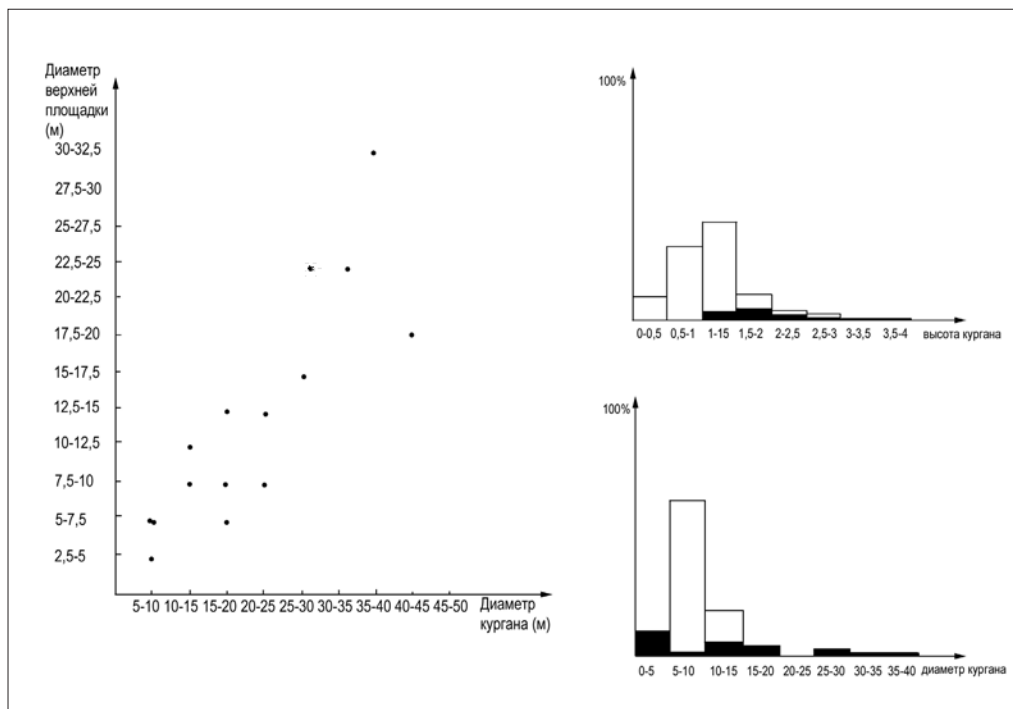

Таблица 26. Корреляция диаметра основания и диаметра верхней площадки для гнёздовских курганов с плоским верхом (слева). Количественное распределение гнёздовских полусферических и с плоским верхом курганов в соответствии с основными параметрами насыпи (справа)

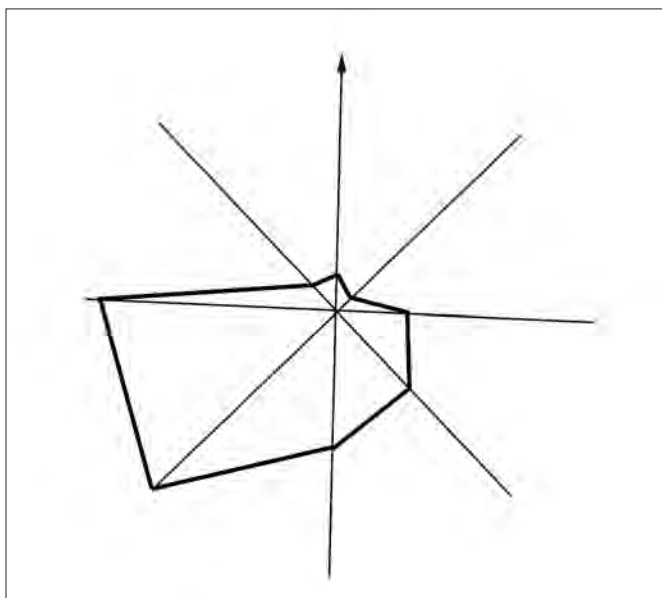

Таблица 27. Соотношение в расположении перемычки относительно сторон света среди гнёздовских курганов

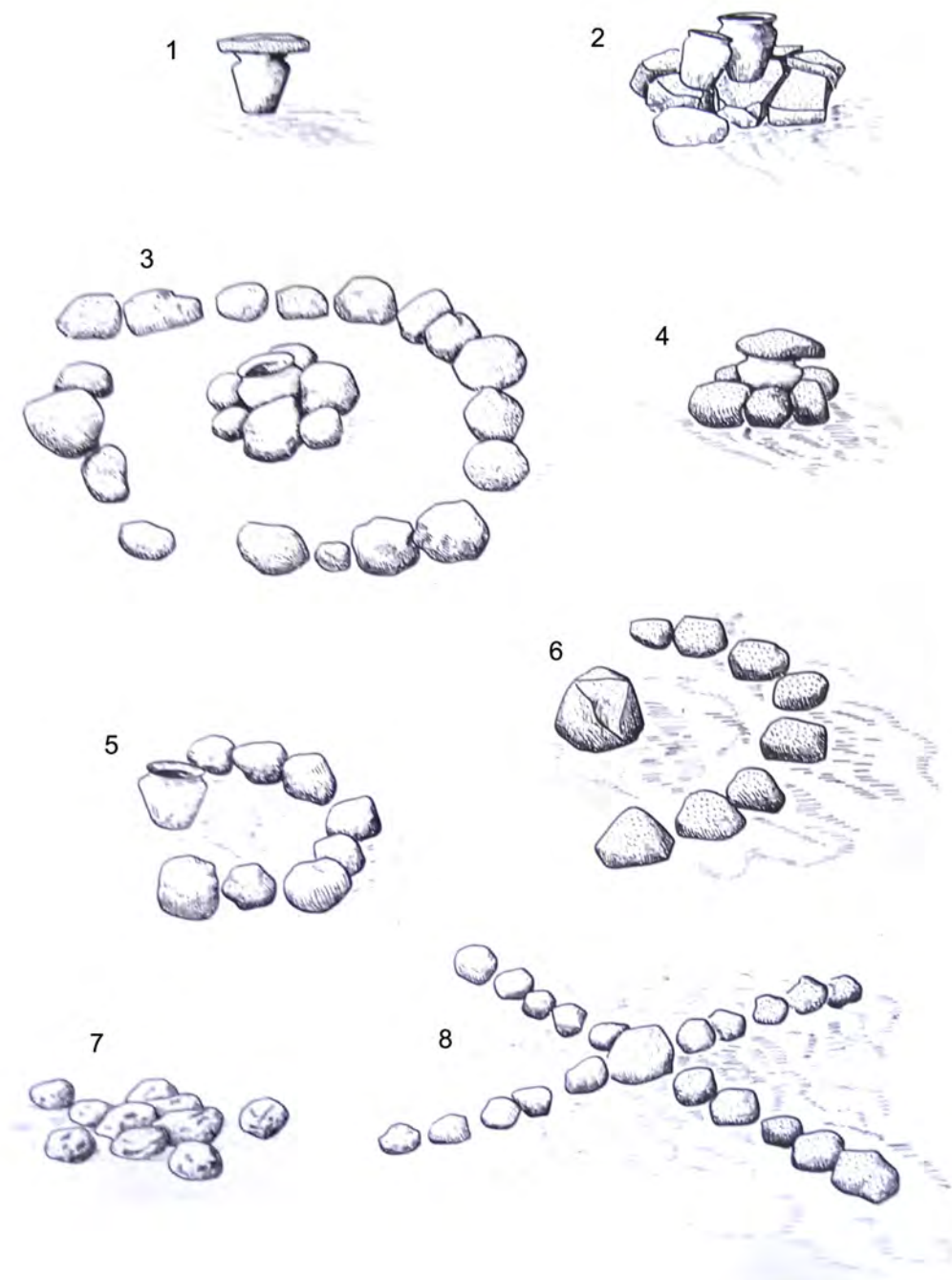

Таблица 28. Способы использования камня в погребальном обряде гнёздовских курганов

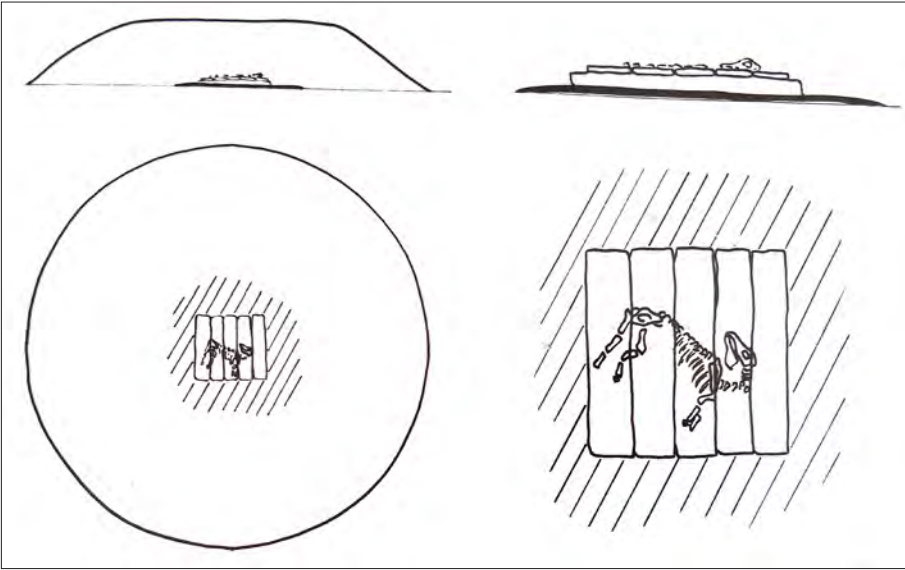

Таблица 29. Гнёздово. Погребение с конём

7	16	18	24	23
кости барана котел к. птицы к. лошади	к. барана (козла) котел кости свиньи, коровы, лошади	кости барана, собаки	к. рыбы котел кости барана, птицы	к. собаки котел к. птицы кости барана (быка)

Таблица 30. Способы размещения жертвенных животных в гнёздовских курганах. Средняя полоса – общее расположение жертв относительно кострища. Нижняя полоса – конкретные виды размещения остатков жертвенных животных

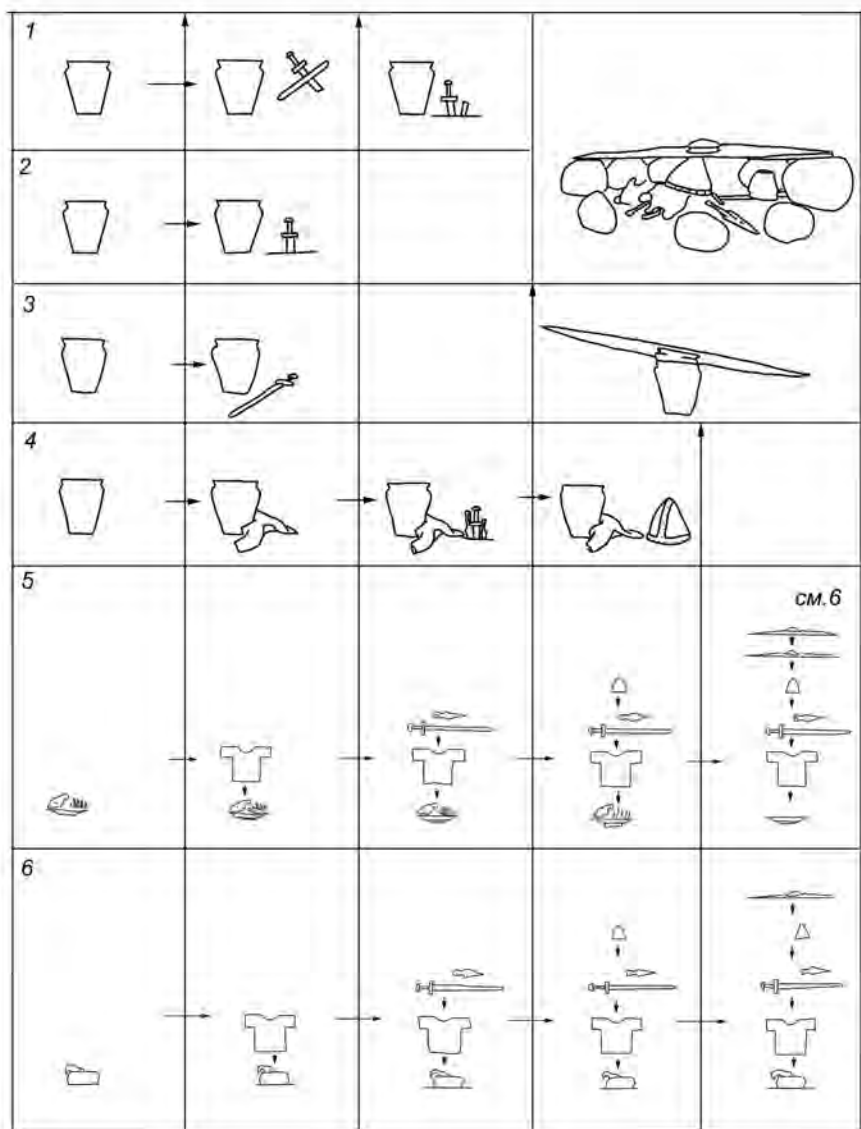

Таблица 31. Способы использования оружия и доспехов в погребальном обряде гнёздовских курганов и последовательность их размещения (1 – 7). Нижний ряд – последовательность размещения оружия в кургане Гульбище

Таблица 32. Схема основного типа гнёздовского кургана (справа). Схематическое устройство кургана с урной в насыпи (слева)

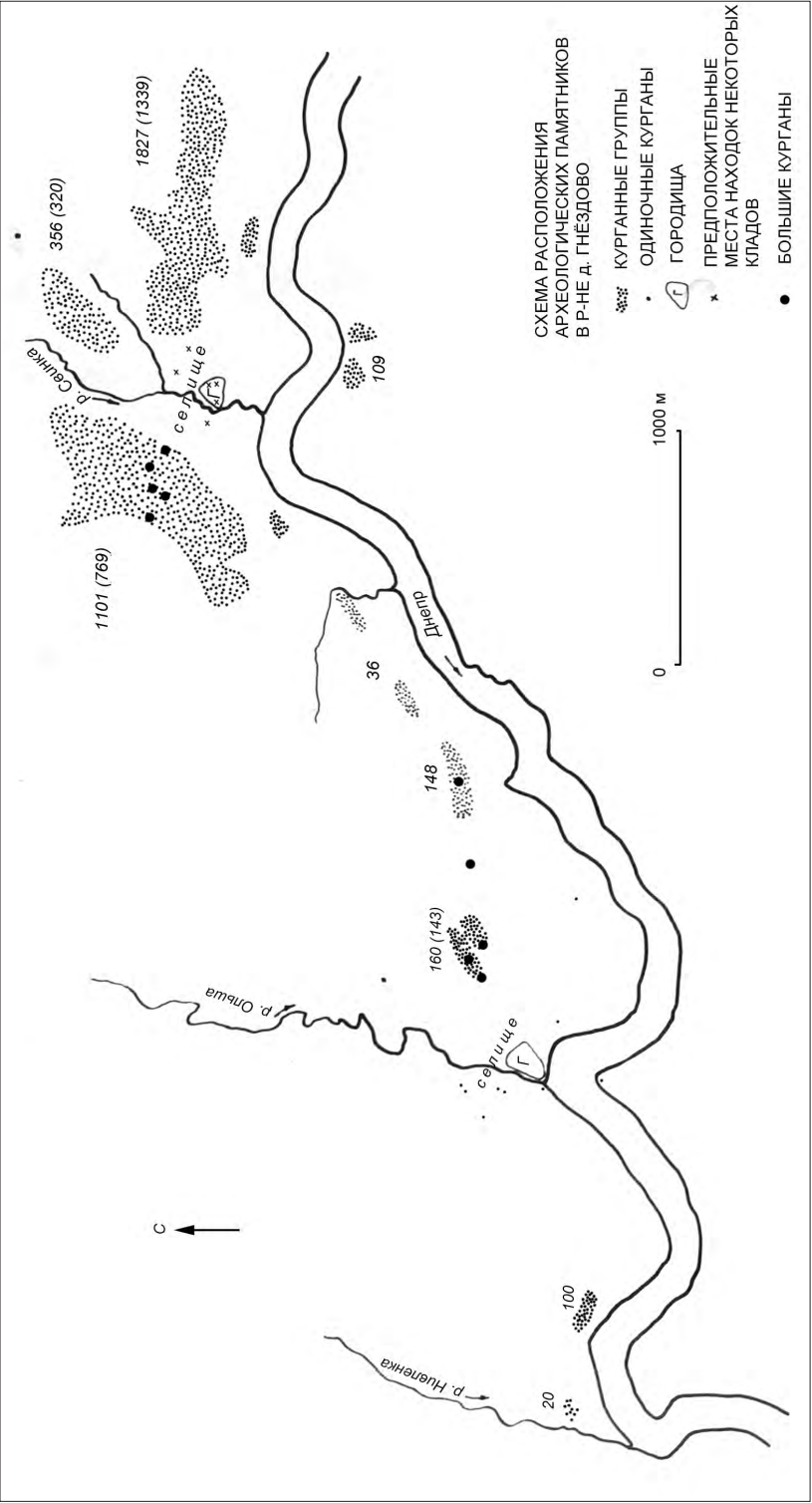

Таблица 33. Расположение больших гнёздовских курганов

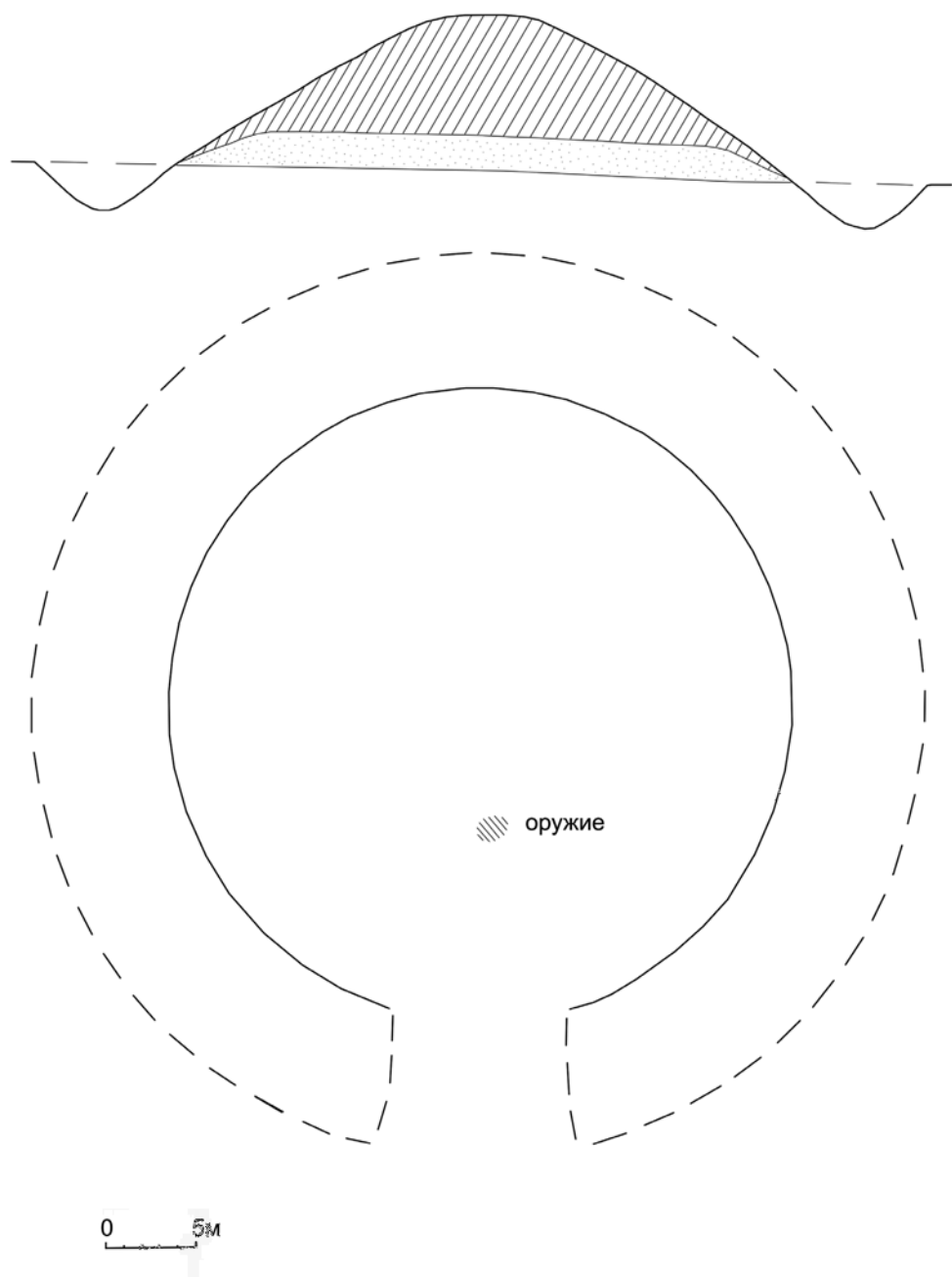

Таблица 34. Реконструкция кургана 20

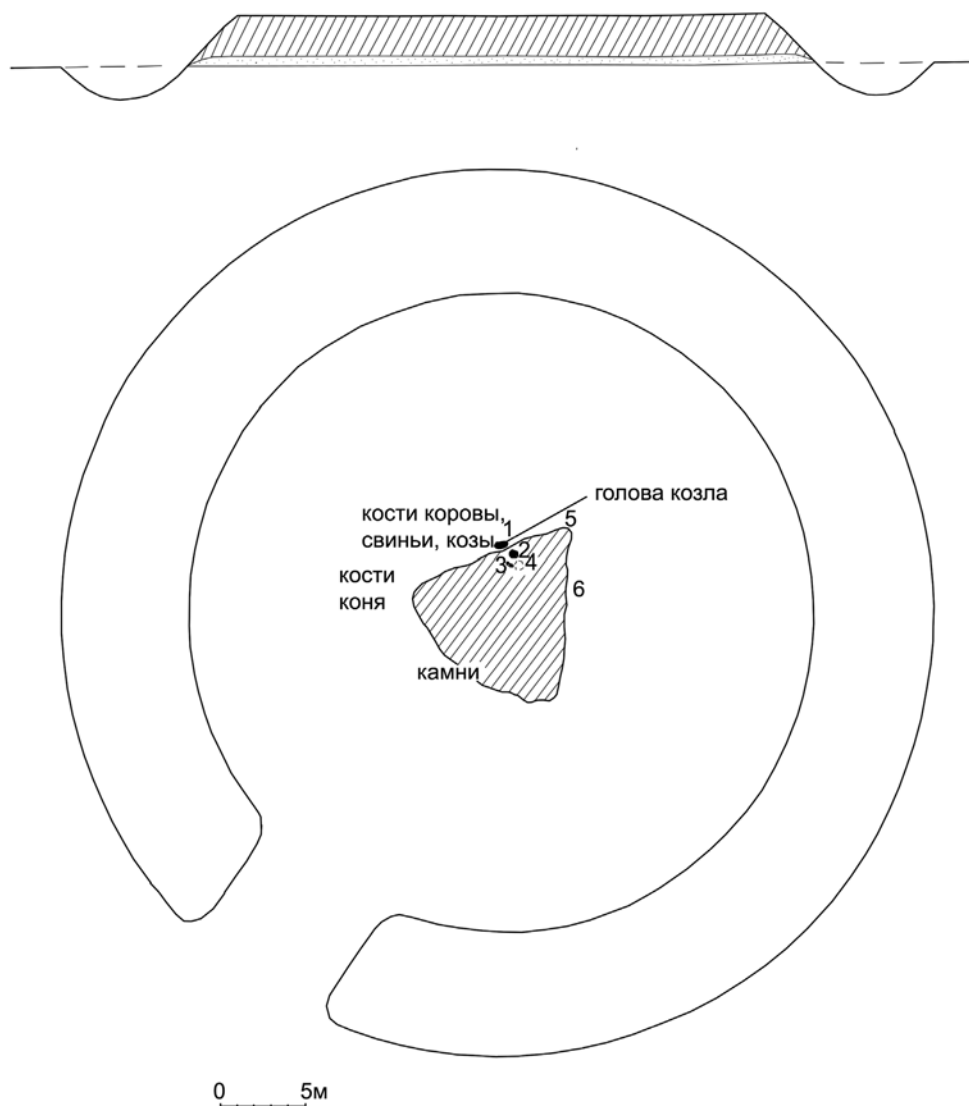

Таблица 35. Реконструкция кургана 16. 1 — котел, 2 — урна, 3 — фибулы, 4 — железная гривна, 5 — сев. — вост. Часть кострища со скоплением остатков сожжения, 6 — кострище

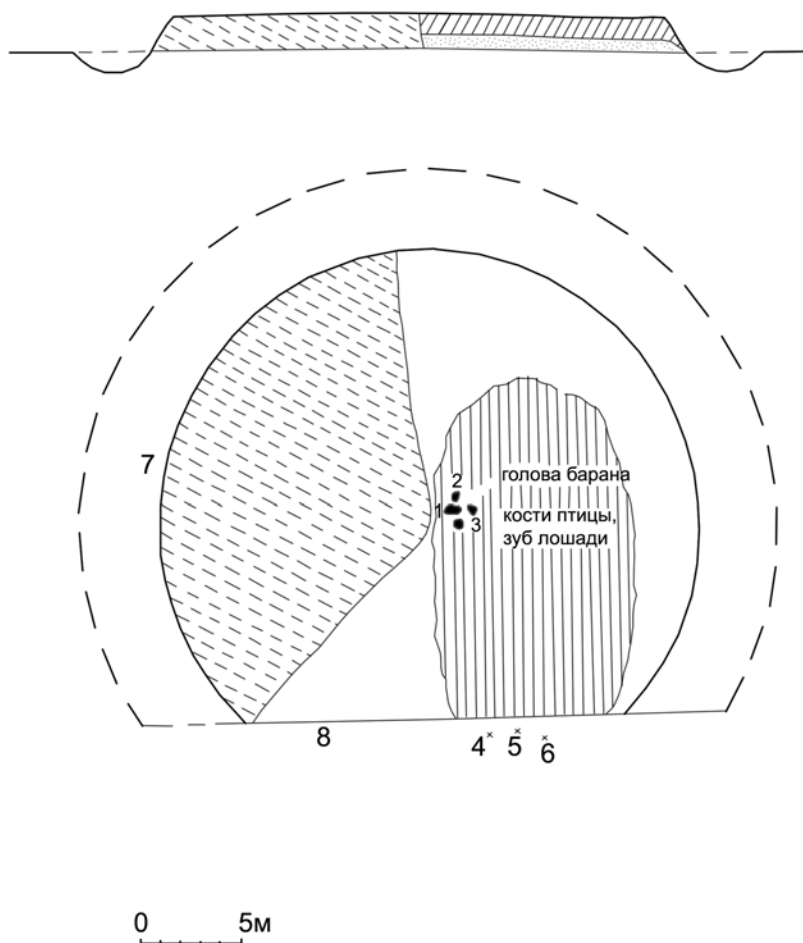

Таблица 36. Реконструкция кургана № 7. 1 – котел, 2 – урны, 3 – железная гривна, 4 – топор, 5 – стремя, 6 – конская узда, 7 – нераскопанная часть насыпи, 8 – край траншеи, обрезавшей полу кургана

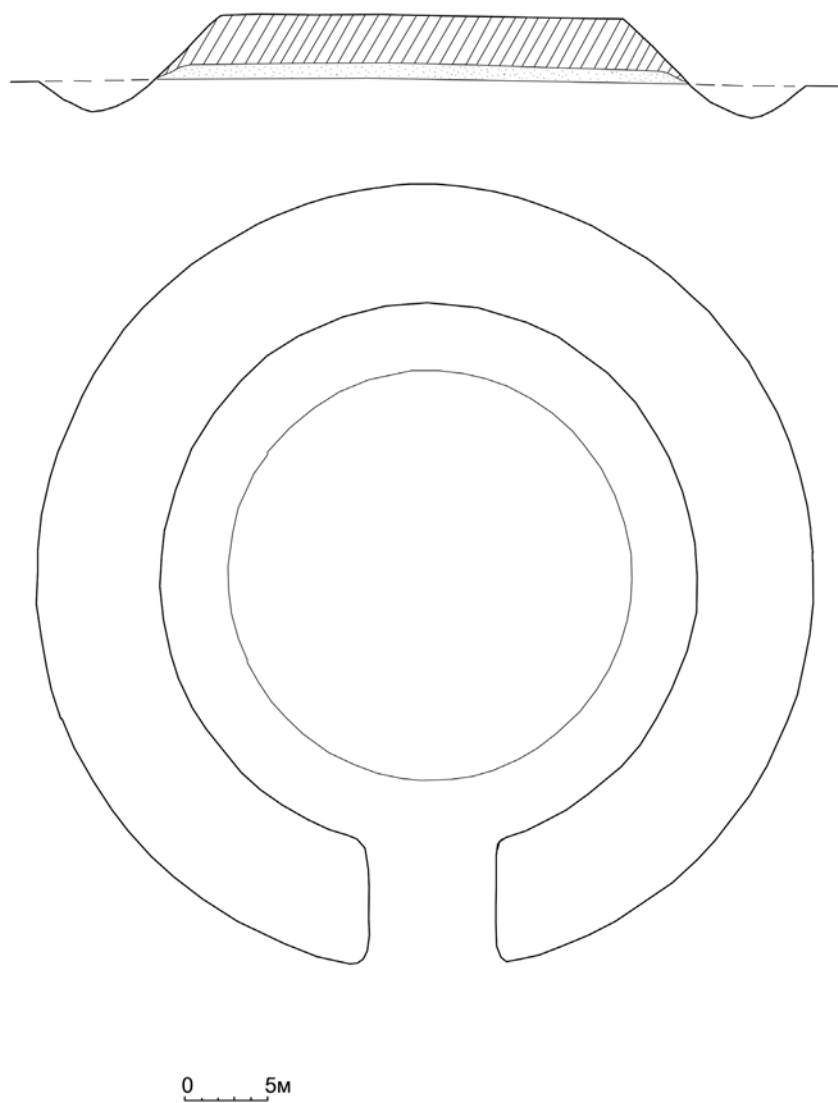

Таблица 37. Реконструкция одного из больших гнёздовских курганов

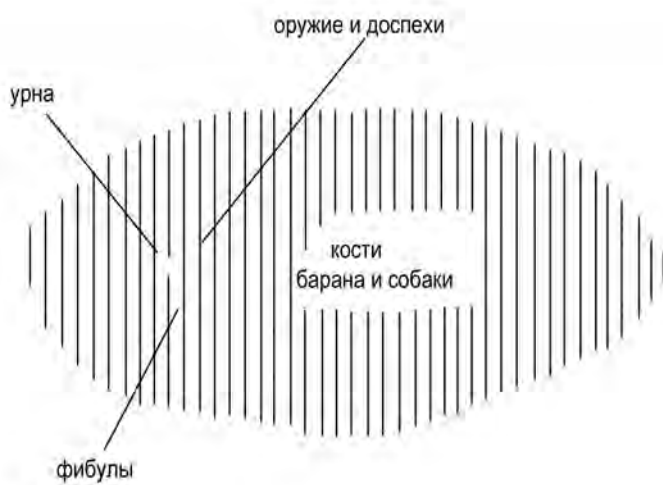
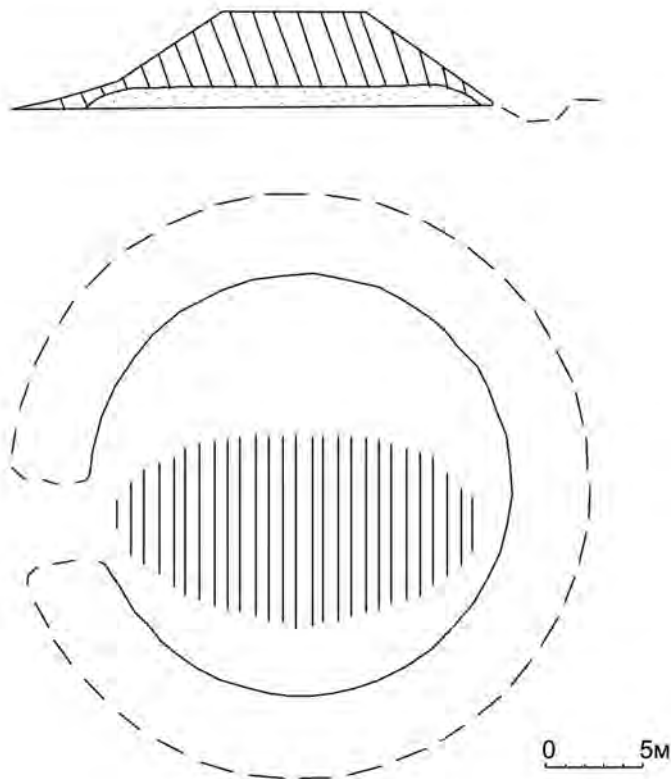

Таблица 38. Курган 18 из «Группы Сергеева»

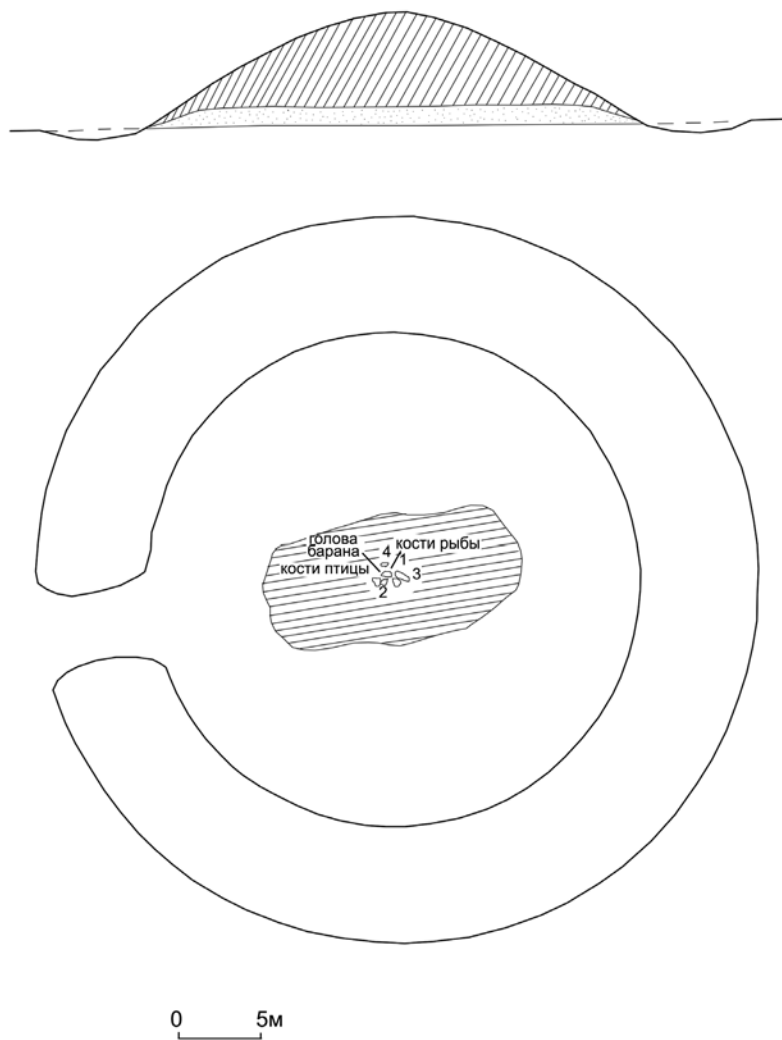

Таблица 39. Реконструкция кургана 24. 1 – котел, 2 – урны, 3 – кольчуга, 4 – плоский камень

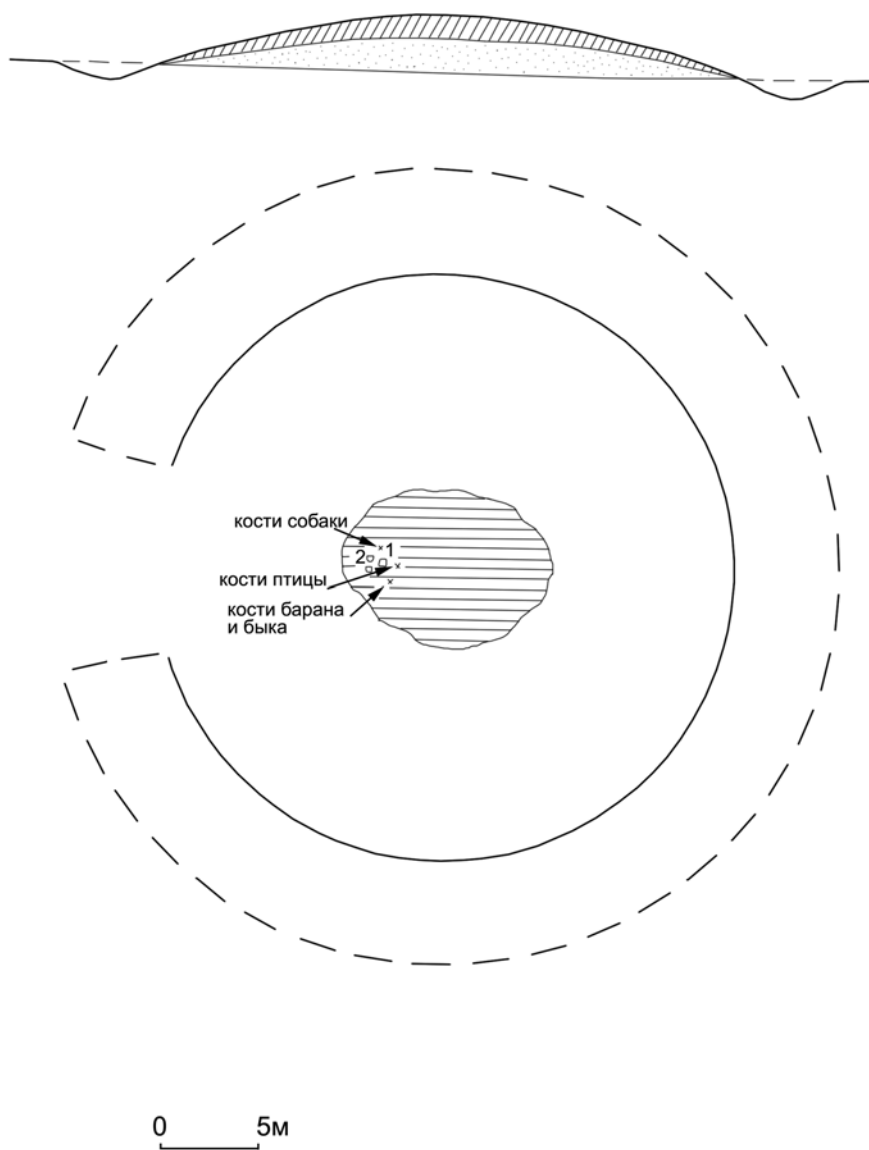

Таблица 40. Реконструкция кургана 23. 1 – котел, 2 – урны

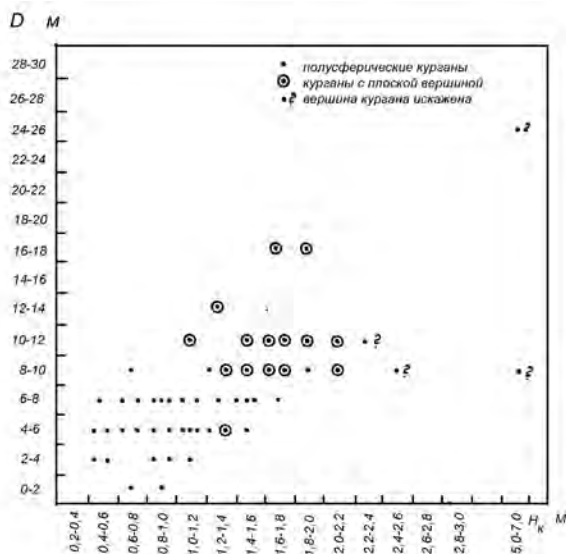

Рис. 1. Корреляция высоты курганов с размерами зольного пятна

Рис. 2. Распределение курганов по высотам и размерам зольных пятен: А - по высотам; Б - по зольным пятнам; В - по погребальному инвентарю

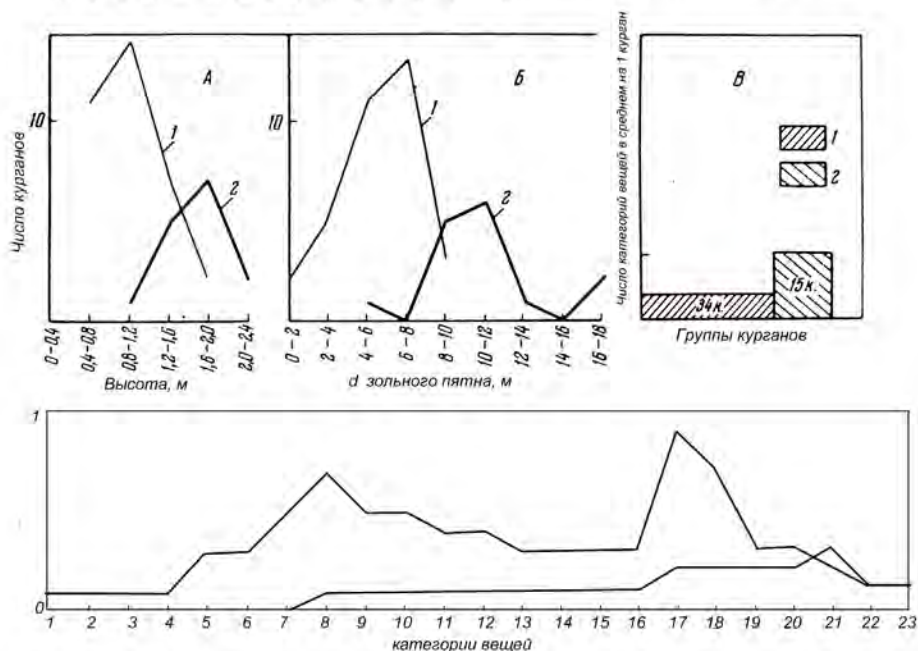

Рис. 3. Распределение погребального инвентаря

1 - мечи; 2 - наконечники ножен мечей; 3 - колья; 4 - наконечники пояса; 5 - гривны; 6 - монеты (дирхемы); 7 - бляшки; 8 - шипы; 9 - оковки; 10 - заклепки; 11 - кости животных; 12 - гребни; 13 - фибулы; 14 - оселки; 15 - обоймицы; 16 - стрелки; 17 - бусы; 18 - пряжки; 19 - гирьки; 20 - пуговицы; 21 - ножи; 22 - иглы; 23 - ножницы

Таблица 41. Сопоставительные характеристики гнёздовских курганов полусферических (1 - для рис. 2 и 3) и с плоским верхом (2 - для рис 2 и 3) по материалам раскопок 1949 - 1955 гг.

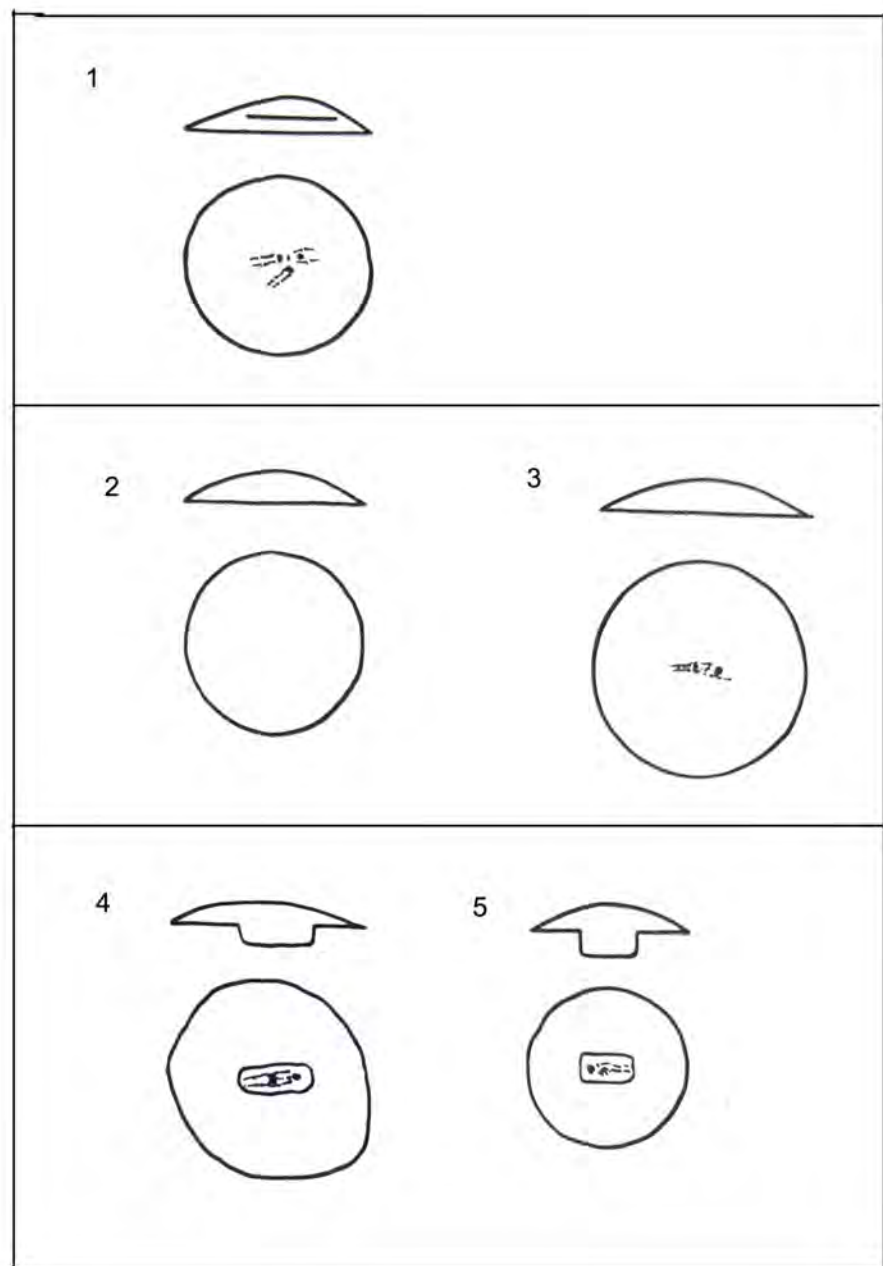

Таблица 42. Виды захоронений по обряду трупоположения в Гнёздове. 1 – курган 15 (Сергеев), 2 – курган 23 (Сергеев), 3 – курган 1 (Абрамов), 4 – курган 95 (Авдусин), 5 – курган 4 (Андреев, Милонов)

МОНЕТЫ	КЕРАМИКА	МЕЧИ	ФИБУЛЫ
940 г.	Г _{кл}		
Х в.	Г		51в 128
913 г.		V	52
908 г.	ЛГ	Е	51?
906 г.		Н или V	
905 г.	Г		51?
843 г. (к. IX в.)	Л		
842 г.	ЛГ		
809 г.	Л	Н	60

Таблица 43. Сопоставление даты самой поздней монеты и некоторых типов вещей, встреченных в одном комплексе. Л — лепная керамика, Г — гончарная керамика, Г_{кл} — гончарная керамика с клеймом

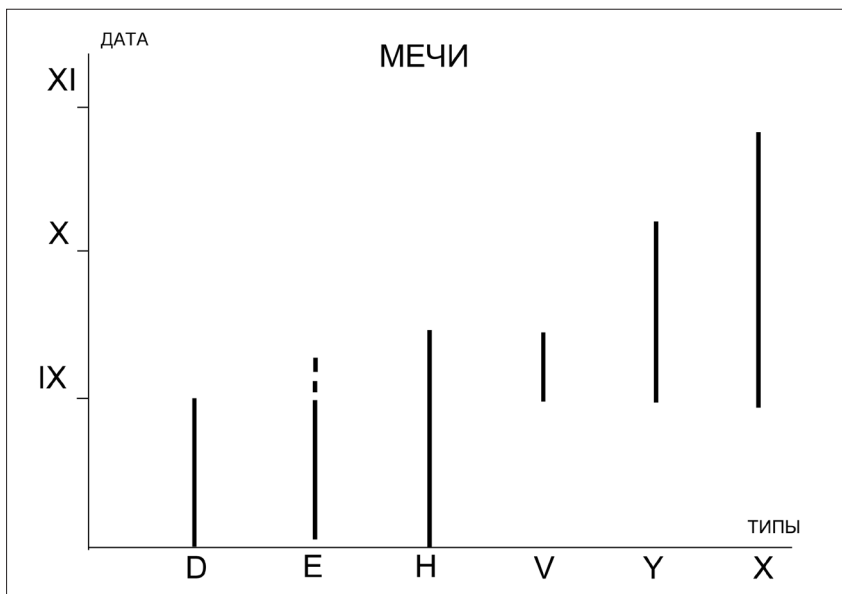

Таблица 44. Распределение мечей, найденных в гнёздовских курганах, в соответствии с их абсолютной и относительной хронологией

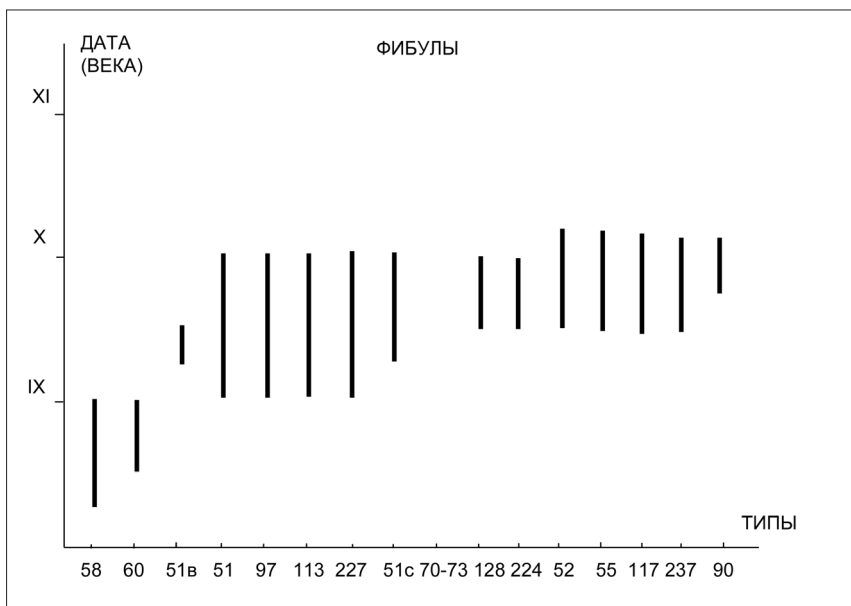

Таблица 45. Распределение фибул скандинавского типа, найденных в гнёздовских курганах, в соответствии с их абсолютной и относительной хронологией

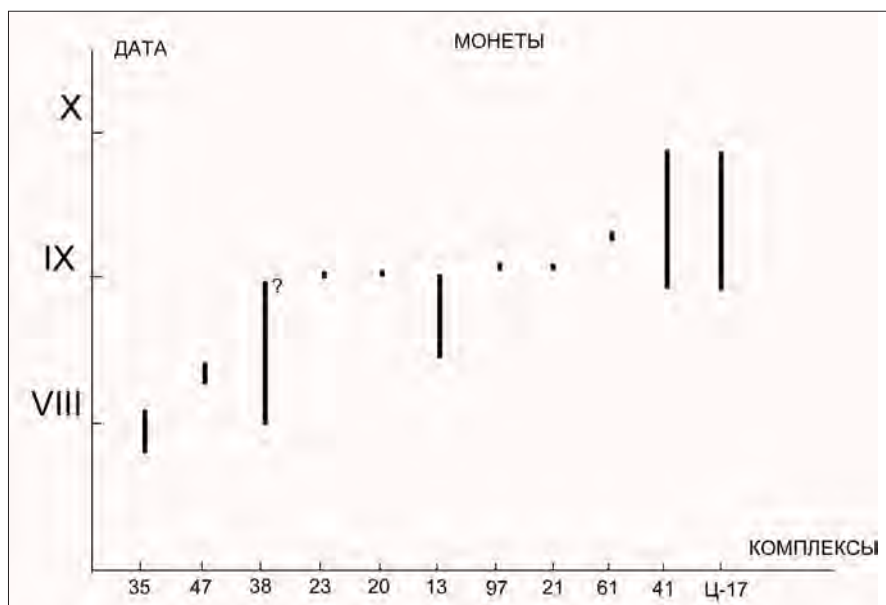

Таблица 46. Распределение монет, найденных в гнёздовских курганах, в соответствии с их абсолютной и относительной хронологией

	мечи IX - п. X в.	фибулы IX в.	монеты IX - н. X в.	лепная кер.	фибулы X в.	фибулы вт. п. X - нач. XI вв.	монеты X в.	мечи X - н. XI в.	гончарная керам.	гончарная керам. с клеймом
мечи IX - п. X в.										
фибулы IX в.										
монеты IX - н. X в.										
лепная кер.										
фибулы X в.	?		?							
фибулы вт. п. X - нач. XI вв.										
монеты X в.										
мечи X - н. XI в.										
гончарная керам.										
гончарная керам. с клеймом								?		

Таблица 47. Корреляция хронологически дифференцированных признаков (Гнёздово)

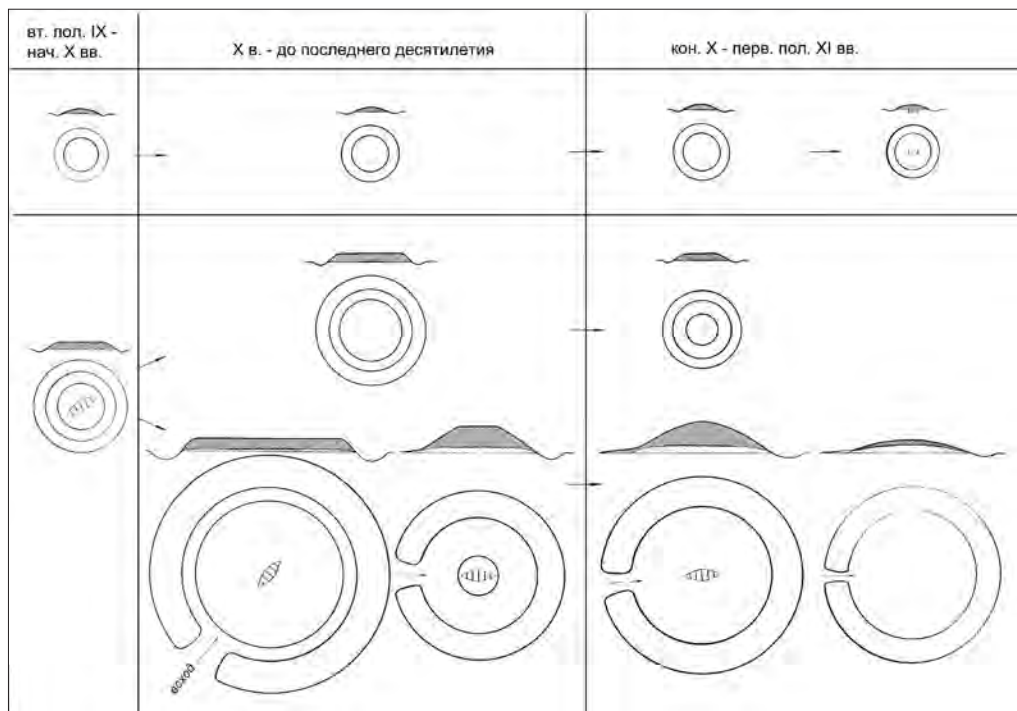

Таблица 48. Эволюция форм насыпей гнёздовских курганов (малого и большого)

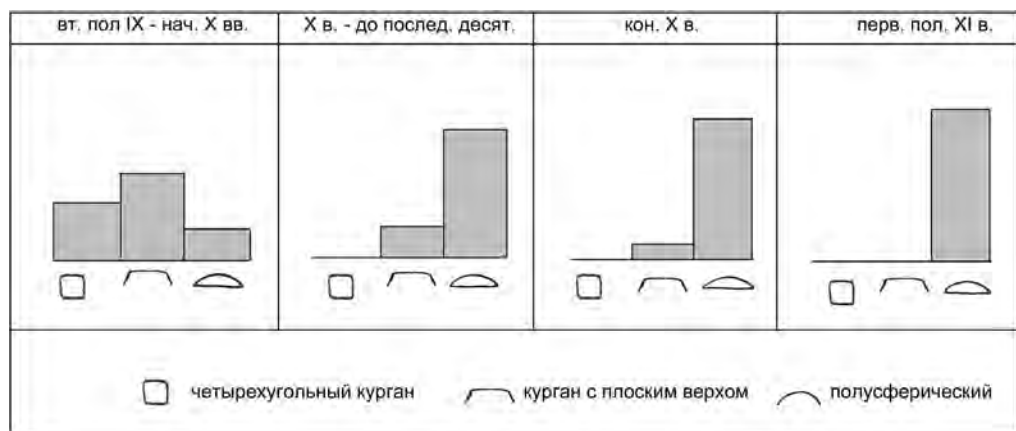

Таблица 49. Количественное распределение различных форм насыпей гнёздовских курганов по отдельным хронологическим этапам

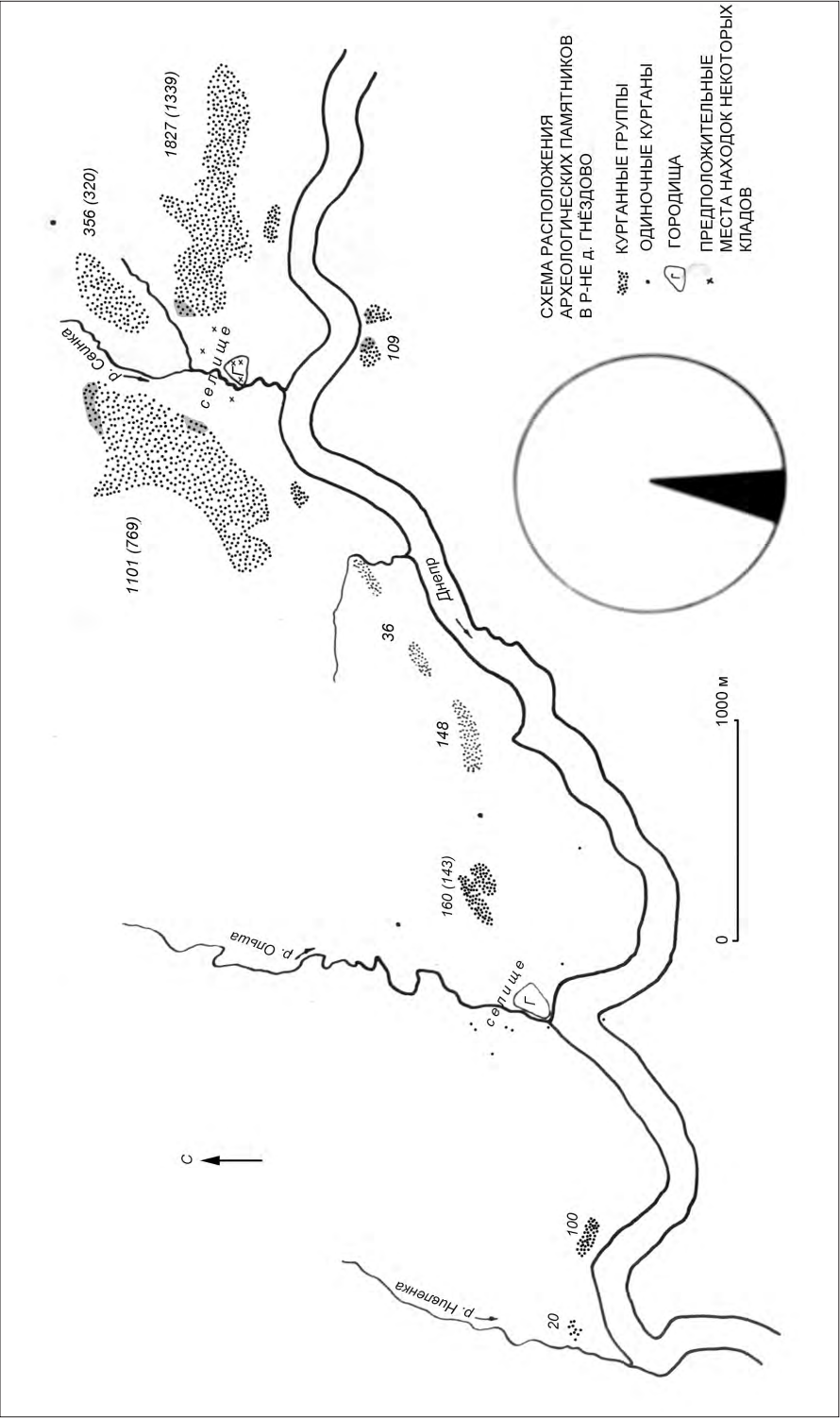

Таблица 50. Гнездово. Кладбище первой половины XI в. Количество курганов (в процентах), относящихся к данному периоду

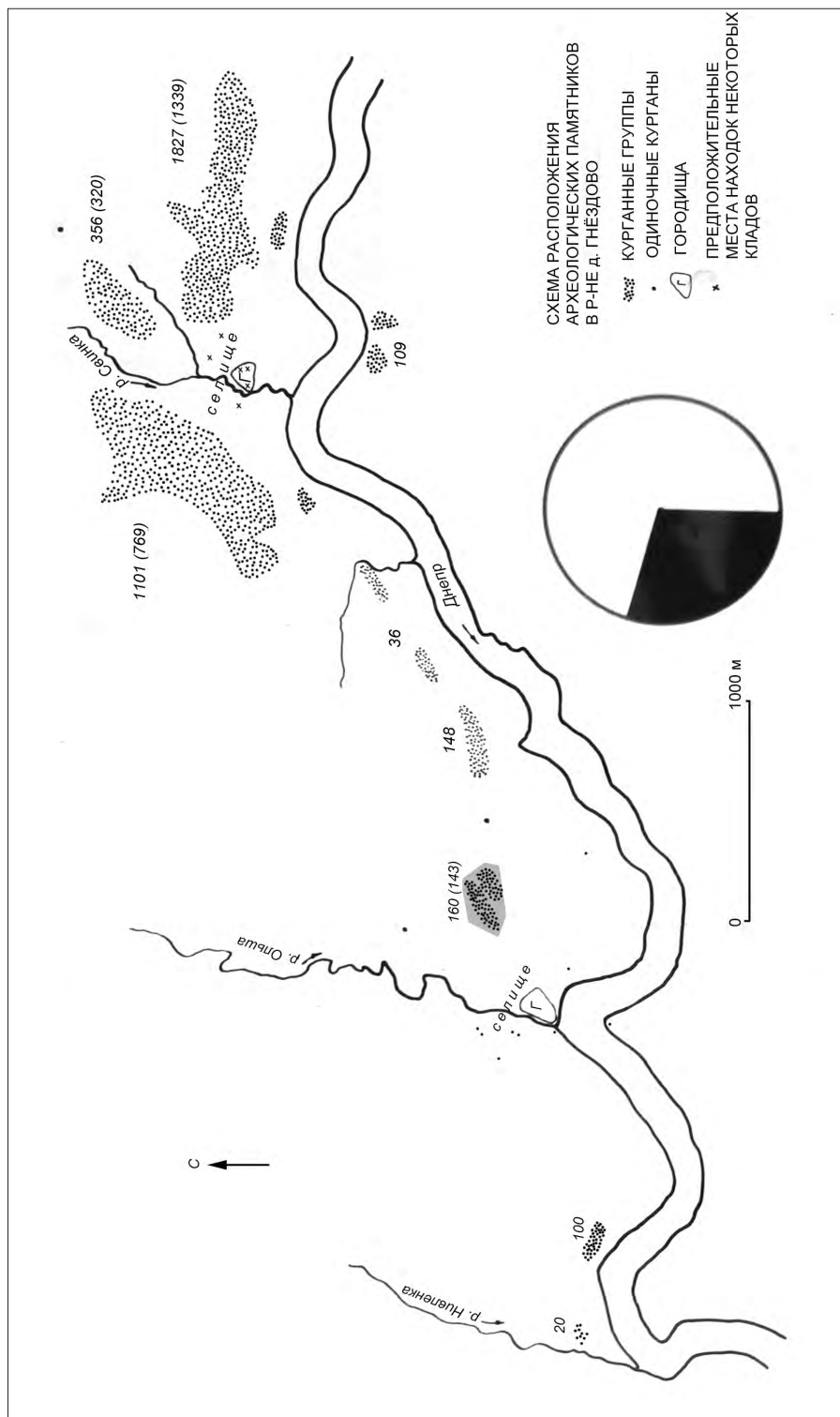

Таблица 51. Гнёздово. Ядро кладбища последних десятилетий X в. Количество курганов (в процентах), относящихся к данному периоду

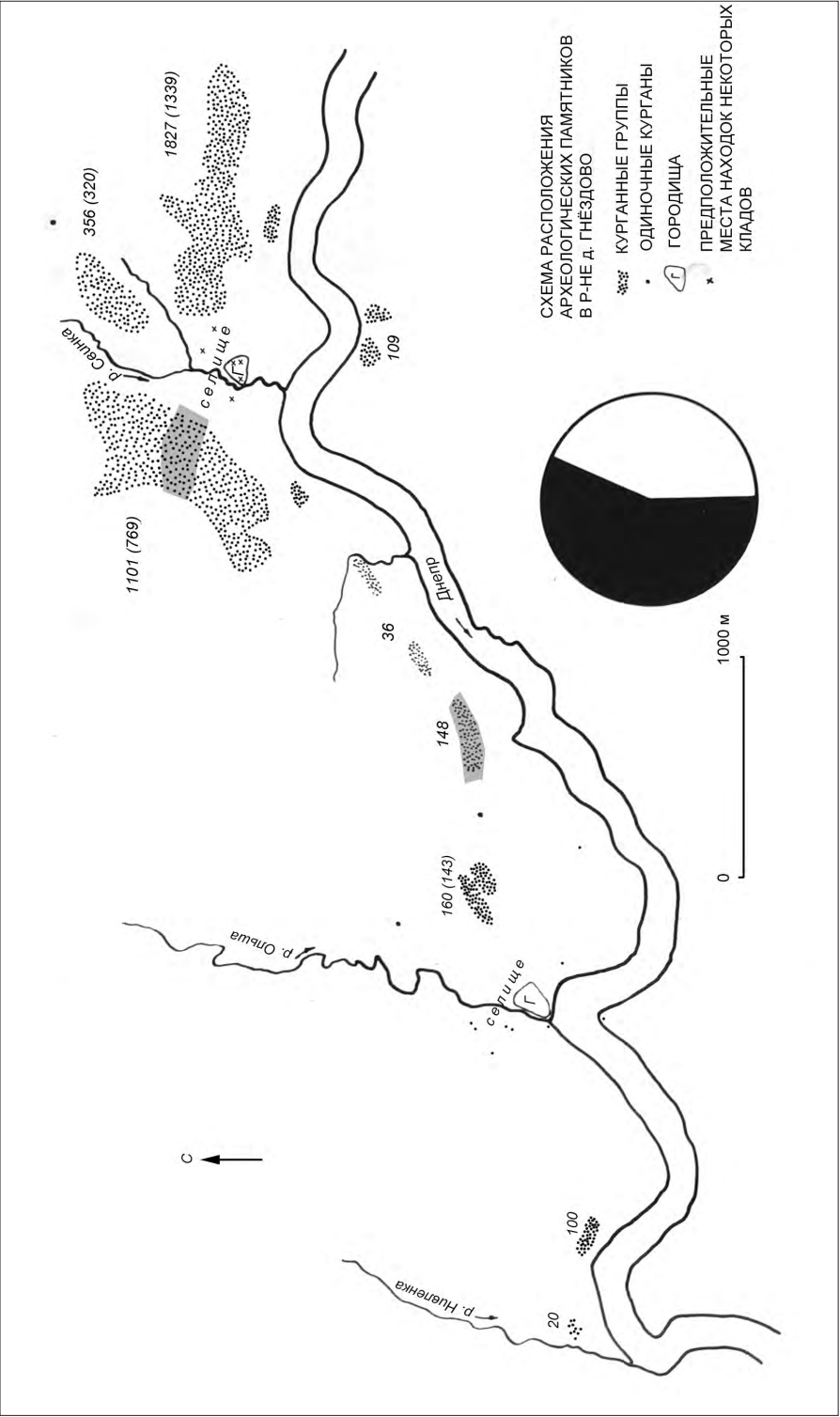

Таблица 52. Гнёздово. Ядро кладбища X в. (до последних десятилетий). Количество курганов (в процентах), относящихся к данному периоду

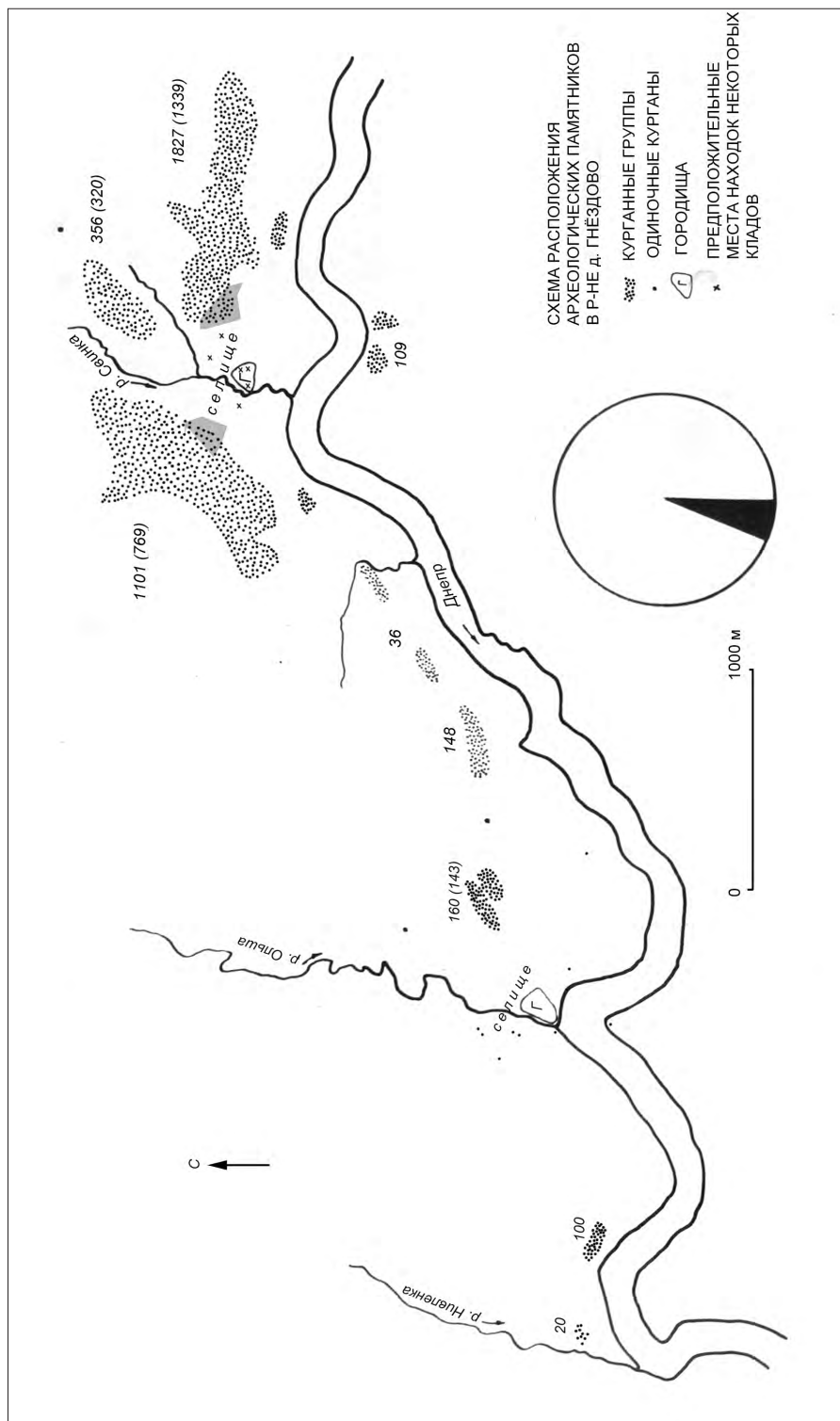

Таблица 53. Кладбище второй половины IX — начала X в. Количество курганов (в процентах), относящихся к данному периоду

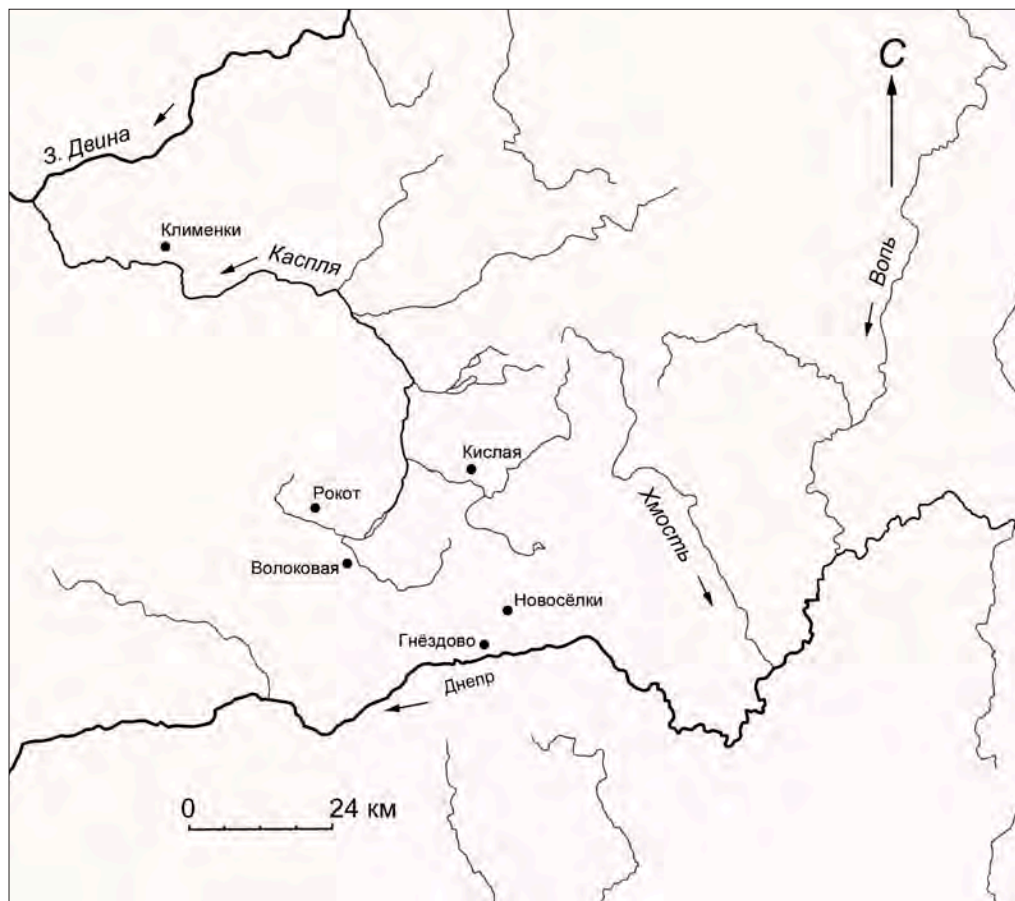

Таблица 54. Находки скандинавского происхождения IX — начала X в.
в Днепро-Двинском междуречье

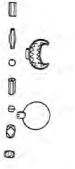
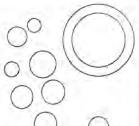
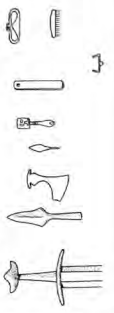
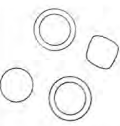
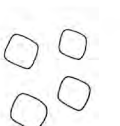
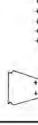
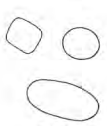
	тип могильника	способ захорон.	вид захоронения	тип керамики	женские украшения	некоторые категории погребального инвентаря
Г н ё з д о в о		ТПП		круглая клейма		
		ТПС		круглая		
		ТПС		лепная круглая		
Новоселки		ТПС		лепная		
Смоленские длинные курганы		ТПС		лепная		

Таблица 55. Изменение погребального обряда и вещевого комплекса в могильниках района Гнёздова

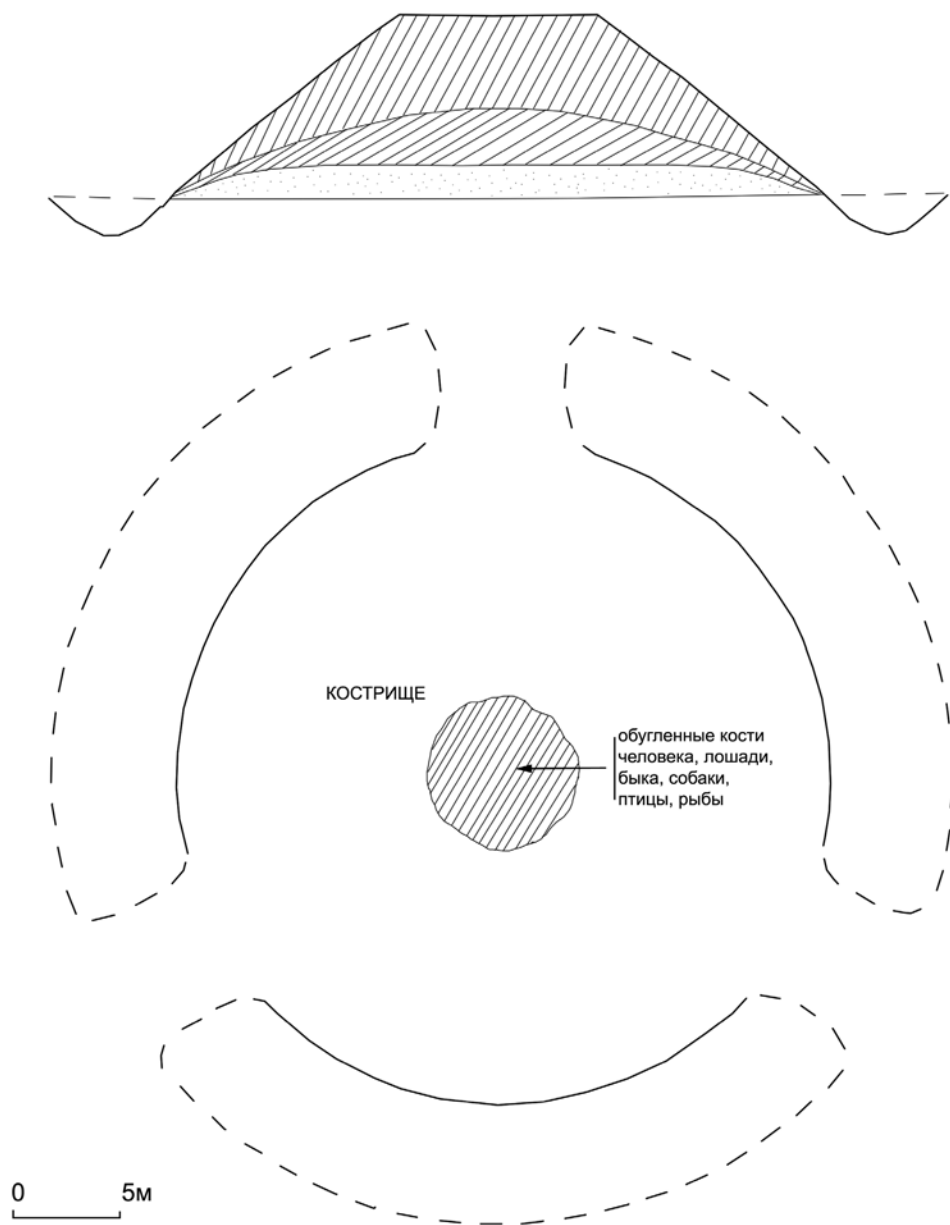

Таблица 56. Курган Гульбище (Чернигов)

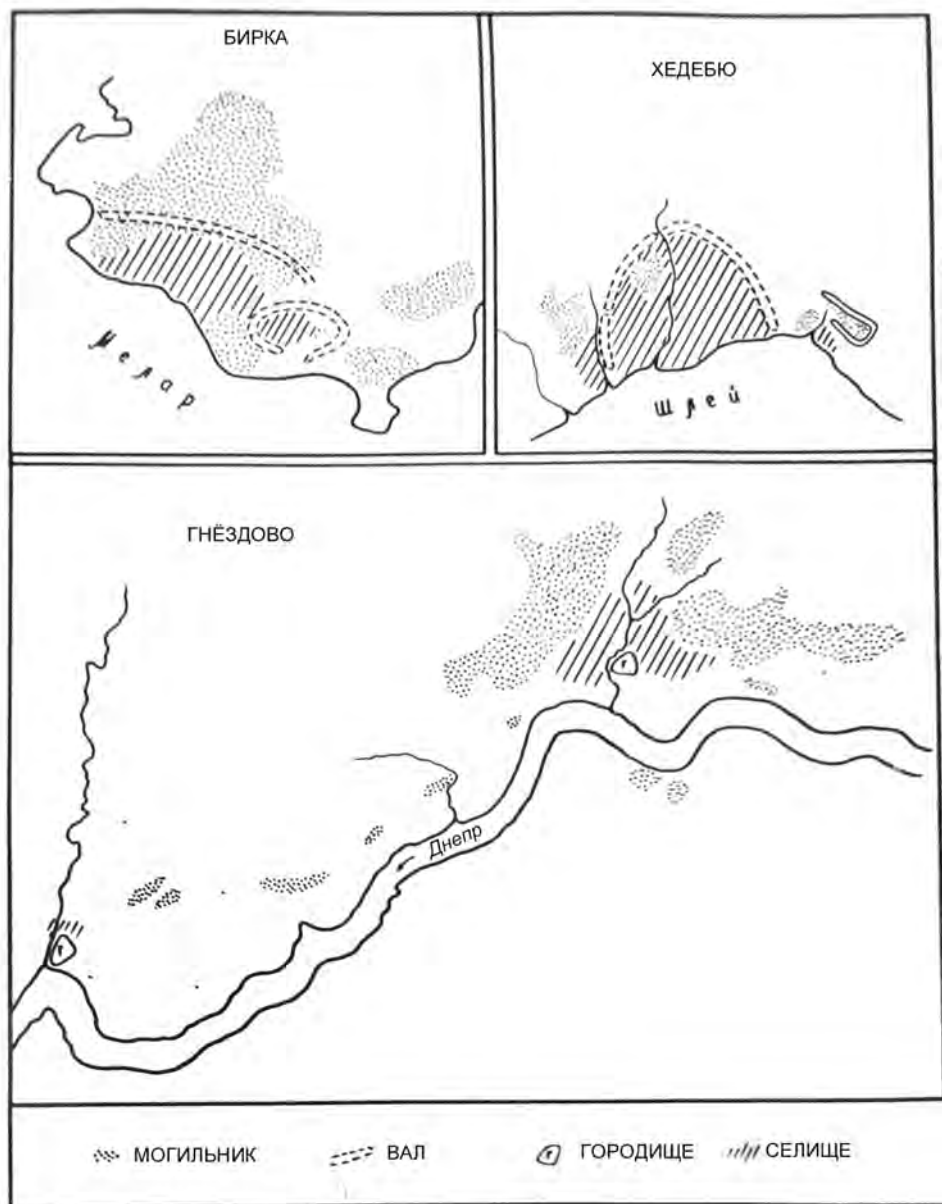
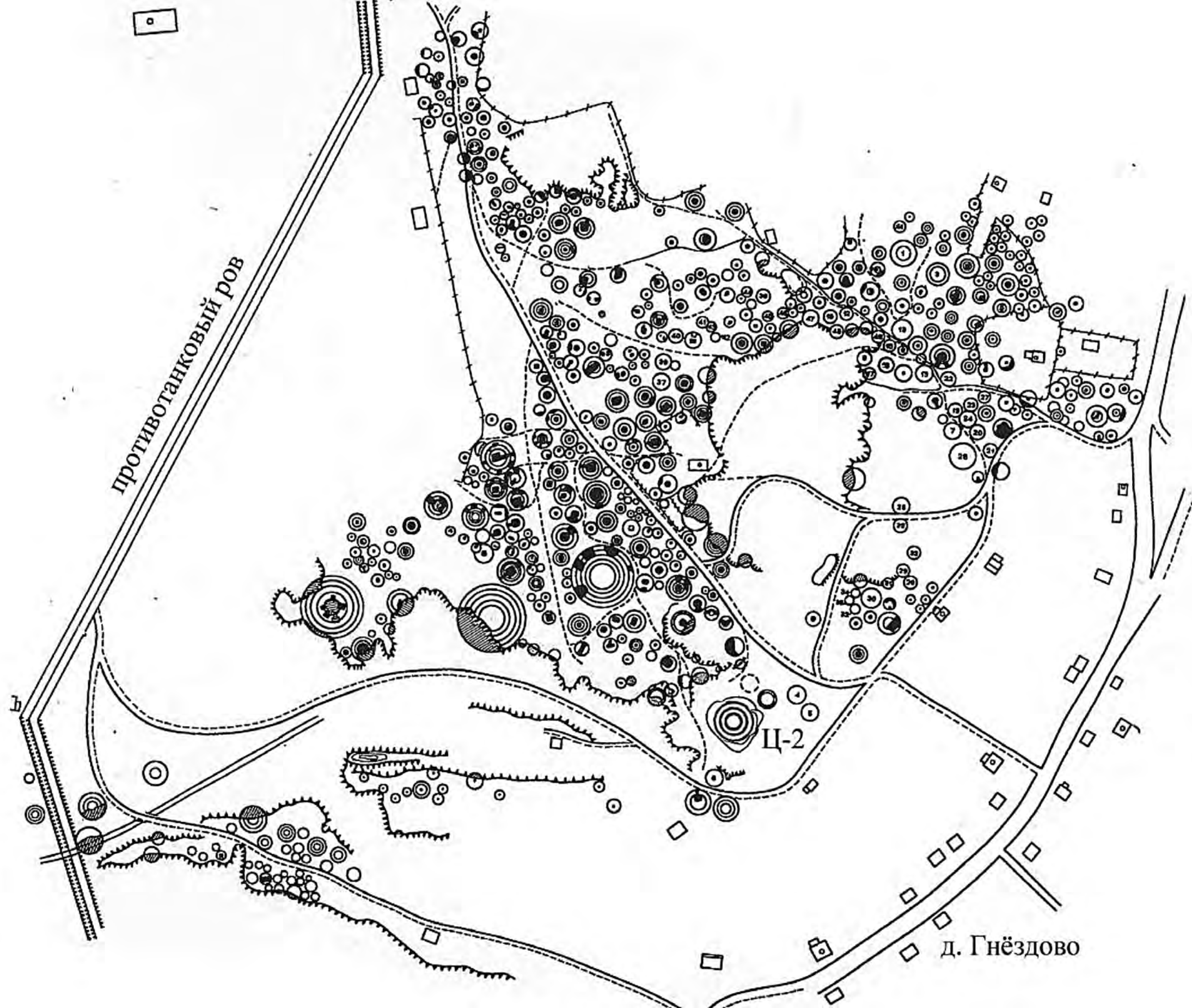

Таблица 57. Схематические планы Бирки, Хедебю и Гнёздова (масштаб приблизительно одинаков)

Диссертация В.А. Булкина (1945–2017), защищенная в 1973 г. в Ленинградском университете, является фундаментальным исследованием, в котором описан Гнёздовский могильник IX–X вв. Памятник рассмотрен в исторической динамике и в окружающем археологическом контексте. Предложена авторская историческая реконструкция феномена Гнёздова – поселения викингов на верхнем Днепре в окружении местных кривичей и славян, пришедших с юга.

